

Т.Ю. Казанцева

**СКЛОНЕНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ СО СЛОЖНЫМИ
ОСНОВООБРАЗУЮЩИМИ ФОРМАНТАМИ
В ДРЕВНЕГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ**

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
СЕВЕРСКИЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
Федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения
высшего профессионального образования

«Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»

Т.Ю. Казанцева

**СКЛОНЕНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ СО СЛОЖНЫМИ
ОСНОВООБРАЗУЮЩИМИ ФОРМАНТАМИ
В ДРЕВНЕГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ**

Монография

Северск 2010

УДК 801.3; 802/809.1
ББК 84.43
К 142

Казанцева Т.Ю. Склонения существительных со сложными основообразующими формантами в древнегерманских языках: Монография/ Т.Ю. Казанцева. – Северск: Изд-во СТИ НИЯУ МИФИ, 2010г. – 149 с.

Монография посвящена реконструкции древней семантики сложных основообразующих формантов в древнегерманских языках. Рассматриваемые форманты оказали значительное влияние на формирование системы склонения существительных и имеют непосредственное отношение к исходным признакам активного и более раннего классного состояния индоевропейских языков. В работе приводится семантическая классификация готских имен, имеющих маркер одушевленности, оценивается роль сложных формантов в формировании существительных активного класса, учитываются этнокультурные факторы древнейшего периода индоевропейской истории. В процессе сопоставления типологически сходного материала и данных о культурных категориях разных народов используется метод типологических параллелей.

Книга рассчитана на германистов широкого профиля, специалистов в области сравнительно-исторического языкознания, аспирантов и всех, кто изучает историю германских, индоевропейских языков и культуру древних германцев.

Рецензенты: Осипова О.А., профессор кафедры английской филологии Томского государственного педагогического университета, доктор филологических наук.
Новицкая И.В., доцент кафедры английской филологии Томского государственного университета, кандидат филологических наук.

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Северского технологического института.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1 Реконструкция индоевропейских категорий в именном склонении.....	8
ГЛАВА 2 Склонения существительных сложных основ в древнегерманских языках.....	36
2.1 Формо- и словообразовательные функции сложных основообразующих формантов в готском языке	38
2.2 Модели существительных со сложными основообразующими формантами в древнегерманских языках	45
ГЛАВА 3 Семантический анализ древнегерманских существительных со сложными основообразующими формантами <i>-ja-</i> , <i>-wa-</i> , <i>-jō-</i> , <i>-wō-</i>	54
3.1 Группы существительных <i>ja-</i> , <i>wa-</i> , <i>jō-</i> , <i>wō-</i> основ.....	59
ГЛАВА 4 Древнегерманские существительные с основами на <i>-jōn</i> , <i>-wōn</i> , <i>-jan</i> , <i>-wan</i>	79
ГЛАВА 5 Отражение древнего окружающего мира в языке и роль консонантных формантов <i>-j-</i> , <i>-w-</i> , <i>-n-</i> в формировании существительных активного класса.....	85
ГЛАВА 6 Функционирование сложных основообразующих формантов в склонении индоевропейских существительных	117
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	127
ЛИТЕРАТУРА	131
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	146

*Посвящается
моему Учителю*

*доктору филологических наук,
профессору
Ольге Андреевне Осиповой*

ВВЕДЕНИЕ

В древнегерманских языках способность основообразующих формантов в имени служить в качестве словообразовательных и парадигматических элементов связана с их происхождением. Вопрос об их происхождении представляет собой тему специального исследования, при этом его нельзя рассматривать изолированно, вне связи с другими индоевропейскими языками.

Предметом исследования явился состав древнегерманских именных склонений, в которых прослеживаются сложные основообразующие форманты. В работе проводится лексико-семантический анализ древнегерманских существительных сложных основ, рассматриваются параллели древних германских и других индоевропейских языков. В задачу работы также входит показать роль основообразующих формантов в склонениях древнегерманских существительных. Мы используем косвенные данные и проводим типологические параллели, чтобы разрешить ряд вопросов, касающихся происхождения консонантных формантов.

Основообразующие форманты с консонантными элементами являются реликтами более древнего индоевропейского состояния [ИТМГЯ 1977: 146-148; Осипова 1980а, 1999, 2007]. Поэтому именно в них отразились следы классного и активного строения имени. В данной работе, прежде всего, будем иметь в виду сложные основообразующие форманты с консонантными показателями *-j-*, *-w-*, *-n-*.

Неоднократно высказывалось мнение, что в и.-е. языках основообразующие форманты в имени, как и в глаголе, играли классифицирующую роль. [Макаев, Кубрякова 1971: 204-210]. Вполне вероятно, что основообразующие показатели явились основой

классификации имен по определенному семантическому признаку [Якубинский 1953: 165; Кузнецов 1953: 57-58].

В связи с древностью источника восстановить семантические подгруппы имён, связанные с определенными основообразующими формантами, представляется затруднительно. Поэтому в некоторых языках предпочтение отдается одним показателям, в других – иным. Наблюдается тенденция к унификации одного форманта и закрепление за ним более обобщенного значения, например, как это происходило в древнегерманских языках, где показатель *-n* взял на себя функцию выражения одушевленности [Осипова 2007].

Немаловажное значение при рассмотрении функционирования и.-е. основообразующих формантов играет, во-первых, этимологический анализ имён, во-вторых, история и этнография данного народа, а также типологические параллели. В этой связи необходимо напомнить высказывание Г.А. Климова о том, что в языках активного строя, к каковым, по всей вероятности, ранее принадлежали и и.-е. языки [Климов 1977: 206-209], классы слов, обозначающие одушевленные, активные денотаты, менялись, т. е. пополнялись, обновлялись в зависимости от того, что приобретало у людей социальную значимость [Климов 1977: 211-212]. Типологически идентичное явление можно наблюдать в кетском языке, где к классу одушевленных имён относят реалии, тесно связанные с человеком, необходимые ему [Крейнович 1961: 114-116; 1968: 185-192; Вернер 1969: 178; Вернер 1974: 36].

Древнегерманские консонантные основообразующие форманты принимали участие не только в словообразовании, но и в формообразовании, что связано с их происхождением. Необходимо отметить, что в одном и том же форманте могли сочетаться несколько значений в том случае, если этот формант можно связать с дейктической местоименной основой.

Употребление большого количества формантов, содержащих консонантные элементы, свидетельствует о том, что для маркировки классов основ и, вероятно, активного падежа [Майтинская 1969; Осипова 2007] использовались дейктические частицы нескольких основ, ориентированные первоначально на передачу различных пространственных отношений.

Консонантные элементы относятся к более древней структуре индоевропейского имени, свидетельствующей об ином строе индоевропейских языков. Благодаря консервативности морфологического строя по сравнению с другими уровнями языка в парадигме склонения древнегерманских существительных могут открыться явления, которые помогут нам расшифровать функционирование сложных основообразующих формантов.

ГЛАВА 1

Реконструкция индоевропейских категорий в именном склонении

Реконструкция развития праязыка и установление в нем относительной хронологии, прежде всего, возможно потому, что в засвидетельствованных языках отражены явления разных периодов истории праязыка, в том числе самых ранних. Однако глубинная праязыковая реконструкция всегда остается лишь одной из возможных интерпретаций и требует проверки фактами [Маньков 2004: 79-80]. В этом случае такими фактами могут быть только данные внешнего, неиндоевропейского, сравнения. Скептическое отношение к опытам внешнего сравнения связано с недооценкой возможностей метода «ступенчатой реконструкции». Данная недооценка является следствием представления о реконструированных праязыковых формах; чем глубже реконструкция, тем значительнее потеря информации. Однако при последовательном применении сравнительно-исторического метода никакой потери информации не будет; лингвистическая реконструкция – это единственный способ установления диахронической структуры элементов языка [Дыбо 1994: 43-44]. В этом смысле «реконструкция более содержательна и информативна, чем отдельный языковой факт» [Дыбо 2002: 457]. Хронологическое углубление реконструкции при строгом соблюдении сравнительно-исторического метода само по себе не ведет к потере информации. Если какое-либо явление не может быть объяснено на синхронном уровне, в том числе праязыковом, следует углублять реконструкцию и давать диахроническую интерпретацию реконструированным праязыковым фактам, основываясь на внешнем сравнении. Перед лингвистической реконструкцией возникает единственное препятствие – это невозможность обнаружить какие-либо элементы, «допускающие соотнесение». Существование соотносимых

элементов в лексике, словообразовании и словоизменении шести языковых семей Евразии, в том числе индоевропейской, было убедительно интерпретировано как свидетельство генетического тождества этих элементов, следовательно, родства данных языковых семей [Иллич-Свитыч 1971-1984]. В результате появилась возможность «составить представление о доиндоевропейском периоде», которую предвидел А.Мейе. Необходимо отметить, что если в начале XX века еще можно было ограничить задачу исторического языкознания изучением «последовательного развития от общеиндоевропейского к каждому данному языку» [Мейе 1938: 78], то в 30-е годы осознается необходимость изучения предыстории самого праиндоевропейского языка [Бенвенист 1955: 25]. Э. Бенвенист утверждал, что праиндоевропейский язык следует рассматривать «не как собрание неизменных символических знаков, а как язык в его становлении, раскрывающий в своих формах такое же разнообразие происхождения и хронологии, как у любого исторически засвидетельствованного языка», и как язык, «хотя и восстановленный, но допускающий, тем не менее, генетический анализ» [Бенвенист 1955: 26].

В настоящее время тот факт, что многочисленные и разнообразные языки индоевропейской семьи некогда представляли собой лингвистическое целое и восходили в глубокой древности к существовавшему общему для них всех праязыку, не подвергается сомнению. Таким образом, «понятие праязыка не является лингвистической фикцией, а подразумевает некогда реально существовавший и функционировавший язык. Период его функционирования именуется общеиндоевропейским» [Туманян 1978: 13]. Речь здесь идёт не о физическом родстве народов, которые говорили на данном языке, а об их языковом и культурном единстве. Такое единство было возможно, если древние индоевропейские народы жили на достаточно компактной территории и находились в общении друг с

другом. Это естественным образом (даже при отсутствии физического родства между отдельными народами) привело к общности языка и культуры, что подтверждается историческими, археологическими и этнологическими данными [Гамкрелидзе, Иванов 1984].

Типологическое сопоставление с языками так называемых «примитивных» обществ может оказать значительную помощь в реконструкции древнейших периодов индоевропейских языков, на что указывали многие лингвисты [Виноградов 1990: 182; Макаев 1964: 10 и др.]. Схожую идею выдвигает Л. Леви-Стросс, который говорит о том, что «эти народы самой архаичностью своих орудий производства и установлений вызывают у нас представление о возможности воссоздать социальный уклад очень древних народов, живущих один или два десятка тысячелетий тому назад» [Леви-Стросс 2001: 107].

Именная классификация представляет несомненный интерес с точки зрения типологии, поскольку сфера распространения языков с именными классами весьма обширна. В ряде индоевропейских языков существуют остатки именных классов, на что указывала И.Н. Топорова [1974: 15].

В исторически засвидетельствованные эпохи индоевропейских языков именная классификация уже не ощущалась как живая категория, поэтому реконструкция классов имен является затруднительной задачей. Критерии отнесения слова к тому или иному типу основы не всегда устанавливаются достаточно чётко. По мнению А.Е. Манькова, в и.-е. языках именной класс представляет собой такую группу существительных, принадлежность которых к единому словоизменительному типу обусловлена их значением. Основанием же для выделения именных классов является наличие семантической мотивации в принадлежности существительных к тому или иному типу склонения [Маньков 2004: 92].

Результатом такого исторического развития явились многочисленные исключения и кажущиеся неправильности индоевропейских языков. В

любом индоевропейском языке, древнем или современном, можно легко найти реликты исчезнувших систем и классов, и эти реликты восходят к разным эпохам истории языка. Такие пережитки, свидетельствующие о древнейшем состоянии языка, позволяют восстановить такое состояние хотя бы частично.

Происхождение и развитие морфологической структуры индоевропейского имени невозможно рассматривать отдельно от тех лексических категорий, которые, вероятнее всего, и послужили одной из главных причин возникновения и происхождения индоевропейского склонения. Анализ оформления падежной системы в любых индоевропейских языках показывает значительное разнообразие типов склонения, и каждый тип в зависимости от основообразующего суффикса характеризуется особым оформлением падежей. Причины такого отсутствия единства уходят корнями в раннеиндоевропейское состояние, а, возможно, и к доиндоевропейской эпохе. Можно согласиться с мнением А. Мейе о том, что «исторически объяснить индоевропейский язык возможно только тогда, когда будет доказано его родство с другими языковыми семьями, когда окажется возможным установить системы соответствий, при помощи которых возможно составить представление о доисторическом периоде» [Мейе 1938: 81].

Основная проблема, связанная с реконструкцией древних именных классификаций и семантикой суффиксов, состоит в многослойности этого явления. Крайне затруднительно отнести существование какой-либо классификации к определённому этапу развития индоевропейского языка по той причине, что на протяжении нескольких тысяч лет, когда складывалась данная классификация и система склонения, возникали какие-то новые элементы, они сосуществовали с более ранними элементами, накладывались на них, переименовывались, элиминируя старые типы только до определённой степени. Можно предположить, что в

течение всей истории индоевропейских языков форманты могли изменять свою семантику, исчезать на основе процессов морфологического переразложения и опрощения, а также под влиянием родовой дифференциации.

В основе большинства именных классификаций лежит тип основообразующего суффикса. Происхождение и разнообразие основообразующих суффиксов является отражением древней именной классификации, характеризовавшей индоевропейские языки в период, предшествовавший оформлению системы склонения, а может быть, также и системе спряжения, т. к. именные и глагольные основы частично совпадают по своим формантам, например, так называемый тематический гласный с его чередованием *e/o* совпадает с показателем именных основ на *-o* [Десницкая 1941: 49]. Представители младограмматического направления отдавали предпочтение противопоставлению тематических и атематических основ. Данное деление основывается на том, оканчивалась ли основа имени на чередующийся гласный **e/o* или нет. К тематическим основам, т. е. с таким чередованием, относятся лишь индоевропейские *o*-основы; все остальные являются атематическими. Такое традиционное деление предлагают многие индоевропеисты, в частности А. Мейе [Мейе 1938: 200]. Однако в германских языках противопоставление тематических и атематических основ постепенно исчезает.

По мнению Л. П. Якубинского, «...в основе первоначального деления имён на деklinационные группы должен был лежать какой-то семантический принцип, какое-то содержание, формой выражения которого и были наши различные основы склонения» [Якубинский 1953: 165].

В современной индоевропеистике принято считать, что многообразие основообразующих суффиксов наследовано из древнейших этапов истории развития языка, а именно когда индоевропейский язык характеризовался

активным, эргативным или даже классным строем [Климов 1977: 214, Савченко 1974: 424]. Эту точку зрения развили Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванов. В своей реконструкции праиндоевропейского они исходят из того, что это был язык активной типологии с отдельными эргативными чертами [Гамкрелидзе, Иванов 1984].

Теорию Гамкрелидзе – Иванова развил Ю.С. Степанов, сконцентрировав свое внимание на периоде перехода индоевропейских языков от активного строя к стандартному номинативному [Степанов 1989]. Кроме того, его работа содержит анализ понятий «активный/неактивный» с точки зрения современной лингвистической семантики. Согласно Ю.С. Степанову, категория активности градуальна; она может быть описана с помощью шкалы «лица/ люди/ живые существа/ неодушевленные предметы/ стихии/ абстрактные понятия» [Степанов 1989: 14]. Чем левее находится означаемое имени, тем оно активнее, т. е. заметнее его воздействие на окружающий мир.

В основе подобных классификаций, как отмечает А.В. Десницкая, «...лежит дифференциация всех предметов окружающего мира (с включением абстрактных понятий) на группы по определённым признакам в зависимости от места, занимаемого ими в процессе деятельности человеческого коллектива и познания им окружающей действительности» [Десницкая 1941: 49]. Так, например, в языках банту насчитывается от 13 до 18 классов, куда входят абстрактные понятия, единичные, парные, множественные понятия, классы животных, людей, деревьев и т. д. [ЛЭС 1990: 59]. Однако, как отмечает А.В. Десницкая, даже в этих языках единый семантический признак, характеризующий какую либо группу, не всегда устанавливается достаточно чётко [Десницкая 1941: 50].

В настоящее время сложно проникнуть в характер мышления древнего человека, в связи с тем, что картина мира древнего человека очень сильно отличается от картины мира современного человека. Дж.

Лакофф описал модель обобщения в одну группу слов, семантика которых имеет мало общего. Он объясняет группировку таких понятий как «женщина», «солнце», «опасные предметы», «крапива», «сверчок» в одну языковую категорию наличием общей семы «огонь, жжение» и доказывает это с помощью переносных значений, олицетворений, ассоциаций [Лакофф 1988: 13, 15, 21]. Работа Дж. Лакоффа позволяет утверждать, что подобные процессы должны были происходить у древних индоевропейцев. Во-вторых, подобный анализ возможен, и задача современного исследователя – понять, как древние воспринимали мир. Все это поможет раскрыть тенденции развития языка, и наоборот, изучить остаточные явления в языке, которые позволят реконструировать картину мира древнего человека.

Попытки реконструировать древнюю семантику основообразующих суффиксов предпринимались неоднократно и многие из них можно считать вполне убедительными и логичными. В своей работе А. Кюни пытался семантизировать основы на *-и* как древний класс парных предметов, включающих, с одной стороны, пары пртивотоставляемых прилагательных, типа греч. *βραδύς* «медленный» – *ταχύς* «быстрый», а с другой стороны – парные части тела гот. *kinnus* «щека», греч. *γόυς* «колени», лат. *manus*, гот. *handus* «рука», гот. *fotus* «нога» и т. д. [Cuny 1924 цит. по: Десницкая 1941: 50].

Клод Чехофф полагает, что хеттский суффикс *-ant-* выполняет функцию перевода имен в разряд одушевленных [Tchekhoff 1978]. В типологических параллелях, приводимых К. Чехофф, примечательно то, что во многих языках эргативного типа неодушевленные и одушевленные имена маркируются по-разному. Исследуя хеттские имена на *-ant*, Э. Бенвенист и Э. Ларош указывают на то, что данные имена обозначают активно действующие сущности [Benveniste 1962; Laroche 1962]. Вслед за Э. Бенвенистом К.Г. Красухин определяет функцию суффикса *-ant-* как

персонифицирующую, которая проявляется, прежде всего, в магических обрядах [Красухин 2005: 26-27]. Возможность развития данного суффикса подтверждается внешним сравнением. По-видимому, он является расширением простого суффикса *-n-*, который образует в древнегреческом имена собственные [Solta 1958].

Одна из особенностей древних индоевропейских склонений существительных состоит в том, что они подразделялись на склонения имен с основой на гласные и на согласные. Оба класса имели свои формальные признаки. Существует мнение, что само именное склонение зародилось у имен активного, одушевленного класса [Тронский 1967б: 92] и во временном отношении склонение существительных на гласные основы возникло позже [Шантрэн 1953: 22-23; Барроу 1976: 227-228; Specht 1947: 79, 353; Hirt 1925: 266; Haudry 1977: 56].

В лингвистической литературе указывается на тот факт, что в германских *n*-основах род первоначально не дифференцировался [ИТМГЯ 1977: 148]. Следовательно, имени были свойственны другие категории. Последнее подтверждается типологическими сравнениями с языками активной типологии, в которых имя подразделяется на класс одушевленный и неодушевленный, или активный и инактивный. Отмечается также, что само склонение первоначально появилось у имен активного класса. По мнению Г.А. Климова, языки активного строя, к каковым в глубокой древности принадлежали и индоевропейские языки, обладали весьма бедной системой склонения [Климов 1977: 132, 281]. Есть все основания предполагать, что делению индоевропейских существительных по родам предшествовала двухклассная система, т. е. противопоставление одушевленных, активных имен, обладающих склонением, именам инактивного класса. Поскольку консонантное склонение появилось раньше, то возможно, что и консонантные показатели были задействованы как маркеры одушевленности, что попытаемся

обосновать на примере анализа древнегерманских существительных со сложными основообразующими формантами.

Что же подразумевается под лингвистической категорией? По мнению О.С. Ахмановой, это «общие свойства различных классов и разрядов языковых единиц, конституирующих эти классы и получающих разнообразное языковое выражение» [Ахманова 1957: 190].

Среди явлений, охватываемых понятием «именные классификации», наиболее поздней является категория рода, и взаимоотношения рода грамматического и рода лексического – одна из наиболее дискуссионных проблем в индоевропеистике. Достаточно чёткое соответствие рода природного (sexus) роду грамматическому (genus) во всех индоевропейских языках можно наблюдать лишь в отношении существительных, обозначающих людей и некоторых животных (главным образом, домашних животных). В отношении остальных слов, род, по выражению А. Мейе, – «одна из наименее логичных и наиболее неожиданных грамматических категорий» [Meillet 1926: 202].

Происхождение индоевропейской категории рода относится к одному из главных и наиболее трудных вопросов в сравнительно-историческом языкознании. Трудность заключается в том, что в большинстве случаев не виден принцип отнесения существительных к тому или иному роду. Реконструкция формирования категории рода связана с рассмотрением этимологии формантов, которые становятся элементами индоевропейской системы классификационных противопоставлений. Поскольку формирование категории рода относится к доисторическому периоду, его необходимо изучать путем анализа реконструированных форм, т. е. переносить метод внутренней реконструкции с засвидетельствованных языков на язык незасвидетельствованный, праиндоевропейский. А.Е.Маньков приводит следующее определение категории рода в реконструированном праиндоевропейском: «...это морфологическое

выражение приписываемого денотатам пола. С диахронической точки зрения роды исторических индоевропейских языков являются десемантизированными именными классами» [Маньков 2004: 92].

Для существительных, род которых немотивирован, польский лингвист Е. Курилович устанавливает следующее правило: в момент формирования рода эти существительные принимают род тех существительных, с которыми функционально чередуются. По его мнению, «не следует искать спасительного объяснения этому в мифологическом мышлении и олицетворении» [Курилович 1962: 208]. Однако позволим не согласиться с точкой зрения Е. Куриловича, поскольку объяснения нужно искать, и такие объяснения в отношении многих слов уже найдены. В работе не исключается возможность использования данных лингвистической реконструкции для восстановления определенных аспектов мировосприятия. Лингвистический материал необходимо пополнять материалом мифологии, поскольку именно «мифология являлась тем способом мыслительного освоения действительности, который был свойственен праиндоевропейской эпохе» [Маньков 2004: 81].

Выражение категории одушевленности/неодушевленности (активности/инактивности) характеризуется не только общностью значений, но и формальными признаками.

На сохранение реликтов глубокой древности в именной словоизменительной системе, в особенности аномальных построений именных парадигм, указывает М.М. Гухман в своей работе «Историческая типология и проблема диахронических констант» [Гухман 1981: 199, 205, 207].

Учитывая особенности морфологической структуры древних индоевропейских языков, А.Мейе предположил, что трехчленной родовой системе классификации предшествовала двухчленная. По его

мнению, средний род некогда противостоял не мужскому и женскому как двум самостоятельным родам, а как единому целому, впоследствии распавшемуся на два отдельных рода [Meillet 1931: 1-28]. А.Н.Савченко, говоря о грамматической структуре имени в праиндоевропейском, предполагает, что «имена на этой ступени развития разделялись на два класса: активный и пассивный» [Савченко 1967: 74]. Существенно мнение К.Г. Красухина о маркирующем признаке активности по сравнению с инактивностью [Красухин 2005: 20].

Такое деление имен на два класса (общего или одушевленного и среднего или неодушевленного), по мнению М.М. Гухман, наиболее прозрачно выступает в хеттском. Она даже допускает, что возведение «индоевропейской трехродовой системы к делению имен на одушевленные (активные, общий род) и неодушевленные (пассивные, средний род) означало вместе с тем их подключение в отдаленном прошлом к разновидности классной типологии» [Гухман 1981: 200].

Группировка существительных в «одушевленные» и «неодушевленные» классы была свойственна не только языкам классного типа, но и начальному этапу языков активного строя [Климов 1977: 173-174, 268-269, 312]. Г.А. Климов отмечает, что «...эволюция многоклассного противопоставления существительных в бинарную оппозицию активного («одушевленного») и инактивного («неодушевленного») классов была засвидетельствована в истории целого ряда языков» [Климов 1977: 270]. На это явление указывал А.П. Рифтин в отношении шумерского языка, в котором «многие грамматические классы» объединились «в два класса – активный и пассивный» [Рифтин 1946: 42]. В ряде языков банту, где существует большое количество классов существительных, и сейчас можно наблюдать тенденцию группировки существительных в эти два класса, что, видимо, связано с разрушением классов, с исчезновением их четкого семантического

деления. Например, в языке лингала наблюдается противопоставление по признаку одушевленности/неодушевленности I-II классов существительным III-IV классов. К первым двум классам относятся имена, обозначающие лица, а также предметы, одухотворенные человеком; к третьему классу относятся абстрактные понятия. Остальные классы очень трудно связать с каким-либо одним значением [Топорова 1974: 35].

Согласовательным классам в языках банту посвящены работы Н.В. Охотиной, из которых можно заключить, что большинство классных показателей представляет краткие местоименные формы [Охотина 1974; 1985]. Так, например, в языке суахили такие показатели являются несамостоятельными местоимениями, выступающими в виде суффикса, и встречаются в двух первых согласовательных классах, а в языке зулу присутствует полный набор несамостоятельных местоимений по всем согласовательным классам [Охотина 1974: 9]. Н.В. Охотина считает такие несамостоятельные местоимения вариантами личных самостоятельных местоимений:

Класс	Личные самостоятельные местоимения	Несамостоятельные местоимения
III, VI	<i>wona</i>	<i>-wo</i>
IV, IX	<i>jona</i>	<i>-jo</i>

В какой-то степени сравнение с кетским языком может помочь восстановить картину праиндоевропейского языка, т. к. именно в кетском наряду с зачатками деления по родам сохранилось более древнее деление существительных на классы: одушевленный/неодушевленный или вещный/невещный [Дульзон 1968: 63, 64; Вернер Г.К., Вернер И.Г. 1968: 161; Вернер 1972: 9,14].

К одушевленным именам в кетском относятся названия не только живых существ, некоторых частей тела и всего растущего, но и

названия социально значимых предметов [Вернер 1974: 36; Вернер 1969: 178; Крейнович 1968: 185-192; 1961: 114-116]. В кетском языке выделяются и показатели одушевленности для множественного числа, и рода (для ед. ч. мужского рода *-a-*, для женского рода *-i-*) [Дульзон 1968: 70, 71; Вернер 1972: 7]. Что касается праиндоевропейского языка, то такую четкую градацию невозможно восстановить. Можно лишь констатировать, что в одних основах группируется больше слов мужского рода, например, индоевропейские *o*-основы, в других – женского рода, например, индоевропейские *ā*-основы, некоторые основы содержат все три рода.

Необходимо принимать во внимание, что группировка существительных в «одушевленный» и «неодушевленный» классы подразумевает более древний этап по сравнению с группировкой существительных в языках активной типологии «по значительно более абстрактному признаку активности ~ инактивности соответствующих денотатов» [Климов 1977: 174].

Однако четкую грань между объединением классов существительных по признаку одушевленности/неодушевленности и активности/инактивности провести очень трудно, ибо эти категории развивались постепенно, вбирая в себя все новые группы имен и как бы пронизывая одна другую. В отношении праиндоевропейского М.М. Гухман допускает существование в системе существительных «бинарной оппозиции активного и инактивного классов, соотнесенной и частично перекрываемой противопоставлением существительных по признаку одушевленность/неодушевленность» [Гухман 1981: 229].

В тех языках, в которых категория рода сохранилась, и сейчас можно наблюдать очень сложные переплетения этой категории с выражением в имени противопоставления по полу, личности – неличности, одушевленности – неодушевленности [Аксенов 1984: 21-23]. В своей

работе Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов указывают на сочетание различных признаков у активных существительных, кроме выражения одушевленности [Гамкрелидзе, Иванов 1984].

По мнению А.Н. Савченко, для праиндоевропейского «термины «одушевленный» и «неодушевленный» неточны, потому что к активному классу принадлежали также многие имена, обозначающие неодушевленные предметы [Савченко 1967: 74-90]. А.В. Десницкая считает неверным подходить к семантике двухчленной классификации в каждом отдельном языке с единой формулой: «одушевленные – неодушевленные», «активные – пассивные», «разумные – неразумные» [Десницкая 1984б: 67].

В свою очередь термины «одушевленный/неодушевленный» и «активный/инактивный» имеют право на существование. Однако семантические основы этого деления были уже потеряны, но его формальные признаки, основообразующие форманты, еще можно выделить. Поэтому, употребляя данные термины, мы будем подразумевать одушевленные классы имен в более широком смысле, т. е. имена, включающие также признаки активности. Отметим, что большого внимания заслуживают исследования готской языческой лексики Н.А. Ганиной и О.А. Осиповой, которые во многом перекликаются с нашим подходом к анализу древнегерманских существительных со сложными основообразующими формантами. Следует согласиться с точкой зрения Н.А. Ганиной о том, что «языковые данные открывают уникальную возможность наиболее достоверной реконструкции существенных черт мировоззрения и менталитета человека ушедших эпох» [Ганина 2001: 45].

К «одушевленному» классу будем относить такие имена, которые А. Мейе характеризует следующим образом: «В индоевропейском все, что движется, все, что действует, тем самым попадает под понятие 'одушевленного'» [Мейе 1938: 345]. Интересна мысль А. Мейе о том,

что «если исходить из мышления полудициализованного человека, можно почти всегда объяснить, почему то или иное слово относится к «одушевленному» или «неодушевленному» роду [Мейе 1938: 346], такой же точки зрения придерживается Г. Корбет [Corbett 1991: 317]. К «одушевленному» роду А. Мейе относит и «... имена, обозначающие активные силы» [Мейе 1938: 346]. Дополним описание «одушевленного рода» мнением Дж.О. Кёрма о том, что древние индоевропейцы персонифицировали гораздо больше неодушевленных вещей, например, таких как солнце, луна, земля, небо, море, звезды, кустарники, растения, цветы, деревья, реки, ветры, вода, огонь, действия, процессы и т. д. Отличались же одушевленные имена от неодушевленных по форме, а одушевленные существительные не различали пола [Curme 1931: 553]. Возможно, имена одушевленного класса отличались от неодушевленного не только своей семантикой, но и определенной маркировкой. Поэтому, обращая особое внимание на группы существительных, обозначающих одушевленные денотаты, следует считать важным их маркированность как один из признаков, по которому древние относили их к классу одушевленных. Т.В.Гамкрелидзе и В.В. Иванов полагают, что к активным (одушевленным) денотатам древние индоевропейцы относили не только людей, животных, деревья и растения. «Помимо имен с естественно-активными денотатами к активному классу относятся, очевидно, и такие ‘неодушевленные’ объекты, которые мыслятся носителем языка как выразители активного начала, наделенные способностью к активной деятельности. К этим именам, относимым к активному классу, принадлежат названия подвижных или наделенных способностью к активной деятельности частей человеческого тела: рука, нога, глаз, зуб и другие, а также названия персонифицированных, активно мыслимых явлений природы и

абстрактных понятий: ветер, гроза, молния, осень, вода, река, рок, судьба, доля, благо и др.» [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 274].

В поле зрения индоевропейцев были группы существительных, обозначающих предметы, тесно связанные с человеком и его жизнедеятельностью [Specht 1947 и др.], которые исследовала в своей работе О.А. Осипова [2007]. К ним относятся следующие группы:

1) созвездия, обозначение времени, окружающая природа, небо, земля, огонь, вода, море, камни, горы, пещеры, ямы, дороги и др.; 2) окружающий человека мир животных и продукты этого мира; 3) мир деревьев и растений и изделия из них; 4) части тела; 5) семья, дом, жилище, орудия и т.д. Слова, обозначающие предметы в перечисленных группах, принадлежали к основам с консонантными элементами, в которых был представлен наиболее древний слой индоевропейского словаря. Все эти реалии древние индоевропейцы или одушевляли, или персонифицировали [Specht 1947 цит. по: Осипова 2007: 25-26].

Поскольку деление на одушевленные и неодушевленные предметы в силу различных культурных и религиозных представлений у индоевропейца могло быть иным, поэтому, по мнению К. Шилдз, некоторые имена (ветер, солнце, мороз и т. д.), обозначающие неодушевленные предметы, «могут выступать в функции агенса» [Шилдз 1988: 226-227]. А.Е. Маньков продолжает мысли К. Шилдз и высказывается о том, что любое «активное действие, производимое предметом, кажется целенаправленным, а сам предмет представляется разумным и одушевленным и этими качествами подобным человеку. Одушевление в данном случае представляет собой не метафору, а является отношением к вещи как к одушевленной, живой в буквальном смысле» [Маньков 2004: 82].

В данном исследовании необходимо связать социальную значимость соответствующих денотатов с именами одушевленного класса. В этом нас убеждает особое отношение аборигенного населения Сибири ко многим вещам, играющим важную роль в их жизни. Как показали исследования Г.К. Вернера, в кетском языке к одушевленному классу относятся имена, обозначающие социально значимые вещи [Вернер 1974: 34-45]. Что же касается языков активной типологии, то в них происходит постепенная перестройка оппозиции по признаку общественно активных денотатов общественно инактивным [Климов 1977: 211-212].

В лингвистической литературе отмечается, что существительные, относящиеся к одушевленному классу, входят в основной фонд древней индоевропейской лексики. Так, А. Мейе называет следующие группы этой лексики: а) названия родства; б) названия животных и растений; в) названия некоторых вещей (топор, сосуд, названия металлов и т. д.); г) части тела [Мейе 1938: 391-408]. Более детальная группировка имен семантического словаря индоевропейцев дана в книге Т.В. Гамкрелидзе, В.В. Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы» [1984, ч. 2].

Во многих уральских языках такие существительные наделены лично-притяжательными суффиксами, т. е. присоединяют посессивные форманты [Майтинская 1966: 20]. В тех финно-угорских языках, где категория посессивности (принадлежности) имеет материальное выражение, она, как правило, связана с существительными только определенной семантики [ОФУЯ 1974: 268]. А.А. Ким детально изучила лично-притяжательные суффиксы в селькупском, одном из уральских языков, и показала, что они способны принимать субстантивы, обозначающие родственные или близкие к ним отношения, части тела человека или животного, предметы домашнего обихода [Ким 1981: 74-83].

О.А. Осипова описала сходства данных групп существительных с группами существительных в древнегерманских языках, относящихся к

консонантным склонениям [Осипова 2007: 20, 40, 148]. В языках активной типологии они во многом напоминают существительные, способные принимать формы органической (неотторжимой) принадлежности [Уленбек 1950: 187; Леви-Брюль 1950: 209, 212-216; Шухардт 1950: 147; Климов 1977: 149, 153; Осипова 2007: 135].

На основании вышеизложенного категорию одушевленности/неодушевленности в древнегерманских языках можно рассматривать в тесной связи с категорией посессивности.

В склонении древнегерманских существительных отражение категории одушевленности/неодушевленности можно связать с употреблением в них основообразующих формантов, т. е. наиболее древних маркеров именных классов, которым отводится особая роль. Древнегерманские языки сохраняют лишь следы некогда существовавшей бинарной оппозиции в делении существительных на одушевленные и неодушевленные при помощи отнесения их к соответствующему склонению. Поэтому группировка существительных в склонения на консонантные и гласные основы могла быть отражением перестройки классного деления существительных по более абстрактному признаку – одушевленности/неодушевленности. По мнению О.А.Осиповой, имена, относящиеся к одушевленному, активному классу первоначально выделялись своей маркированностью, консонантными показателями, которые противопоставлялись немаркированным, неодушевленным именам [Осипова 2007: 21]. В свою очередь Б. Комри считает одушевленность универсальной понятийной категорией, которая существует независимо от ее реализации в любом конкретном языке и может не только выражаться определенными средствами, но и указывать на ее концентрацию [Comrie 1989: 41, 185].

В данной работе существительные, относящиеся к общиндоевропейскому слою германской лексики и имеющие маркер

одушевленности (активности), будут считаться именами, выражающими одушевленность. Маркером же одушевленности могли быть консонантные основообразующие форманты. Поскольку основообразующие форманты сохраняются во всех ветвях индоевропейских языков, то «действия» такой маркировки должны были относиться к очень отдаленному прошлому, видимо, к индоевропейской языковой общности. По мнению А.В.Десницкой, различие «основообразующих суффиксов является отражением древней именной классификации, характеризовавшей индоевропейские языки в период, предшествовавший оформлению системы склонения». Следует добавить, что классификация имен напоминала «классификации, существующие и в настоящее время в ряде неиндоевропейских языков, например, в части африканских и северокавказских языков» [Десницкая 1941: 49].

Известный исследователь Уинфред Леман высказывает предположение относительно тематических склонений, которые, по его мнению, могли существовать уже в начале III тыс. до н. э. и даже раньше. Если же принять во внимание тот факт, что склонения на консонантные основы предшествовало тематическим склонениям, то можно углубиться еще в более отдаленное время, о котором не осталось почти никаких свидетельств [Lehmann 1982: 154].

Рассматривая лингвистическую реконструкцию, следует отметить, что реликты активного строя можно найти в развитии славянской категории одушевленности [Степанов 1989], которая сформировалась вследствие общеиндоевропейских тенденций развития, не требующих для своего объяснения реконструкции активного строя [Красухин 1990: 71-84].

Проблема лингвистической реконструкции справедливо считается одной из самых сложных в сравнительной грамматике. Дело в том, что закономерно различающиеся, близкие по функции элементы в фонетике, морфологии и лексике действительно могут быть отнесены к праязыковой

общности и могут являться результатом параллельного развития различных языков. Поэтому с открытием и описанием хеттского языка, с привлечением данных уже известных языков попытаемся рассмотреть древнегерманские существительные со сложными основообразующими формантами в новом ракурсе.

Основообразующие форманты широко представлены в древнегерманских языках, т. е. употребление их было унаследовано от общегерманского языка, который, очевидно, существовал как «догерманский» единый диалект. Однако не существует достоверных сведений о том времени, когда германский язык выделился из индоевропейского языка. Период отделения раннегерманского от западной группы древних индоевропейских языков до сих пор является спорным вопросом. Это выделение из индоевропейской общности протекало постепенно и заняло ряд столетий [Бах 1956: 32]. Можно считать доказанным, что приблизительно в середине первого или даже второго тысячелетия до н. э. распространились явления, весьма существенные для отграничения германского праязыка от праязыка индоевропейского [СГГЯ 1963 т. 1: 69, 114-119; Жирмунский 1971: 3-6; Макаев 1961: 44-67; Чемоданов 1982: 97-104, 106-107].

Учитывая исследования О.А. Осиповой в области древнегерманских консонантных основообразующих формантов [Осипова 1990, 2005, 2007], допустимо предположить, что они служили для выделения имен одушевленного (активного) класса, а два типа склонений (на согласные и гласные основы) в какой-то период принимали участие в бинарном противопоставлении имен по признаку одушевленности/неодушевленности.

Реконструкция в праиндоевропейском имеет давнюю традицию, поэтому уместно рассмотреть вопрос о маркировке одушевленного класса имен. В типологических параллелях особенно примечательно то, что во

многих языках неодушевленные и одушевленные имена маркируются по-разному. Так, Клод Чехофф полагает, что хеттский суффикс *-ant-* выполняет функцию перевода имен в разряд одушевленных [Tchekhoff 1978].

Показатель одушевленности в имени можно проследить и на примере языков других семей. В кетском языке он хорошо выделяется и занимает такое же положение в структуре имени, как и консонантные основообразующие форманты в древних и.-е. языках [Дульзон 1968: 70-71; Осипова 1980: 16]. Во многих уральских языках выделяют показатели посессивности или определенности, как показатель одушевленности в кетском. Такие показатели занимают более подвижное положение в слове, чем индоевропейские основообразующие форманты, т. е. могут и предшествовать падежному окончанию, и следовать за ним [Суханова 1962: 84; Серебренников 1962: 311-312]. По мнению Б.А. Серебренникова, первоначальный порядок следования формантов в слове был иным, т. е. вначале следовал притяжательный суффикс, а затем падежное окончание [Серебренников 1979: 347]. Г. Дечи придерживается той же точки зрения и считает посессивные форманты более древними по сравнению с падежными окончаниями [Décsy 1990: 77].

В задачу данной работы входит исследование существительных, относящихся к общеиндоевропейскому слою германской лексики и имеющих маркер одушевленности.

На более позднем этапе развития индоевропейских языков существование склонений существительных на определенные основы является отголоском древней индоевропейской категории одушевленности/неодушевленности. Хотя каждый из сложных основообразующих формантов с консонантными элементами обладает своей спецификой и, возможно, в своих истоках выражал более конкретное лексическое значение, все они впоследствии были

объединены одним семантическим стержнем – служить для обозначения одушевленности.

Поскольку в склонении германских языков сохранилось более древнее отражение именной системы, то современные германские языки могут быть полезны при рассмотрении древней именной классификации. В них обнаруживаются формальные признаки некогда существующего деления имен на одушевленные и неодушевленные в виде специального склонения, где основная маркирующая роль принадлежит консонантному форманту.

Одним из центральных вопросов в германистике является семантический принцип группировки существительных, который осуществляется по основам [Якубинский 1953: 165; Ильиш 1973: 25; Осипова 1987: 4-12]. Так, семантическое единство слов, оформленных суффиксом *-r-*, объединяет имена родства; названия частей тела человека и животного; термины, связанные так или иначе с областью культа, поскольку род, по мнению А.В. Десницкой, «являлся основной единицей культа в древнем обществе» [Десницкая 1984б: 61-62]. Изучению семантики существительных с суффиксами *-an-*, *-jan-* в древнегерманских языках, обозначающих имя действующего лица, посвящено ряд работ [Kluge 1926: 9; СГГЯ 1963: 79-80; Анацкий 1964: 138; Осипова 2007: 41-45]. Реконструкция некоторых основообразующих формантов, в том числе и сложных, в древних и.-е. языках позволяет обнаружить семантическое единство. По мнению К.Бругмана, значение родства передавали суффиксы *-er-*, *-ter-*, названия животных объединял индоевропейский суффикс *-bho-*, названия частей тела – индоевропейский суффикс *-en-* [Brugmann 1892: 430].

Обратим внимание на то, что существует связь между категорией одушевленности/неодушевленности и основами существительных в

древних и.-е. языках. Согласно Ф. Шпехту родовые различия в существительных не связаны с основами, а представляют лишь вторичные явления по отношению к основам [Specht 1947: 112, 117]. В дальнейшем ту же точку зрения развивали К.Е. Майтинская, Л.П.Якубинский, Г. Дечи [Майтинская 1969; Якубинский 1953; Décsy 1991]. Однако превращение указательных местоимений в основообразующие форманты вызывает некоторые сомнения [Fodor 1959: 27]. Ряд лингвистов критиковали Ф. Шпехта и считали его непоследовательным [Lehmann 1958: 186; Fodor 1959: 27-28; Макаев 1970: 182-213; Осипова 2007]. Во-первых, Ф. Шпехт утверждает, что основообразующие форманты не имели отношение к роду, во-вторых, он связывает индоевропейские суффиксы с грамматической категорией рода [Specht 1947: 112, 117]. Но все же идеи Ф. Шпехта о местоименном происхождении основообразующих формантов и их связи с определенными пластами древней индоевропейской лексики имеют существенное значение в рамках лингвистической реконструкции [Specht 1947: 293, 303 и др.].

Таким образом, выражение одушевленности/неодушевленности или активности/инактивности в системе склонения связывалось, главным образом, с различным оформлением падежных окончаний. Весьма конструктивные и интересные мысли высказывает в своей работе А.Е.Маньков о выделении двух классов имен в древних и.-е. языках. Первый класс составляют предметы, которые могут одинаково часто быть и субъектами, и объектами активного действия. Второй класс составляют предметы, которые не могут быть субъектами активного действия. «Выделение этих двух классов предметов связано с двумя типами действий: 1) действия, представляющие собой то или иное воздействие на предмет (активные действия), и 2) действия, не являющиеся воздействием на предмет (инактивные действия)» [Маньков 2004: 81]. Он показал, что в

силу своей способности быть производителем активного действия любой предмет первого класса можно воспринимать как одушевленный, а действие – как разумное и целенаправленное. Именно такое восприятие предметов характеризовало ту эпоху, когда возникла классификационная дифференциация существительных.

Итак, любое изменение или действие, внешне соотнесенное с материальностью предмета, воспринималось как прямое выражение его смысловой сущности. Предметам приписываются свойства и качества, объективно им не принадлежащие, например, причины таких действий, как падение со скалы камня или удар молнии, помещаются в сами эти предметы. Одушевление в данном случае представляет собой не метафору, а является отношением к вещи как одушевленной, живой в буквальном смысле. Это основано на восприятии и объяснении внешних явлений, связанных с предметами, как непосредственного выражения их собственной смысловой сущности. Такое отношение к действительности является основной особенностью мифологического мировосприятия, сохраняющейся во все периоды общинно-родового строя, включая тот, к которому хронологически относится индоевропейский праязык [Маньков 2004: 82].

Обращаясь к материалу индоевропейских языков, мы видим, что в силу своего исторического развития многие из них сохранили явные следы древнейшей языковой структуры. Как уже было отмечено, индоевропейскому делению существительных на три рода предшествовала двухродовая система, основанная на противопоставлении по признаку одушевленности/ неодушевленности [Мейе 1938: 345-346; Якубинский 1953; Иванов 1963; Тронский 1967б: 59-65; Кацнельсон 1972: 26]. Однако Л.П. Якубинский высказывался о том, что деление существительных на одушевленные и неодушевленные в древнейшем индоевропейском состоянии не имело

сложившегося выражения [Якубинский 1953: 168]. Полностью согласиться с этим нельзя, если связывать выражение одушевленности в существительном не с падежными показателями и согласованием, а со сложными основообразующими формантами, содержащими консонантные элементы, которые в какой-то период праиндоевропейского языка имели больший смысл и могли использоваться, очевидно, для противопоставления одушевленного класса имен неодушевленному. Становление гласных основообразующих формантов, таких как и.-е. *-o-*, *-ā-* (герм. *-a-*, *-ō-*), связывается в настоящее время с распределением существительных по родам [Савченко 1974: 175, 198]. Поскольку первичным выделением мужского и женского родов могли быть не только согласовательные отношения, но и чисто морфологические показатели, наподобие того, как в кетском языке показатель *-a-* маркирует мужской род, а *-i-* женский род, то, пожалуй, гласная маркировка германских *a-*, *ō-* основ (и.-е. *o-*, *ā-* основ) как раз и подтверждает точки зрения лингвистов, выделяющих мужской и женский рода раньше среднего.

Влияние родовой дифференциации сильно проявляется в древнегерманских языках при формировании склонений на германские *a-* и *ō-* основы. Отражением этого процесса явилось колебание в употреблении падежных окончаний существительных разного типа основ или в переходе ряда древнегерманских существительных, в особенности *s-*, *r-*, *nt-*, *t-* основ, соответственно их роду в *a-* и *ō-* основы [Анацкий 1964: 74-81; Wright J., Wright E. 1950: 213-214]. Об особых чертах словоизменительной системы в и.-е. языках и возможности существования в ней различных древних напластований М.М. Гухман пишет следующее: «По-видимому, еще в эпоху, предшествующую выделению и обособлению отдельных германских языков, эта система характеризовалась отсутствием монолитности, сосуществованием разнородных парадигматических моделей, занимавших

разные позиции в словоизменительной системе и относящихся к разным историческим пластам» [Гухман 1981: 70].

Вопрос же об отношении категории одушевленности/неодушевленности к основообразующим формантам в древнегерманских языках еще не исчерпан. Он связан не только с возникновением и употреблением основообразующих формантов, но и с возникновением первых падежных показателей. В некоторых случаях в древнегерманских языках можно обнаружить следы более раннего индоевропейского состояния [Гухман 1940; 1967: 58-73; Десницкая 1984а: 153-162; Кацнельсон 1949: 72].

Наличие нескольких показателей одушевленности (активности) может отражать наиболее древний период и.-е. общности, когда эти форманты были еще тесно связаны с классами существительных. Мы присоединяемся к гипотезе, высказанной О.А. Осиповой о том, что «древнегерманские консонантные основообразующие форманты были способны служить не только формативами определенных склонений, но также выполнять функцию маркеров одушевленности и, по всей вероятности, функции древнего активного падежа, принадлежности и определенности» [Осипова 2007: 31]. Возможность подобных явлений в и.-е. языках отмечает М.М. Гухман: «Для древних и.-е. языков типичным было совмещение в одном маркере нескольких граммем» [Гухман 1981: 107].

Последние сравнительно-исторические и типологические исследования в области индоевропейских и других языков заставляют по-новому подойти к вопросу о функции наиболее древних основообразующих формантов – консонантных [Гухман 1981; Десницкая 1984; Климов 1977; Иванов Вяч. Вс. 1965, 1979; Серебренников 1979; Гамкрелидзе, Иванов 1984; Осипова 2005, 2007 и др.]. Привлечение сравнительно-исторических данных и типологических параллелей имеет

большое значение. Благодаря консервативности морфологического строя, по сравнению с другими уровнями языка, в парадигме склонения древнегерманских существительных могут открыться явления, которые помогут расшифровать причины полифункциональности сложных основообразующих формантов, ибо «система словоизменительных формантов менее всего подвергается воздействию иноязычных влияний» [Гухман 1956: 209].

В данной работе особое внимание уделяется общеиндоевропейскому пласту существительных германской лексики и некоторым архаичным чертам в склонении древнегерманских существительных. К таким архаичным чертам можно отнести существование склонения древнегерманских существительных со сложными формантами, в составе которых содержатся консонантные элементы. Исследование данной группы имен может способствовать выяснению первоначальных причин группировки существительных в склонения с различными основообразующими формантами. Этимологический анализ отдельных слов поможет вскрыть причины отнесения их к тому или иному склонению. В работе обращается внимание на типологическое сравнение и.-е. склонений на консонантные основы с посессивными склонениями в уральских языках как возможному «ключу к разгадке первоначального формирования и.-е. консонантных склонений» [Ossipova 1985: 44].

Таким образом, консонантные основообразующие форманты, будучи формальными выразителями разных типов склонения, представляют собой интересный материал для раскрытия их первичного назначения.

Поскольку сопоставление посессивных склонений в уральских языках с и.-е. склонениями на консонантные основы имеет типологические сходства, то необходимо привлекать данный материал в исследовании. Реконструкция склонений древнегерманских существительных подтверждает сохранение деления имени на активные и инактивные

денотаты, что отразилось в группировке существительных на консонантные и гласные склонения. Такое деление должно поддерживаться определенными семантическими и морфологическими признаками, а также связано с представлениями древних индоевропейцев об окружающей действительности. В своей работе Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванов указывают на бинаризм, характерный для общеиндоевропейской грамматической и лексико-семантической систем. «Бинаризм этот проявляется как в наличии дублетных форм в лексико-грамматической системе, так и в бинарных противопоставлениях в плане содержания общеиндоевропейского языка» [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 267]. Учитывая более позднее происхождение склонения на гласные основы [Шантрэн 1953: 22-23; Барроу 1976: 227-228; Specht 1947: 79, 353], следует согласиться с точкой зрения О.А. Осиповой, утверждающей, что маркированным членом данной оппозиции выступали консонантные основообразующие форманты [Осипова 2007: 38]. Разнообразие консонантных формантов можно связать с определенными семантическими группами, которые даже в древних и.-е. языках уже трудно установить. Однако сам факт существования разных консонантных формантов говорит о том, что такое деление на семантические группы когда-то существовало. Отдельные форманты могут терять свое значение, но историческое исследование позволяет выяснить их происхождение.

Итак, категория одушевленности/неодушевленности может быть охарактеризована как лексико-грамматическая. Что понимается под лексико-грамматической категорией?

Приведем определение А.И. Смирницкого: «...собственно-грамматические категории конституируются объединением и взаимным противопоставлением различных грамматических форм, соотносящихся по одному признаку – значению данной категории; лексико-грамматические же категории конституируются подобным же

объединением и противопоставлением различных грамматических классов и разрядов слов: грамматический момент имеется здесь потому, что эти классы и разряды являются грамматическими, т. е. характеризуются определенными грамматическими формами (и определенной грамматической сочетаемостью); лексический же момент определяется тем, что соответствующие грамматические признаки характеризуют и различают здесь именно слова, а не отдельные их формы» [Смирницкий 1955: 47].

Таким образом, представляется необходимым по-новому посмотреть на формирование склонений со сложными консонантными основообразующими формантами, привлекая уральские посессивные склонения для типологического сравнения.

ГЛАВА 2

Склонения существительных сложных основ в древнегерманских языках

Древние индоевропейские склонения существительных подразделялись на склонения с основой на гласные и с основой на согласные. Оба класса имели свои формальные признаки. Склонение существительных на гласные основы во временном отношении возникло позже [Specht 1947: 79 и др.]. Следовательно, имени были свойственны и другие категории, что подтверждается типологическими сравнениями с языками активной типологии, в которых имя подразделяется на класс одушевленных и неодушевленных (активных и неактивных). Существует мнение, что само склонение первоначально появилось у имен активного класса [Тронский 1967б: 92; Климов 1977: 61]. Есть все основания предполагать, что двуклассная система предшествовала делению индоевропейских существительных по родам. Поскольку консонантное

склонение появилось раньше, то, возможно, консонантные основообразующие форманты выступали маркерами одушевленности, что попытаемся обосновать на примере анализа древнегерманских существительных со сложными основообразующими формантами.

М.М. Гухман указывает на сохранение реликтов глубокой древности в именной словоизменительной системе, в особенности построения именных парадигм [Гухман 1981: 199, 205]. Реликтовые склонения шире представлены в готском языке, поэтому при анализе существительных со сложными формантами, содержащими консонантные элементы *-n-*, *-j-*, *-w-* прежде всего, будем исходить из готского материала, привлекая параллели из других древнегерманских языков.

В склонениях существительных с основами на *-n* сосредоточено большое количество имен одушевленной семантики [СГГЯ 1963: 79-81; ИТМГЯ 1977: 339]. Естественным будет предполагать, что это каким-то образом связано с основообразующим формантом, объединяющим эти имена. Формант *-n-* входит в состав ряда основообразующих суффиксов в древнегерманских языках: *-jan-*, *-wan-*, *-jōn-*, *-wōn-*. Существительные с основами на *-jōn-* женского рода являются германской инновацией [СГГЯ 1963: 207-215]; они относительно более позднего происхождения. Форматив *-n-* маркировал имена действующего лица и стал способен присоединяться к именам, которые не являлись *nomina agentis*, но, семантика которых не противоречила значению одушевленности (активности). Поэтому он превратился в формальный признак этого склонения, заключающий в основном сему одушевленности.

Как известно, в древнегерманских языках склонения существительных по основам тесно переплетаются с их родовой классификацией [СГГЯ 1963: 137; ИТМГЯ 1977: 146]. Однако деления существительных по родам не элиминирует и не заменяет деления существительных по основам [Макаев 1959: 44]. Первоначально

немаркированными в родовом отношении реликтовыми основами являлись готские парадигмы и-основ мужского и женского родов, г-основ мужского и женского родов и генетически сюда же относились п-основы всех трех родов [ИТМГЯ 1977: 148]. В готском языке и в языке рунических надписей, как отмечает М.М. Гухман, «наблюдается смешение вариантов разных классов, проникновение моделей более продуктивных классов в парадигму классов многочисленных по своему лексическому охвату, процесс, который осуществляется в отдельных германских языках с разной степенью интенсивности: исчезают относительно рано еще к XII в. в большинстве языков малопродуктивные типы склонения, число классов сокращается и только модели образования множественного числа сохраняют реликты старых классов склонения ...» [Гухман 1981: 73-74].

Изучение лексического состава реликтовых (наиболее архаичных) склонений является одним из важнейших факторов при выяснении значения основообразующих формантов. Формальными показателями склонений основообразующие суффиксы стали лишь с течением времени. Первоначально форманты не были безразличны к семантике существительных и присоединялись только к определенным именам, выделяя их среди остальных.

2.1 Формо- и словообразовательные функции сложных основообразующих формантов в готском языке

Старые основообразующие суффиксы (форманты) исконно служили средством осуществления основообразования, но в готском языке они приобретают грамматические особенности, им прежде не свойственные [Макаев, Кубрякова 1971: 204]. Элементы, которые с этимологической точки зрения выполняли функции классного различия, и на которое ориентировалось все именное, по мнению Э.А. Макаева и Е.С.

Кубряковой, перестают являться показателями морфологических разрядов [1971: 204-205].

Данное явление объясняется в силу целого комплекса причин фономорфологического характера, когда старые основообразующие элементы в ряде форм не представлены, а их исчезновение ведет не только к неразличению отдельных классов в серии падежных форм, но и к проведению нового принципа членения этих форм [Макаев, Кубрякова 1971: 205]. Однако нетрудно показать, что там, где форманты сохранились, причины фонологического порядка иногда препятствуют выполнению их исконных функций. Так, у существительных мн. ч. стерты различия между падежными формами *ja-*, *wa-* и *a-*основ: гот. *dags* «день» (*a*-основа), *harjis* «войско» (*ja*-основа) и *þius* «слуга» (*wa*-основа) во мн. ч. им. п. *dagos*, *harjos* и *þiwōs*; род. п. *dage*, *harje* и *þiwē*; дат. п. *dagam*, *harjam* и *þiwam*; вин. п. *dagans*, *harjans* и *þiwans*. Обратим внимание на элементы *-j-*, *-w-* в готских существительных *harjis* «войско», *þius* «слуга», которые сохраняются во всех косвенных падежах. Сохранение форманта *-w-* прослеживается и на примере готского *triggwa* «завет», «верность» (*wō*-основа): род. п. ед. ч. *triggwōs*, мн. ч. *triggwō*; дат. п. ед. ч. *triggwai*, мн. ч. *triggwōm*; вин. п. ед. ч. *triggwa*, мн. ч. *triggwōs*.

Следует заметить, что роль старых основообразующих формантов существенно меняется, когда они фонологически противопоставлены и способны выполнять дистинктивные классные функции.

По мнению Э.А. Макаева и Е.С. Кубряковой, наряду с формообразовательной функцией у имен развиваются вторичные функции, разные по своему характеру и степени выражения [Макаев, Кубрякова 1971: 207]. Часть основообразующих формантов начинает играть роль словообразовательного средства. Можно предположить,

что могло быть наоборот, т. е. словообразовательная функция основообразующих формантов была первичной.

Особое внимание обратим на морфологическую значимость этих формантов, которая тесно связана с их позицией в слове. Некоторые лингвисты утверждают, что основообразующий элемент, представленный между корнем и флексией, может интерпретироваться двояко: его можно рассматривать либо как самостоятельную морфему, либо как часть нового форманта [Dokulil 1962: 215; Макаев, Кубрякова 1971: 208]. Например, род. п. ед. ч. готских имен *har-j-is* «войско»; *kun-j-is* «род», *þi-w-is* «слуга» *kni-w-is* «колени» ; дат. п. мн. ч. *har-j-am*, *kun-j-am*, *þi-w-am*, *kni-w-am*, где выясняется отношение данных слов к роду с помощью элемента *-a-*: *harjam* – м. р., *kunjam* – ср. р., *þiwam* – м. р., *kniwam* – ср. р. Элементы *-j-*, *-w-*, функционируя в косвенных падежах, определяют тип основ: *har-j-am* – *ja*-основа, *kun-j-am* – *ja*-основа, *þi-w-am* – *wa*-основа, *kni-w-am* – *wa*-основа, поскольку «означающее индоевропейского корня определяется только консонантными элементами» [Одри 1988: 39].

Многие ученые неоднократно отмечали, что существование нескольких функций в одном форманте отражает разные периоды развития одного языка [Гухман 1956: 212; Ярцева 1960: 49-60, 173; Макаев 1970: 10-11]. М.М. Гухман подчеркивает: «Нередко старый словообразовательный показатель использовался в дальнейшем развитии индоевропейских языков в качестве словоизменительного форманта, вследствие чего в системе одного языка, являющейся результатом развития в течение ряда эпох, отлагались явления, относящиеся к разным периодам...». «Тесная связь словоизменения и словообразования проявляется также в древних индоевропейских языках в той зависимости оформления склонения имен от структуры

именной основы, которая и создавала большую дробность классов в системе именного склонения» [Гухман 1956: 212].

Во многих случаях трудно установить первоначальное значение основообразующих формантов, поскольку своей большей частью они потеряли значение еще в далекие дописьменные времена, а также некоторые имена переходили из одного типа склонения в другой. Так, определенная закономерность прослеживается в им. – вин. п. мн. ч., где герм. *kunja* «род», *kniwa* «колени» в готском языке после отпадения конечного *-a* и вокализации *-j-*, *-w-* дает *kuni*, *kniu* а в остальных падежах *-j-*, *-w-* сохраняются.

Относительно первоначальных значений консонантного основообразующего форманта можно сказать, что некоторые из них все же известны. На определенном этапе развития германских языков консонантные форманты, являясь словообразовательными, играли роль маркеров одушевленности (активности) [Осипова 1980: 69]. Учитывая вышесказанное, можно предположить, что именно такую роль и выполняли показатели *-j-*, *-w-* в сложных основообразующих формантах.

Изучая процессы словообразования в древних германских языках, приходится констатировать, что эта область исследования остается одной из наименее разработанных в германистике [СГГЯ 1963: 39; Анацкий 1963: 135]. Ряд лингвистов более подробно изучает словообразование [Левковская 1960; Кубрякова 1963, 1972]. В германистике до сих пор еще не была предпринята попытка анализа древнегерманской системы словообразования в целом [Sütterlin 1887; Wilmanns 1899; Kluge 1926 и другие], т. е. она не получила всестороннего описания [СГГЯ 1963: 39]. Издавна исследователи подчеркивали, что древние принципы распределения существительных

по отдельным типам склонения в какой-то мере отражают их лексическую характеристику [Specht 1947].

Уместно рассмотреть группу существительных, которая в процессе исторического развития германских языков с помощью форманта *-ja-* образовала однокорневые имена: *þiufrs* «вор» – *þiubi* «воровство»; *hairda* «стадо» – *hairdeis* «пастух»; *barnisks* «детский» – *barniski* «детство» и другие. Такие существительные оказались вовлеченными в коррелятивные отношения с другими именами. С синхронной точки зрения первые существительные могут рассматриваться как непроизводные, причем основообразующий формант вычленяется в их составе только как морфологический показатель типа склонения. Вторые же существительные как *hairdeis* «пастух», *þiubi* «воровство», *barniski* «детство» отличны от первых в плане словообразования. Смысловое противопоставление производных имен *hairdeis*, *þiubi*, *barniski* – именам существительным и прилагательным *hairda* «стадо», *þiufrs* «вор», *barnisks* «детский» формально реализуется в противопоставлении основ на *-ja* другим типам основ [Гухман 1958: 194-195; Кубрякова 1963: 129-130]. В данных случаях сложный основообразующий формант *-ja-* является словообразовательным суффиксом и носителем лексико-грамматического значения.

Особое внимание в этой связи обратим на тот факт, что основообразующий формант тем полнее выполняет свою словообразовательную функцию, чем «полнее он репрезентируется в разных падежных формах и чем однороднее эта репрезентация» [СГГЯ 1963: 44].

Рассмотрение морфологической структуры слова со сложными основообразующими формантами *-ja-*, *-jō-*, *-wa-*, *-wō-* имеет большое значение для данного исследования, т. к. «именно морфология часто сохраняет следы старого употребления и позволяет восстановить очень

древние структуры» [Одри 1988: 100] и именно в морфологии «следует изучать в равной степени все, что связано с построением и структурой слова» [Кубрякова 1972: 172].

Поскольку положение старых основообразующих формантов (суффиксов) в морфологической системе германских языков неясно, то определение морфемного состава этих основ в древнегерманских языках весьма затруднено [СГГЯ 1963: 18].

В лингвистической литературе показаны модели, которые занимают разные позиции в морфологической системе германских языков и относятся к разным историческим пластам. Распространенным является мнение, что старые трехморфемные модели, включающие корень + основообразующий суффикс или тематический гласный + окончание, оказываются непродуктивными, а двухморфемные модели: корень = основа + окончание, занимают центральную позицию в системе [СГГЯ 1963: 9]. Однако в ряде древнегерманских языков имеются морфологические модели, в которых пережитки старых структурных отношений все еще сохраняются и где морфологическое членение словоформ представляет большие трудности. Так, например, сопоставление словоформ мн. ч. чистых *a*-основ и основ на *-ja*, *-jō*, *-wa*, *-wō* в древнеисландском обнаруживает наличие в последних дополнительных элементов: ср. им. п. ед. ч. *armr* – им. п. мн. ч. *arm-ar*, но им. п. ед. ч. *horr* «лен» – им. п. мн. ч. *hor-v-ar*; род. п. мн. ч. *arm-a*, но *hor-v-a* и т. д. [СГГЯ 1963: 20]. В германских языках, в том числе и готском, разные типы основ обнаруживают разную степень устойчивости старого морфемного строения; определяющую роль играет объемность основообразующего форманта. Следует обратить внимание на то, что морфологическая значимость старых основообразующих формантов тесно связана с их позицией в слове.

Поскольку консонантные показатели сложных основообразующих формантов ближе расположены к корню (основе), а следование формантов (суффиксов) сложилось исторически, то элементы *-j-*, *-w-* более древние, которые первоначально имели значение одушевленности, как и другие консонантные показатели. Гласные элементы *-a-*, *-ō-* показывают уже поздние родовые отношения, которые в лингвистической литературе определяются в качестве принадлежности к мужскому и женскому роду соответственно, самыми поздними в структуре слова являются падежные окончания [СГГЯ 1963: 9; Décsy 1990: 70, 77].

Таким образом, при развитии именного склонения в древнегерманских языках и внутриморфемной маркировки рода в сложных основообразующих формантах *-ja-*, *-jō-*, *-wa-*, *-wō-* сосуществует два родовых маркера, если одушевленность признать родовой категорией. Один из этих маркеров теряет свое прежнее значение (одушевленность, активность) и одушевленность начинает ассоциироваться с определенным родом: показатели одушевленности *-j-*, *-w-* + показатель м. р. *-a-* и ж. р. *-ō-*. Поскольку маркировка мужского и женского рода появилась позже, то группу существительных, оформленных формантами *-j-*, *-w-*, могло объединять значение одушевленности.

В системе древнегерманского словообразования суффиксация выступала как один из наиболее важных и распространенных приемов словопроизводства, особенно продуктивный в сфере имени [Гухман 1958: 199; СГГЯ 1963: 73]. В германистической литературе интерпретация словообразовательной роли основообразующих элементов различна. В традиционной германистике основообразующие элементы приравниваются к чистым суффиксам [Zimmer 1876; Bahder 1880; Kluge 1913: 220-221; Jellinek 1926: 163]. По мнению К. Бадера и

Г. Циммера, наличие одного основообразующего элемента достаточно, чтобы рассматривать существительное как производное [Zimmer 1876; Bahder 1880]. Диаметрально противоположной является другая точка зрения: полное отрицание словообразовательной функции основообразующих элементов [Левковская 1960: 72-74, 79].

С точки зрения индоевропейского моделирования и, исходя из фактов общегерманского, можно утверждать, что основообразующим формантам присуща словообразовательная функция. Специфическим для данных формантов является, во-первых, использование их для образования определенного лексического разряда производных и, во-вторых, продуктивность подобных моделей. Так, и.-е. суффикс *-jo-* (герм. *-ja-*) в санскрите служил для образования отглагольных отвлеченных существительных; был очень употребителен и в ранний период существования индоевропейского получил широкое развитие как самостоятельный суффикс, утратив в большинстве случаев связь с основами на *-i*. Основам на *-i* свойственно значение «относящийся, принадлежащий кому-либо, чему-либо» [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 284]. У существительных с основами на *-ja*, *-jō*, являющихся, как предположил А.Е. Маньков, следствием преобразования древних *i*-основ [Маньков 2004: 89], можно проследить аналогичное значение. В германских языках суффикс *-ja-* использовался исконно для образования прилагательных со значением «относящийся к чему-либо, кому-либо; связанный с чем-либо» [Барроу 1976: 176]. Лишь впоследствии данный суффикс стал употребляться для образования существительных, причем чаще всего от имен, продолжая обозначать принадлежность чему-либо или кому-либо [СГГЯ 1963: 74].

В общеиндоевропейском языке суффикс *-jo-* (герм. *-ja-*) давал производные существительные среднего рода. Этот тип сохранился в славянских языках и употреблялся для образования собирательных, а

также отвлеченных имен. Суффикс *-ja-* в славянских языках был неограниченно продуктивным, так, помимо указанных производных, обнаруживаются имена деятелей. В существительных на *-ja* женский род представлен очень слабо в славянских языках, однако, в общеславянском языке он был продуктивным. К числу существительных этого типа относят также имена деятелей мужского рода на *-ja* [Мейе 1951: 287-289].

Таким образом, древнегерманские сложные консонантные основообразующие форманты принимали участие, как в формообразовании, так и в словообразовании.

2.2 Модели существительных со сложными основообразующими формантами в древнегерманских языках

В данном исследовании необходимо показать отражение древнего индоевропейского состояния имени, поэтому предметом дальнейшего рассмотрения будут древнегерманские существительные со сложными консонантными основообразующими формантами, продолжающие индоевропейскую модель *nomina agentis*, и другие древние имена с этими суффиксами, имеющие параллели в древних индоевропейских языках.

Прежде чем рассматривать модели имени действующего лица со сложными основообразующими формантами, отметим, что категория имени действующего лица в древнегерманских языках лишь в незначительной степени подвергалась специальному исследованию [Lilie 1921; Goodloe 1929]. В лингвистической литературе данная категория не получила однозначного решения. В ряде исследований под категорию имени действующего лица подводятся самые разнообразные понятия, вплоть до названия национальностей и животных [Анацкий 1963: 136]. Поэтому важным является определение

критериев, которые помогут выделить эту категорию из целого комплекса конкретных существительных, таких существительных, которые по лексическому значению близко примыкают к действующему лицу, но таковыми не являются. По мнению И.Н.Анацкого, существуют два критерия категории имени действующего лица – грамматический и лексико-семантический [Анацкий 1963: 136].

Вопрос о соотношении производящей и производной основы в германских и индоевропейских языках является принципиально важным с морфологической точки зрения при анализе категории имени действующего лица. Данное соотношение позволит выяснить связь между категорией действующего лица и различными отыменными образованиями, обозначающими лицо. И.Н. Анацкий предполагает, что «в германских языках в имени существительном категория имени действующего лица выступает там, где есть налицо производная и производящая основы. В том случае, если в языке имеется только одна основа, а производящая основа восстанавливается этимологическим путем или вовсе не восстанавливается, говорить о наличии категории имени действующего лица не приходится, по крайней мере, с синхронной точки зрения» [Анацкий 1963: 136].

Таким образом, при изучении имени действующего лица важно иметь в виду, как синхронию, так и диахронию. В готском языке существует целый ряд существительных, которые с синхронной точки зрения не ощущаются как имена действующего лица или одушевленные, но восстанавливаются как таковые этимологическим путем.

Известно, что модель действующего лица, кроме суффикса *-an-* (и.-е. суф. *-en-*), в древнегерманских языках была представлена и другими суффиксами. И.Н. Анацкий выделяет, суффиксы, которые являются

естественным продолжением развития индоевропейских основообразующих суффиксов, германские суффиксы *-ja-*, *-jan-* [Анацкий 1963: 135-145; СГГЯ 1963: 100-103]. Однако только старые и.-е. суффиксы *nomina agentis* составляют также и парадигматические элементы, т. е. являются в то же время и основообразующими формантами, причем суффиксы с формантом *-n-* достигают наибольшей продуктивности в древнегерманских языках [Анацкий 1963: 137-138; СГГЯ 1963: 100].

Довольно продуктивным суффиксом модели действующего лица являлся суффикс *-jan-*, который представлен во всех древнегерманских языках [СГГЯ 1963: 81, 100; Анацкий 1963: 138]. Этот суффикс в то же время являлся и основообразующим формантом: ср. гот. *arbi* (*ja*-основа, ср. р.) «наследство» – *arbja* (*jan*-основа, м. р.) «наследник»; *aurti-garda* (*i*-основа, м. р.) «сад, фруктовый сад» – *aurtja* (*jan*-основа, м. р.) «виноградарь»; *baurgs* (корневая основа, м. р.) «город» – *baurgja* (*jan*-основа, м. р.) «городской житель»; *bandi* (*jō*-основа, ж. р.) «оковы» – *bandja* (*jan*-основа, м. р.) «пленник» и т. д.

Широкое распространение среди категории имени действующего лица получили существительные с основой на *-ja*. Большое количество существительных, образованных с помощью *-ja-* в готском языке, указывает на продуктивность данного форманта: например, *asneis* «поденщик»; *ragineis* «советник»; *siponeis* «ученик»; *lekeis* «врач»; *fauramapleis* «начальник»; *witodafasteis* «блюститель закона» и другие.

Продуктивность сложного основообразующего форманта *-ja-* еще больше возрастает, когда образованные с помощью заимствованного из латинского языка суффикса *-areis-* новые слова включились в склонение существительных *ja*-основ, например: *bokareis* «книжник» – *boka* «буква», мн. ч. «книга»; *sokareis* «исследователь» – *sokjan* «искать»; *laisareis* «учитель» – *laisjan* «учить»; *wullareis* «валяльщик шерсти» – *wulla* «шерсть»; *motareis* «мытарь», «сборщик налогов» –

mota «налог». Однажды засвидетельствованное имя *liupareis* (им. п., мн. ч.) «певец» и только в значении будущего времени засвидетельствованный глагол *liuþon* «воспевать» не позволяют определить, является ли данное имя производным от *liuþon* или гипотетически восстановленного существительного *liuþ* «песня». Существительное *daimonareis* «одержимый бесом», по-видимому, является не готским образованием, а заимствованным из латинского языка: позднее лат. *daemonarius*, имеющее то же значение [Гухман 1958: 199].

В других германских языках основообразующий формант *-ja-* также широко представляет модели имени действующего лица, особенно продуктивен он в др.-исл. *nomina agentis*.

Наряду с моделями действующего имени сложный формант *-ja-* представлен в моделях абстрактных имен, которые в германских языках характеризовались значительным разнообразием и составляли наиболее объемный разряд производных существительных [Bahder 1880; Thiele 1902; Ahlsson 1960].

Абстрактные существительные образуются от прилагательных с помощью *-ja-*, например, гот. *biuhts* «привычный» – *biuhti* «привычка»; *galeiks* «подобный» – *galeiki* «подобие», «сходство». Сложный основообразующий формант *-ja-* сохранял принадлежностное значение в существительных, образованных от прилагательных, скорее всего консонантный элемент *-j-*. Родовым же показателем, гласным элементом *-a-*, сложный основообразующий формант *-ja-* стал маркироваться позже, по всей вероятности, когда было выработано склонение на гласные основы.

Интересно отметить, что в силу существования разнообразных средств образования производных со значением *abstrakta*, в пределах одного германского языка встречаются нередко синонимичные

существительные с разными основообразующими формантами. Так, в готском существительное со значением «свидетельство», «показание» выступает в трех формах: *weitwōdi* (*ja*-основа, ср. р.), *wetwōdeins* (*i-/ō*-основа, ж. р.) и *weitwōdipa* (*ō*-основа, ж. р.), которые образованы от глагола *weitwodjan* «свидетельствовать». Детальное исследование подобных образований во многом способствовало бы уяснению закономерностей распределения отдельных суффиксов в хронологическом и в территориальном отношении. На выбор и употребление одного суффикса могли оказывать влияние такие факторы, как жанр памятника, индивидуальный стиль автора и его диалектная принадлежность; несомненна также зависимость выбора суффикса от характера производящей основы. К сожалению, в лингвистической литературе эти факторы не были в достаточной мере представлены и обобщены. Можно лишь отметить, что в каждом германском языке складывались особые нормы употребления каждого форманта, в исконно синонимичном ряду за каждым из формантов закреплялось более или менее индивидуализированное значение.

В различных ареалах индоевропейской языковой общности *jā*-основы (герм. *jō*-основы) представлены рядом гетерогенных образований: собственно *jā*-основами, в отдельных случаях *ī*-основами [СГГЯ 1963:184]. М.М. Гухман подчеркивает, что готские существительные с основами на *-jō* имели варианты основообразующего суффикса *-jō/-ī* [Гухман 1958: 81]. А.Е. Маньков полагает, что судьба *ī*-основ в историческую эпоху определяется как унаследованными праиндоевропейскими закономерностями, так и нововведениями, присущими тому или иному языку [Маньков 2004: 90]. Возникновение двух разновидностей *ī*-основ, т. е. существительных типа др.-инд. *vṛkṣ̥* «волчица» и *dēvī* «богиня», обусловлено разделением праиндоевропейского одушевленного класса

на мужской и женский роды. Переход $\bar{i}$ -основ в ja -, $j\bar{o}$ -склонение был более массовым, поскольку в целом $\bar{i}$ -основы уступали в количестве ja -, $j\bar{o}$ -основам. В готском языке полное внешнее соответствие имеет существительное типа $d\bar{e}v\acute{i}$ «богиня», тип $v\check{r}k\acute{i}\check{s}$ «волчица» не засвидетельствован, в исландском наоборот, тип $v\check{r}k\acute{i}\check{s}$ засвидетельствован. Исландским существительным $m\check{a}r$, $\check{p}ir$, $hei\check{d}r$ и т. п. (тип $v\check{r}k\acute{i}\check{s}$) соответствуют в готском $mawi$ «девушка», $\check{p}iwi$ «служанка», $hai\check{p}i$ «степь, невозделанное поле» (тип $d\bar{e}v\acute{i}$) [Маньков 2004: 90].

В лингвистической литературе указывалось на смешение трех типов: др.-инд. модели $v\check{r}k\acute{i}\check{s}$ «волчица», $d\bar{e}v\acute{i}$ «богиня» и $kany\bar{a}$ «девушка» для и.-е. $j\bar{a}$ -основ (герм. $j\bar{o}$ -основ) [СГГЯ 1963: 184]. В настоящее время соотношение всех трех моделей в общиндоевропейском остается неясным [Wackernagel, Debrunner 1930: 110-113, 163-187; Lohmann 1932: 67-79; Burrow 1955: 251-254]. Также открытым остается вопрос о том, возможно ли все эти три модели возвести к единому протоиндоевропейскому образованию. В. Штрайтберг полагает, что они восходят к $j\bar{e}$ -основам [Streitberg 1896: 238-240]. Некоторые исследователи допускали, что в большинстве индоевропейских языков $j\bar{e}$ - и $j\bar{a}$ -основы совпали, поскольку основанием для этого мог послужить переход $j\bar{a} > j\bar{e}$ (герм. $j\bar{o} > j\bar{e}$) [Osthoff 1878: 240; Hirt 1932: 63-63]. В таком случае $\bar{i}$ в им. п. ед. ч. можно рассматривать как нулевую ступень от $j\bar{e}$, представленного в двух падежах [Krause 1953: 143-145; Прокош 1954: 262; Krahe 1957: 23].

Наиболее четко германское состояние отражено в готском языке. Для примера возьмем два имени существительных с основой на $-j\bar{o}$: $bandi$ «оковы», $banja$ «рана»; род. п. ед. ч. $band-j\bar{o}s$ и $ban-j\bar{o}s$, дат. п. мн. ч. $band-j\bar{o}t$ и $ban-j\bar{o}t$. Различие окончаний им. п. ед. ч. $-i$ и $-a$ можно

связать со структурным различием: окончание *-i* представлено в гот. *bandi* «оковы» долгосложным образованием, а окончание *-a* в гот. *banja* «рана» – краткосложным образованием.

Модели существительных с германским основообразующим формантом *-jō-* служили средством создания так называемых мутированных существительных женского рода. Сложный формант *-jō-* в этой роли более продуктивен, чем суффикс *-ō-*, например, готские существительные типа *mawī* «девушка», родственное с *magus* «мальчик», *piwī* «служанка» – *pius* «слуга», не являются исключениями [Jellinek 1926: 110; Гухман 1958: 81; Задорожный 1960: 160; СГГЯ 1963: 185]. Именно в этих примерах прослеживается принадлежностное значение форманта *-j-*, как, возможно, и в случае с готским именем *haiti* «приказ». Последний пример показывает, что сложный основообразующий формант *-jō-* встречается и в составе отвлеченных существительных, преимущественно отглагольных: *haitan* «приказывать» – *haiti* «приказ» и другие.

Г. Ломмель показал, что в готском, также как и в других германских языках, данное различие не является исконным [Lommel 1912: 72-77]. Указывая на то, что в готском в им. п. ед. ч. следует видеть форманты различных основ, Г. Ломмель не пытался объяснить, почему в готском все же имеется соотнесенность исходов *-i* и *-a* со структурой основы. Вероятно, в раннегерманском существовало противопоставление *jō-*основ *ī-*основам, закрепленное различными парадигмами. В позднегерманском, как и в других индоевропейских языках, различия между *ī-*основами и *jō-*основами стирались [Jellinek 1926: 110; Гухман 1958: 81; СГГЯ 1963: 185]. И лишь в отдельных падежных формах продолжали сохраняться осколки прежней системы. В готском языке эти остаточные образования были втянуты в новую именную парадигматику.

Имена существительные с основой на *-jō* в готском можно разделить на две группы. Первая включает существительные с кратким гласным и простым согласным в корне: гот. *ludja* «лицо»; *skalja* «чаша весов», «черепица», «кирпич»; *sibja* «родственные отношения», «родня»; *sunja* «правда», «истина»; *winja* «пастбище», «выгон» и другие. Во вторую группу входят имена существительные многосложные, а также с долгим гласным, дифтонгом или скоплением согласных в корне: гот. *aihvatundi* «терновник», «репейник»; *aqizi*; «топор»; *eisarnabandi* «оковы»; *fotubandi* «кандалы»; *frijōndi* «подруга»; *gabundi* «связь»; *haiþi* «степь», «невозделанное поле»; *jukuzi* «ярмо, гнет», «перевал»; *wasti* «одежда» и другие. Кроме того, сюда же относятся существительные с кратким гласным: *mawi* «девушка»; *þiwi* «служанка»; *awi* «овца».

Различия в построении парадигмы по родовому признаку в отдельных германских языках указывают на то, что родовая дифференциация появилась уже в эпоху раздельного существования отдельных групп германских диалектов, хотя эта тенденция характерна для общегерманского и общеиндоевропейского периода [СГГЯ 1963: 140]. Как было четко сформулировано раньше, в одних основах в праиндоевропейском языке группируется больше слов мужского рода, в других – женского рода, некоторые содержат все три рода. Так, в готском языке существительные мужского и среднего родов относятся к *ja-*, *wa-*основам, а имена женского рода к *jō-*, *wō-*основам [Jellinek 1926: 104, 110; Krahe 1948: 77; Гухман 1958: 79].

Принципы деления слов по основам были непонятны, и «некоторые типы основ постепенно вымирали (например, согласные основы в германских языках), а слова, принадлежавшие ранее к этим основам, переходили в другие группы, более распространенные» [Десницкая 1984б: 59].

В большинстве трудов подчеркивается тот факт, что склонения существительных с основами на *-ja*, *-jō*, *-wa*, *-wō* не отличаются от склонений с основами на *-a*, *-ō*, т. е. они являются вариантами более распространенных *a*-, *ō*-основ [Krahe 1948: 77; Бруннер 1956: 8; Гухман 1958: 81; Задорожный 1960: 160; СГГЯ 1963: 187; Lass 1997: 125 и др.]. Но есть несколько факторов, которые заставляют внести коррективы в это сравнение. Прежде всего, формальные признаки, по которым происходит такое объединение. В данном случае имеются в виду падежные показатели, а не морфологическая структура сложных основообразующих формантов. Мы можем предположить, что *ja*-, *jō*-, *wa*-, *wō*-основы относятся к особому типу, поскольку консонантные *-j*-, *-w*- элементы являются более ранними и самостоятельными показателями, которые обладали определенной семантикой.

Таким образом, краткий обзор моделей существительных со сложными основообразующими формантами показал, что можно выделить две закономерности. Во-первых, у существительных мужского и женского родов это вторичные образования, во-вторых, благодаря консонантным элементам *-j*-, *-w*- можно констатировать реляционную семантику имен по отношению к первичной основе.

ГЛАВА 3

Семантический анализ древнегерманских существительных со сложными основообразующими формантами *-ja*-, *-wa*-, *-jō*-, *-wō*-

Вопрос о связи древнегерманских существительных сложных основ с категорией одушевленности/неодушевленности является одним из центральных в данной главе. Большинство рассматриваемых существительных сложных основ в готском языке, по нашему мнению, ближе к консонантным основам, что показывает их семантика. Для

этого проведем лексико-семантический и этимологический анализы существительных *ja-*, *wa-*, *jō-*, *wō-* основ.

В результате проведенного подсчета из 101 готских существительных со сложным основообразующим формантом *-ja-* 25 существительных мужского рода, 76 имен – среднего рода. Преимущественно все имена мужского рода обозначают одушевленные денотаты в прямом смысле, остальные могли считаться одушевленными или активными в понятии древних. Из 76 существительных среднего рода 3 имени – одушевленные, 15 – конкретные неодушевленные и остальные – абстрактные существительные. Здесь нужно, безусловно, принимать во внимание, что родовые отношения сформировались позже более раннего деления существительных на одушевленные и неодушевленные классы. Как уже отмечалось, остатки прежней системы, основанной на дихотомии имен (одушевленный и неодушевленный классы) могли сохраняться в определенной маркировке имен, о чем свидетельствует наиболее древняя группа имен, обозначающих термины родства и, конечно, относящаяся к одушевленному классу [Осипова 1987: 6]. Вполне возможно, что многие имена *ja*-основ среднего рода ассоциировались древними с одушевленными объектами реального мира.

В готском языке *wa*-основы представлены незначительным количеством слов, по нашим подсчетам их всего 11. Во многих случаях трудно установить, принадлежало ли то или иное слово в древности действительно к классу, характеризовавшемуся данным показателем, представляет ли оно собой позднее образование по уже существующему типу или перешло путем аналогизации из другого типа основ. А.В. Десницкая считает эту задачу особенно сложной в отношении наиболее распространенных типов основ на *-a*, *-ō* [Десницкая 1984б: 63]. В научной литературе указывается на то, что

флексия *wa*-основ ничем не отличается от флексии *a*-основ [СГГЯ 1963: 187]. Однако морфологическая структура, как было рассмотрено во второй главе, позволяет отнести, например, готское существительное *ahwa* «вода» именно к *wa*-основам, поскольку элемент *-w-* сохраняется и предшествует гласному показателю *-a-*, который по своему происхождению более поздний.

Существительные, объединенные сложным основообразующим формантом *-wa-*, в готском языке можно отнести к двум группам: 1) к классу одушевленных имен в понятии древних, например, *kniu* (ср. р.) «колени», *triu* (ср. р.) «дерево», *þius* (м. р.) «слуга», *snaiws* (м. р.) «снег»; *fraiww* (ср. р.) «семья», «потомство»; *aiws* (м. р.) «время», «вечность»; 2) к классу неодушевленных имен, например: *hlaiw* (ср. р.) «могила»; *waurstw* (ср. р.) «труд», «дело»; *gaidw* (ср. р.) «нужда» и другие. Однако если взять каждое слово в отдельности, то можно найти причины отнесения их к классу одушевленных имен. Так, готские имена *gaidw* «нужда», *waurstw* «дело», «труд» и другие не мыслились не относящимися к определенному лицу, т. е. обладали реляционной семантикой. Кроме того, выражение определенности данных существительных *wa*-основ усиливается употреблением местоимений (указательных, притяжательных), что отчетливо видно из готского контекста:

1. *Jah galagida ita in niujamma seinamma hlaiwa þatei ushuloda ana staina jah faurwalwjands staina mikilamma daurons þis hlaiwis galaiþ* (М. XXVII, 60) «И положил его в новом своем гробе, который высек он в скале; и, привалив большой камень к двери этого гроба удалился». И далее: *ip eis gaggandans galukun þata hlaiw, faursigljandans þana....* «Они пошли и поставили у этого гроба стражу, и приложили к камню печать».

2. *Swa liuhtjai liuhap izwar in andwairpja manne, ei gasaihwaina izwara goda waurstwa jah hauhjaina attan izwarana pana in himinam* (M. V, 16). «Так да светит ваш свет пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного».

3. *Apban pata ist so gajuko: pata fraiw ist waurd gudis* (L. VIII, 11). «Вот что значит притча сия: это семя есть слово Божие».

Данные примеры демонстрируют наличие двойной маркировки определенности, с одной стороны, проявление элемента -w- в словах, объединенных сложным основообразующим формантом -wa-, где -w- мог обозначать определенность. А поскольку происхождение консонантных основообразующих формантов связывают с происхождением местоимений, то необходимо учитывать наличие группы указательных местоимений, характеризующейся сонантом w.

С другой же стороны, в примерах из контекста со словами wa- основ употребляются указательные или притяжательные местоимения, которые и усиливают определенность.

Свойство указательных местоимений выступать в качестве показателей неотчуждаемой принадлежности во многих языках, народы которых находятся на более ранней ступени развития, было отмечено А.П. Рифтиным. Он подметил интересное явление: в ряде языков, в том числе в и.-е. языках, местоимения, указывающие на далекое (*s, t, n, w* в и.-е. языках), могут входить в состав целого ряда показателей [Рифтин 1946: 147-149].

Из 37 существительных со сложным основообразующим формантом -jō- 5 относятся к одушевленным именам, остальные к неодушевленным; все существительные с данным формантом женского рода.

Большинство неодушевленных существительных ж. р. с основой на -jō-, видимо, все же могут быть отнесены к активному (одушевленному)

классу, ибо способность этих существительных принимать консонантный основообразующий формант *-j-* в типологическом плане может быть сопоставлена со способностью подобных же существительных принимать суффиксы органической (неотторжимой) принадлежности в языках активной типологии.

В свою очередь, как уже отмечалось выше, суффиксы органической принадлежности свойственны именам активного класса, которые в то же самое время могут принимать суффиксы неорганической принадлежности. Г.А. Климов описывает группы существительных в языках активной типологии, способные принимать суффиксы органической принадлежности [Климов 1977: 149-150, 153]. Эти группы существительных он называет в связи с формой органической принадлежности, но для нашего исследования главное заключается в том, что данные формы когда-то могли иметь активные имена.

При анализе готских существительных попробуем заглянуть в то общегерманское состояние, когда в группировках по основам еще ощущалась оппозиция активных и инактивных субстантивов. Мы можем предположить, что на определенном этапе консонантные основы служили средством выражения одушевленности. Это выделение существительных развилось на базе словообразования, которое когда-то не было четко отграничено от парадигматики. Словообразовательные суффиксы *nomina agentis* как нельзя более подходили для отграничения этих имен от инактивных. Эти суффиксы стали использоваться и для создания особого склонения активных имен, первоначально формировавшихся из существительных, лексическое значение которых допускало оформление их этими суффиксами. К таким склонениям, видимо, подобно существительным, обладавшим в активных языках категорией

неотторжимой принадлежности, относились только определенные группы слов, которые индоевропеисты причисляют к одушевленным.

В готском языке *wō*-основы, как и рассмотренные выше *wa*-основы, представлены незначительным количеством слов. По нашим подсчетам их всего 10. Поскольку многие ученые не находят различий между *wō*- и *ō*-основами [Гухман 1958: 78; СГГЯ 1963: 174 и др.], то некоторые группы имен, как *ubizwa* «зал», *wulwa* «ржавчина», *tewa* «порядок» и другие, они относят к *ō*-основам. Однако реконструкция склонений древнегерманских существительных соотносится с нашими наблюдениями над склонениями имен сложных основ. Поэтому такая группировка существительных является не совсем точной. Следует обратить внимание на то, что морфологическая значимость старых основообразующих формантов тесно связана с их позицией в слове. Уже установлено, что форманты *-j-*, *-w-* ближе расположены к корню (основе). Поскольку следование формантов (суффиксов) сложилось исторически, то данные элементы реконструируются как более древние, которые первоначально имели значение одушевленности, как и другие консонантные показатели. Элементы же *-a-*, *-ō-* показывают более поздние родовые отношения. Самыми же поздними в структуре слова являются падежные окончания [Серебренников 1971: 279; Décsy 1990: 70, 77].

3.1 Группы существительных *ja-*, *wa-*, *jō-*, *wō*-основ

А. Мейе наиболее полно перечислил группу существительных, относящихся к классу активных имен [Мейе 1938: 345-346]. Однако Г.А.Климов указал, что данная группа существительных не была стабильной, а расширялась и изменялась соответственно с новыми культурно-хозяйственными потребностями людей [Климов 1977: 212]. Соглашаясь с гипотезой об активном прошлом индоевропейских языков

[Климов 1977: 206-207], можно полагать, что эта группа была намного шире.

Проведенный семантический анализ показывает, что существительные с основами на *-ja*, *-wa*, *-jō*, *-wō*, составляют приблизительно те же группы, которые описывает Г.А. Климов в языках активной типологии, способные принимать суффиксы органической принадлежности [Климов 1977: 149-150, 153].

Взяв за основу классификацию активных (одушевленных) существительных, постараемся показать, что довольно большая группа имен укладывается в схему, представленную А. Мейе [Мейе 1938: 345-346]. Рассмотрим следующие группы существительных *ja*-, *wa*-, *jō*-, *wō*-основ:

- 1) существительные, обозначающие людей, их род занятия;
- 2) существительные, обозначающие отношения родства;
- 3) существительные, обозначающие животных, растения или их части;
- 4) существительные, обозначающие части тела человека или животных (так называемая анатомическая лексика);
- 5) существительные, обозначающие реалии, тесно связанные с человеком или животным;
- 6) существительные, так или иначе относящиеся к человеку;
- 7) существительные, обозначающие реалии и явления природы, которые относились к активным, действующим силам.

Обратимся к каждой группе в отдельности и приведем весьма интересные примеры, которые помогут реконструировать первоначальные значения готских существительных со сложными основообразующими формантами.

1. Существительные, обозначающие людей, их род занятия.

К этой группе относятся существительные м. р. гот. *asneis* «слуга», «поденщик» (*ja*-основа), которое имеет родственные слова в

древнегерманских языках: др.-англ. *esne*, двн *asni*, *esni*, др.-сакс. *asna* «налог», «сборы» [Uhlenbeck 1896: 16; Feist 1920: 44]. Гот. *faura-mapleis* «начальник» образовано при помощи приставки *faura* и глагола *mapljan* «говорить». Возможно, первоначальное значение готского существительного *fauramapleis* могло быть «тот, который говорит перед кем-либо». Гот. *hairdeis* «пастух», англо-сакс. *hyrde*, др.-сакс. *hirdi*, двн. *hirti* образовано от гот. *hairda* «стадо» [Uhlenbeck 1896: 65-66]. Гот. *witodafasteis* «блюститель закона» является сложным образованием: *witop* «закон» и *fastan* «придерживаться» [Uhlenbeck 1896: 170]. Отсюда можно предположить первоначальное значение данного существительного «тот, кто придерживается закона». Гот. *ragineis* «советчик» образовано от *ragin* «совет», др.-сканд. *regin* «совещательные божественные силы», др.-сакс. *regin-*, *regan-* «божественное решение, постановление», двн. *regin-* в имени собственном является родственным существительному *garēhsns* «постановление», «предписание» и глаголу *rahnjan* «считать», «полагаться» [Uhlenbeck 1896: 116]. По-видимому, первоначальное значение гот. *ragines* «тот, кто считается или полагается на предписания».

Гот. *sōkareis* «исследователь», двн. *suochāri* «искатель», образовано от глагола *sōkjan* «искать», который можно сравнить с англо-сакс. *sécan*, др.-сакс. *sōkian*, двн *suohhan* и является первоначально родственный др.-ирл. *saigim* «поиски», лат. *sāgīre* «чувствовать», «ощущать»; *sagax* «остроумный», «проницательный»; греч. *ῥυέομαι*, дорийский *ἄρυέομαι* «воз», «подвода» [Uhlenbeck 1896: 132].

Три готских имени ж. р. *jō*-основ входят в эту группу: *frijōndi* «подруга»; *mawī* «девушка»; *biwi* «служанка». Гот. *frijōndi* «подруга» образовано от *frijōnds* «друг», которое, в свою очередь, образовано от *frijōn* «любить», т. е. это существительное первоначально должно было обозначать «тот, кто любит» [Uhlenbeck 1896: 47]. Существительное *mawī* «девушка», ср. с др.-сканд. *mær*, которое является образованием

женского рода от гот. *magus* «мальчик», в свою очередь, образовано от глагола *agan* «быть в состоянии, мочь» [Uhlenbeck 1896: 100, 104]. Гот. *þiwi* «служанка», ср. с др.-сканд. *thý*, англо-сакс. *theowu*, др.-сканд. *thiwi*, днн. *diu* является образованием женского рода от сущ. *þius* «слуга», ср. с др.-сканд. *thýr*, англо-сакс. *théow*, днн. *dēo*, которое, вероятно, произошло от индогерм. *teqó-*, др.-герм. *thegwa-*. [Uhlenbeck 1896: 147]. Следует напомнить, что большинство существительных данной группы относятся к именам действующего лица.

Интересно имя, образованное от существительного м. р., гот. *rnawilō* «девочка» с и.-е. уменьшительным суф. *-lo-* от *mawī* (ж. р., *jō*-основа) «девица»; оба образованы от *magus* (м. р., *u*-основа) «отрок, слуга»; родственные существительные в др.-англ. также с уменьшительным суф. *mēowle* «девочка», а в др.-исл. без суффикса *māer* (ж. р., *jō*-основа) «девица», поэтич. «дочь» [Zoëga 1910: 306]. Готское существительное *haiþnō* «язычница» происходит от гот. *haiþi* «степь, невозделанное поле» (*jō*-основа), имеющего родственные существительные во всех германских языках: др.-исл. *heidr* «пустошь, степь (бесплодная земля)», др.-англ. *hóed* «пустошь», днн. *heida* «поле, степь, вереск, невозделанная земля», первоначально родственные гал. *-cétum*, кимр. *coit* «лес» [Uhlenbeck 1896: 66].

В данную группу включено лишь одно существительное м. р. *wa*-основ *þius* «слуга», которое имеет родственные слова в др.-исл. *thēr*, др.-англ. *thēow*, днн. *deo*, род. п. *dewes* «слуга», вероятно, герм. основа *thewa* – образована от прагерманской основы *thezwa*, индогерм. *tek-μó* [Feist 1920: 376; Uhlenbeck 1896: 147]. Происхождение гот. *þius* связывают с латыш. *teksnīs* «служитель», «слуга». Возможно, *þius* и *teksnīs* имеют одно происхождение, т. е. относятся к корню *teq-* в др.-инд. *tákati tákti*, цслав. *teka* [Feist 1920: 376].

2. Существительные, обозначающие отношения родства.

Эта группа включает существительные м. р. *berusjōs* «родители»; *ganipjis* и *nipjis* «родственник» (*ja*-основа). Гот. *berusjōs* «родители» (мн. ч.) первоначально произошло от глагола *baíran* «носить, нести» [Uhlenbeck 1896: 21, 24]. Гот. *nipjis* «родственник», др.-сканд. *nidr* «потомок, отпрыск», «родственник», англо-сакс. *nipþas* «*manner*» («мужчины») мн. ч.; данное существительное тождественно цслав. *netijŭ, netij* «племянник», греч. *ἀνεψίος* «племянник» [Uhlenbeck 1896: 112].

Часть существительных женского рода представляют собой мутированные существительные [СГГЯ 1963: 80-81], т. е. образованные от соответствующих существительных мужского рода, например, гот. *nipjō* «родственница» образовано от *nipjis* (м. р., *ja*-основа) «родственник».

В данную группу можно включить готское существительное *sibja* «родня», «родство» (*jō*-основа), которое имеет родственные имена в других древнегерманских языках, др.-исл. *Sif* «супруга Тора» (Thors), др.-сакс. *sibbia*, днн. *sippea, sippa* «родня», «клан», «род», др.-фриз. *sibba* «родственник» [Feist 1920: 314].

3. Существительные, обозначающие животных, растения или их части.

В эту группу входят существительные ср. р. и м. р. с основой на *-ja*. Гот. *awepi* «стадо овец» относится к собирательным образованиям и является производным от индогерм. *ouis* «овца», ср. с др.-инд. *áviś*, греч. *ὄις, οἴς*, лат. *ovis*, др.-ирл. *ōi*, лит. *avis* «овца», др.-исл. *ær*, др.-англ. *ēowu*, др.-сакс. *euii*, днн. *ouwi* «овца» [Feist 1920: 51; Uhlenbeck 1896: 19].

Гот. *hwaiteis* «пшеница», др.-сканд. *hveite*, др.-англ. *hwæte*, др.-сакс. *hwēti*, днн. *hweiʒi* «пшеница». Данное существительное (приводится форма *hveiteis*) образовано от гот. *hveits* «белый». Сравним с лит. *kvėtyš* «пшеничное зёрнышко», во мн. ч. *kvėcziaĩ* «пшеница» является древним заимствованием из германского [Feist 1920: 209-210; Uhlenbeck 1896: 81].

Как показывает анализ, значение «пшеница» гот. *hwaiteis* подтверждается путем сравнения с древнегерманскими языками.

Еще одно существительное этой группы ср. р. *weinabasi* «виноград» является сложным по составу; *wein* и *-basi*, где *-basi* основывается на *basja-*; ср. с др.-англ. *beri(3)e*, днн. *beri* «ягода», нвн. *besing* «черника, голубика». Первая же часть *wein* означает «вино», отсюда *weinabasi* «винная ягода», «виноград» [Feist 1920: 426; Uhlenbeck 1896: 166-167].

К данной группе относятся готские существительные ср. р. *wa-* основ *triu* «дерево», *weinatriu* «виноградная лоза», *fraiw* «семья». Гот. *triu* «дерево», родственное ему др.-исл. *trē*, др.-англ. *trēo(w)*, др.-фриз. *trē*, др.-сакс. *trio*, *treo* «дерево», лит. *derva* «смолистое дерево» (то же самое др.-исл. *tyrve*), цслав. *drŭva* «деревья» мн. ч., *drěvo* «дерево», др.-ирл. *daur*, кельт. *derwen* «дуб», греч. *δρῦς* «дерево» [Feist 1920: 363]. Гот. *weinatriu* «виноградная лоза» образовано от *wein* и *triu*, где первое обозначает «вино», а второе – «дерево» (см. *triu*). Готское существительное *fraiw* «семья», «потомство», конечно, относится к классу одушевленных имен, т. к. связано с зарождением жизни. Однако этимология данного слова неясна, вероятно, оно образовано от индогерманской основы *pro-iwo-* или *pro-eiwo-*, первоначальное значение которого «происходящий, появляющийся». Г. Остгофф проводит сравнение этого имени с др.-инд. *évas* «течение» (времени), «курс», «движение» и лат. *prođire* «происходить». Г. Хирт представляет греческое образование *σπεῖρω* с тем же самым значением «семья», что и готское *fraiw* [Feist 1920: 120]. Приведенные параллели других индоевропейских языков показывают более древние значения готских существительных *fraiw* «семья», *triu* «дерево», *weinatriu* «виноградная лоза».

В эту группу входит готское существительное женского рода *aihwatundi* «терновник», «репейник» (*jō*-основа), которое представляет

собой составное существительное: первая часть это герм. *eḥwa* «лошадь», «конь»; др.-сканд. *jór*, англо-сакс. *eoh*, др.-сакс. *ēhu*, др.-ирл. *ech*, лат. *equus*, греч. ἵππος. Вторая часть – *tundi*, которая имеет связь с *tunthus* «зуб», отсюда *aihwatundi* означает «лошадиный зуб» (ср. «зуб» и «колючка») [Feist 1920: 15-16; Uhlenbeck 1896: 5].

4. Существительные, обозначающие части тела человека или животного.

Сюда относится готское существительное ср. р. *andaugi* (*ja*-основа) «лицо», образованное от существительного *augō* «глаз, око», которое, в свою очередь, имеет глагольное происхождение «глядеть, смотреть» [Uhlenbeck 1896: 12, 17]. Гот. *hiwi* «фигура», «наружность», др.-исл. *hū* «пух», др.-англ. *hīw*, *hiew*, *hēow* «фигура», «внешность». Существительное ср. р. *faurafilli* «крайняя плоть» (*ja*-основа) образовано при помощи *faura* и *fill*, которое происходит от прилагательного *filleins* «кожаный» [Feist 1920: 107, 112]. Поскольку сложный основообразующий формант *-ja-* исконно используется для образования существительных от прилагательных, продолжая обозначать «принадлежность к кому-либо или чему-либо», то гот. *faurafilli* «крайняя плоть» входит в состав активных имен.

Готское *kniū* «колени» имеет параллели в других древнегерманских языках: др.-исл. *knē*; др.-англ. *snēo*, др.-фриз. *kniū*, *knī*, *knē*; др.-сакс. *kneo*, *knio*; днн. *chniū* «колени»; лат. *genu*; греч. γόνυ «колени»; др.-инд. *jānu* «колени» [Feist 1920: 234; Uhlenbeck 1896: 90]. Значение гот. *kniū* «колени» сохраняется в большинстве индоевропейских языках, как видно из приведенных выше параллелей, более того его можно отнести к ностратическим именам, т. е. прослеживаемых не в одной группе языков [Рулен 1991: 10-11].

К данной группе принадлежат существительные *jō*-основ, ж. р. гот. *ludja* с одним значением «лицо», образованное от глагола *liudan* «расти, увеличиваться» [Uhlenbeck 1896: 99, 97]; гот. *laudi* «образ, фигура»

образовано от того же глагола *liudan* «расти, увеличиваться» [Feist 1920: 192, 243, 260], ср. с греч. формой *δαία* «тень», др.-ирл. *chāyá* «тень, блеск» [Uhlenbeck 1896: 73].

А. Мейе делал попытки интерпретировать данную группу существительных в и.-е. языках. Следует заметить, что одушевленность имени он связывал только с выражением грамматической категории рода. По мнению А. Мейе, все слова, обозначающие активные органы человеческого тела, обычно относятся к мужскому или женскому роду, а слова, обозначающие органы, которые считаются недееспособными, – к среднему роду. Однако такое положение не всегда выдерживается, так к одушевленному роду относятся имена, обозначающие селезенку (м. р., реже ж. р.) и имена, обозначающие локоть (м. р.), а имена, обозначающие колено относятся к ср. р., т. е. к неодушевленному роду [Мейе 1938: 226-227]. А. Мейе объяснял подобные отклонения следующим образом: когда неподвижным органам приписывался религиозный смысл, они обозначались словами, относящимися к одушевленному роду [Мейе 1938: 227].

5. Существительные, обозначающие реалии, тесно связанные с человеком или животным.

Рассмотрим ряд существительных, которые обозначают предметы обихода, принадлежащие человеку или изготовленные им. Гот. ср. р. *waggari* «подушка» (*ja*-основа) является родственным др.-сканд. *wanga* «щека», двн. *wangāri*, свн. *wanger*, др.-исл. *vengi*, др.-англ. *wanzere* [Feist 1920: 410; Uhlenbeck 1896: 159-160]. В готском языке существительное *waggari* «подушка», скорее всего, является вторичным образованием. Некоторые значения являются первичными, как значение «щека», вторичным стала реляционная семантика, значение «подушка».

Интересно и гот. *aurali* «платок» от лат. *ōrārium* «небольшой кусок материи, чтобы покрывать вокруг лица». Готское существительное *aurali*

«платок» имело отношение к определенному лицу и, следовательно, обладало реляционной семантикой.

Гот. *badi* «кровать» является родственным именам древнегерманских языков: др.-англ. *bedd*, др.-сакс. *bed*, днн. *beti* «кровать» [Uhlenbeck 1896: 20], готское *badi* это «то, на чем лежит человек», а значение «кровать», скорее всего, более позднее. Гот. *aqizi* «топор», др.-сканд. *ex*, *ox*; др.-англ. *æx*, др.-сакс. *accus*, днн. *akis*, *acchus*, родственное греч. *ἄξινη* «топор», лат. *ascia*, «топор» [Feist 1920: 40]; гот. *nati* «сеть», др.-англ. *net*, др.-фриз. *nette*, др.-сакс. *netti*, днн. *nezzi* «сеть», лат. *nassa* «рыбацкая верша», «вязаная корзина» [Feist 1920: 279; Uhlenbeck 1896: 110]. Анализ показывает, что значения готских имен типа *badi* «кровать», *aqizi* «топор», *nati* «сеть» проходят по всем германским языкам, а также данные имена обладали принадлежностным значением, что позволяет отнести их к классу активных, одушевленных имен.

Гот. *hulftri* «гроб», засвидетельствована форма мн. ч. *hulftrijos*, др.-сканд. *hvalf* «свод, потолок», *hvelfa* «свод», др.-англ. *hwealf* «свод, потолок» и прилагательное «сводчатый», др.-сакс. *bihwelbian* «образовывать, покрывать сводом», «покрывать», свн. *welben* «образовывать свод». Возможно, первоначальное значение данного готского существительного мн. ч. *hulftrijos* – «полый челн», «его половинки лежат друг на друге и предназначен для погребения покойника» [Feist 1920: 213]. Гот. *hlaiw* «могила», «гроб», др.-англ. *hlāw*, *hlǣw* «могила», «гроб»; др.-сакс. днн. *hlēo*; днн. (мн.ч.) *lēwir* «гроб», «могила»; следующее родственное имя из лат. *clivus* «холм», «бугор»; др.-болг. *chlěvъ* «хлев» заимствовано из германского. Однако гот. *hlaiw* не принимает значение «хижина», «жилой дом» [Feist 1920: 194]. На основании родственных имен других и.-е. языков можно заключить, что гот. *hlaiw* «могила», «гроб» сохраняет одно из древних значений. К тому же, могила не может быть ничьей, она принадлежит

определенному лицу или лицам. Таким образом, можно определить реляционную семантику данного существительного.

В эту группу включено готское имя м. р. *hlija* «хижина», имеющее родственные слова с германским суффиксом *-wa-* или безсуффиксальные образования, которые, однако, относились к сильному склонению [Schade 1882: 406]; др.-исл. ср. р. *hly* «тепло, защита» [Vigfusson 1957: 274], др.-англ. м. р. *hlēō* (*w*), др.-фриз. *hlī* «щит, заслон», др.-сакс. *hleō* «крыша» [Feist 1920: 196]. Древние значения показывают принадлежность гот. *hlija* «хижина» к определенному лицу, следовательно, можно говорить о реляционном значении данного слова. Гот. м. р. *skuggwa* «зеркало» и родственные др.-англ. *scu(w)a*, днн. *scīwo* «тень», а также днн. *scū-char* «зеркало» от общегерманской основы **skuŋŋa-*, ср. заимствованное фин. *kuva* «картина» [Feist 1920: 328]. Первоначальное значение гот. *skuggwa* могло быть «тень», которое соотносится с живым существом, кроме того, играет значительную роль в жизни древних германцев.

Гот. *wasti* «одежда» образовано от *wasjan* «одевать», ср. с. лат *vestis* «одежда» арм. *z-gest*, греч. *ἔνδυμα* [Feist 1920: 421]. Отсюда можно предположить, что первоначальное значение – «то, что одевает на себя человек», т. е. то, что принадлежит человеку. Гот. *winja* «пастбище», др.-сканд. *vin* «выгон, пастбище», свн. *winne* «пастбище, выгон», ср. с др.-англ. *wynn*, др.-сакс. *wunnia*, днн. *winna*, *winnī* «блаженство», «радость» [Feist 1920: 430-431].

В готском языке обнаружено четыре имени с одним значением, все они со сложной основой на *-jō* женского рода: *bandi* «оковы»; *eisarnabandi* «оковы»; *fotubandi* «кандалы»; *naudibandi* «оковы, кандалы». Гот. *bandi*, англо-сакс. *bend*, др.-фриз. *bende*, др.-сакс. *band*, мн. ч. *bendi*, днн. *bant* «оковы, кандалы» образовано от глагола *bindan* «связывать, привязывать». Гот. *eisarnabandi* является составным словом: *eisarn*, «железо, оковы» и *bandi* «оковы», отсюда *eisarnabandi* «оковы». Гот. *fotubandi* от *fotus* «нога»

и *bandi* «оковы», отсюда *fotubandi* «кандалы» также является составным существительным. В состав данного имени входит слово, обозначающее активный орган человеческого тела (*fotus* «нога»), которое относится к мужскому роду, в свою очередь *bandi* «оковы» образовано от активного глагола. Существительное *naudibandi* образовано от *naups* «нужда», «насилие», «принуждение» и *bandi* «оковы». Как показывают примеры, все три имени являются сложными, где первое несет дополнительный оттенок значения, а второе *bandi* – основное значение «оковы», «кандалы» [Feist 1920: 58, 97, 117-118, 279-280], что означает связь с частями тела человека (с руками или ногами человека) т. е. все эти имена обладали реляционной семантикой.

Гот. *wirja* «венки» образовано от глагола *weiran* «увенчать, украшать венками». Данное имя не имеет параллели в других германских языках. Гот. *ufarmeli* «надпись» образовано от *ufar* «над», «свыше» и *mēljan* «писать» [Uhlenbeck 1896: 150, 104]. Поскольку по своей функции данные имена способны выполнять активные действия, т. к. связаны с формами глаголов настоящего времени, то, вероятно, их можно отнести к активным именам.

Гот. *skalja* «кирпич», «черепица», ср. с др.-сканд. *skel*, др.-англ. *sciell* «чашка (весов)», «ковш», «ракушка»; др.-англ. *scealu*, днн. *scala* «чашка», «кожица», «оболочка» [Feist 1920: 322]. В дальнейшем попытаемся восстановить более древнее значение гот. *skalja* «кирпич», «черепица», которое, скорее всего, является «ракушка». Гот. *gabundi* «повязка», ср. с др.-сканд. *bundin* «сноп», свн. *bunt* «узел», «союз», «оковы» [Feist 1920: 130]; гот. *ga-bindi* «повязка», днн. *binta* «повязка», образовано от глагола *bindan* «связывать», «вязать» [Feist 1920: 130; Uhlenbeck 1896: 25]. Данное слово способно выполнять активное действие, т. к. связано с глаголом наст. вр. *bindan*. По всей вероятности, его можно отнести к именам активного класса.

Гот. *ubizwa* «зал» не засвидетельствовано в форме им. п., имеет родственные имена в др.-исл. *ups*; др.-англ. *efes*, *yfes*, «край», «сторона»; др.-фриз. *ose*; свн. *ovese* «кровельный жолоб»; двн. *obasa*, *obisa* [Feist 1920: 385]. Предположим, что гот. *ubizwa* могло первоначально обозначать «огороженное место» или «загон для скота», но никак не «зал» или «вестибюль». Вероятно, последнее значение данное слово приобрело значительно позже.

У готского существительного *salipwa* «обитель», «убежище» засвидетельствована только форма мн. ч. *salipwōs*. Форма мн. ч. родственна др.-сакс. *selitha*; двн. *salidon*; др.-англ. *sæld*; др.-сакс. *seliða*; двн. *selida* «жилище»; др.-исл. *salr*; др.-англ. *salor*, *sæl*, *sele*; др.-сакс. *seli*; двн. *sal* «здание», «зал»; др.-болг. *selitva* «жилище», образованное от *selo* «земельный участок», «усадьба», «жилище» ср. с лат. *solum* «пол», «дно», «основание» [Feist 1920: 307-308]. Сравнение развития значений данного корня в других германских языках показывает, что гот. *salipwa* «обитель», «убежище» содержит одно из древних значений, которое ближе к лат. *solum* «дно, основание» и др.-болг. *selo* «земельный участок». По всей вероятности, эта группа существительных имела принадлежность к определенному лицу, поэтому эти имена обладали реляционной семантикой.

6. Существительные, так или иначе относящиеся к человеку.

Данная группа имен включает абстрактные существительные, обладающие в основном реляционной семантикой. Следует отметить, что абстрактными эти имена можно назвать весьма условно, ибо многие из них не обладали таким смыслом для древних германцев. Такие имена в большинстве случаев имели отношение к чему-либо или кому-либо, т.е. могли передавать отношения принадлежности.

Гот *gawaurdi* «беседа», «сообщество» производное от *waurd*, означающее «слово», образовано при помощи суффикса *-ja-* [Feist 1920:

155]. Гот. *ga-waurki* «дело» является производным от основы *waurka* – в глаголе *waurkjan* «действовать»; в двн. имеет родственное имя *gewurche* «дело» [Feist 1920: 155]. Гот. *taui* «работа», «дело» образовано от глагола *taujan* «делать» [Uhlenbeck 1896: 141], возможно, относится к активным именам, т. к. связано с наст. вр. глагола, т. е. способно выполнять активное действие; гот. *reiki* «власть», «авторитет» является родственным др.-исл. *rīke*, др.-англ. *rīce*, др.-фриз., др.-сакс. *rīki*, двн. *rīhhi* «сила, мощь», «господство, власть», «государство, империя», древнейшее заимствование из кельт. *rīgio-*, др.-ирл. *rīge* «государство», «власть», лат. *rēgius* «королевский» [Feist 1920: 298]. Рассматривая этимологию слова *reiki*, можно заметить принадлежность к определенному лицу, т. е. государю или королю. Возможно, поэтому оно обладало реляционной семантикой.

Однако некоторые имена имеют мало параллелей в других древнегерманских языках, например, гот. *aglaiti* «разврат» (*aglaitei*), двн. *agaleizi*, возможно, образовано от *agls* «позорный», «мерзкий»; гот. *galeiki* «отображение, отражение» образовано от *leik* «тело»; гот. *gabagki* «обдуманность» образовано от *thank* «благодарность», *pagkjan* «думать», отсюда *gabagki* обозначает результат действия. Гот. *stiwiti* «выносливость, терпение»; этимология данного слова неясна и не приводятся параллели в других германских языках, лишь сравнивают с лат. *studium* «стремление», «рвение, усердие» [Feist 1920: 343]. Два готских существительных обладают одним значением: *unkunþi* и *unwiti* «незнание», «невежество», образованные при помощи приставки *un-* и *-kunþi*, *-witi* соответственно, которые, в свою очередь, образованы от глаголов: *kunnan* «знать», «познавать» и *witan* «знать». Данные имена сочетаются с глаголами в настоящем времени и обладают реляционной семантикой, т. к. «незнание» не может быть ничье.

Сюда же мы отнесем 2 имени с собирательным значением: *kuni* «род», «племя», *harjis* «войско», «армия». Гот. *kuni* «род» соотносится с другими

древнегерманскими именами: др.-исл. *kyn* «род», др.-англ. *cynn* «потомство», др.-фриз. *ken, kin*, др.-сакс. *kunni*, днн. *chunni* «род», «поколение»; оно восходит к индогерманскому корню *ĝen-* «зачать», «производить на свет»; др.-инд. *jānati, jānáyati* «произведенный на свет», «рожденный», *jānas* «род», «поколение», арм. *spanim* «рождаем», *cin* «рождение», греч. *γένος* «род», «поколение», лат. *genus* «род» [Feist 1920: 237]. На основании сравнения гот. *kuni* с другими индоевропейскими языками можно отметить сохранение значения «род». Поскольку «основной единицей культа в древнем обществе являлся род» [Десницкая 1941: 52], а параллели в древнегерманских языках выявляют более древнее значение «рождение», то гот. *kuni* «род», вероятно, обозначает активное начало, что и позволяет отнести его к активным, одушевленным именам. Гот. *harjis* «армия», имеет родственные существительные, в основном, м. и ср. р., в других древнегерманских языках: др.-исл. *herr* (м. р.), др.-англ. и др.-фриз. *here*, др.-сакс. *heri* (м. р.), днн. *hari, heri* (ср. р.) «господин», «властитель»; свн. *harst, harsch* (м. р.) «армия»; родственное глаголам с активным значением др.-исл. *herja*, др.-англ. *herizan*, днн. *heriōn* «разрушать», «грабить» [Feist 1920: 182-183]. Отсюда гот. *harjis* «армия, войско» способно выполнять активное действие, поэтому и входит в группу активных имен.

Гот. *aiws* «время, вечность» имеет параллели в других и.-е. языках: др.-исл. *ǣfi* «жизнь», «поколение», «век»; днн. *ēwa* «время, вечность», др.-англ. *ǣ(w)* «время, вечность»; др.-фриз. *ēwe* (по склонению с основой на *-n*); др.-ирл. *ais*, лат. *aevum* «возраст», «древность»; греч. *αἰών* «время жизни», «вечность»; др.-инд. *āyus* «продолжительность жизни». Интересно привести индогерманскую основу данного слова *ai-* *μο* [Feist 1920: 22; Uhlenbeck 1896: 7-8]. Сравнивая готское *aiws* «время, вечность» с другими именами и.-е. языков, можно установить, что ранее оно имело значение близкое к древнеиндийскому, которое

означает «продолжительность жизни» т. е. более конкретное значение, передающее активное начало. Учитывая данное значение и оформление его консонантным формантом *-w-*, готское существительное *aiws* можно отнести к активным именам.

Гот. *waurstw* «труд», «дело» не имеет параллелей в других древнегерманских языках. Однако С. Файст указывает на прагерманскую основу *wurh-stwa-*, образованную от глагола *waurkjan* «действовать». И С. Файст, и С. Уленбек отмечают, что гот. *waurstw* точно соответствует авест. *varš-tva* «действие» [Feist 1920: 423; Uhlenbeck 1896: 165]. Следовательно, гот. *waurstw* «труд», «дело», по всей вероятности, входит в группу одушевленных имен в силу того, что оно по своему происхождению – активное имя, образованное от глагола с активным значением.

Гот. *lēw* «случай», «возможность», др.-англ. *lǣwan* «изменять»; англо-сакс. *lēza* «изменник»; днн. *gi-lāen*, *fir-lāen* «изменять». По мнению, С. Файста, гот. *lēw*, вероятно, образовано от лит. *liáutis* «переставать», «прекращать»; латыш. *ljauju*, *ljāwu* «разрешать, позволять» и восходит к индогерм. основе *leu-* [Feist 1920: 248]. Поскольку гот. *lēw* образовано от основ глаголов с активными значениями, представленных в других древних и.-е. языках, то данное имя может относиться к активным именам.

Гот. *unhaili* «болезнь» является производным от *un-hails* «больной»; имеет родственные имена в других древнегерманских языках: др.-исл. *ūheill*, *ūheil* «несчастье, беда», др.-англ. *unhāl* «больной», *unhǣl(o)* «болезнь», днн. *unheil* «болезненный», «несчастье, беда» [Feist 1920: 394]. Данное слово обладало реляционной семантикой, т. к. гот. *unhaili* «болезнь» соотносится с определенным лицом.

Гот. *wadi* «зalog», «дар», др.-исл. *veđ* «зalog», «заклад», др.-англ. *wedd* «зalog», др.-фриз. *wed* «договор», «контракт», «поручительство»,

«надежность», двн. *wetti* «залог». Гот. *wadi* незаимствованное слово, но является родственным лит. *vadūti* «заклад выкупать», лат. *vas* (род. п. *vad-is*) «заложник»; оспаривается сравнение с греч. *ἄεζλος* «борьба» [Uhlenbeck 1896: 159; Feist 1920: 410]. Готское существительное *bandwa* «знак» следует сравнить с лат. *bandum* «знамя», греч. *βάνδον* [Feist 1920: 58-59].

Гот. *frijaþwa* «любовь» (*wō*-основа, ж. р.), образованное от индогерманского корня *prī-*, имеет родственное имя в др.-инд. *priyatvām* «тот, кто любит, есть любим»; др.-англ. *frēod*, образованное от *prijatā*, означает «любовь». Как показывает анализ, значение гот. *frijaþwa* сохраняется в других и.-е. языках. Поскольку «любовь» обязательно должна быть чья-то или направлена на кого-то, то данное слово обладает реляционной семантикой. Гот. *triggwa* (*wō*-основа, ж. р.) «завет», «верность» имеет родственные слова в др.-англ. *treōwa*, др.-фриз. *triōwe*, *triūwe*, др.-сакс. *treuwa*, двн. *triuwa* «верность», «преданность». Данное имя образовано от гот. прил. *triggws* «верный» [Feist 1920: 362]. В этом случае «завет», «верность» не мыслится без определенного лица. Таким образом, реконструируя значение гот. *triggwa*, можно определить его реляционную семантику.

Гот. *fijaþwa* (*wō*-основа, ж. р.) «вражда» не имеет родственные слова в других древнегерманских языках; лишь отмечается, что данное имя образовано от глагола *fijan* «ненавидеть». А поскольку образование *fijaþwa* происходит от основы глагола настоящего времени, передающего активное начало, да к тому же «ненависть» была определенной, а не абстрактной, то данное имя могло входить в группу активных имен. Гот. *tewa* (*tewai*) «порядок» встречается только в форме дат. п. ед. ч. Этимология данного слова неясна. Приводится лишь тот факт, что гот. *tewa* образовано от слабого глагола I класса *taujan* «делать». С. Файст рассматривает связь гот. *tewa* с др.-англ. *teoh*

«соединение», «объединение», свн. *zech(e)* «расположение»; двн. *(gi)zehōn* «располагать», а также указывает однокорневое слово *gawjan* «располагать, устраивать» [Feist 1920: 359; Uhlenbeck 1896: 142]. Можно предположить, что данное существительное относится к активному классу имен, поскольку образовано от презентной основы глагола, а значит, передает активность, что находит свое подтверждение в работе О.А. Осиповой [1980].

Сюда же можно отнести готское имя с собирательным значением: *pūsundi* «тысяча» (*jō*-основа, ж. р.), которое имеет родственные слова в других древнегерманских языках: др.-исл. *thūsund*, др.-англ. *thūsend*, др.-фриз. *thūsend*, др.-сакс. основа *thusund*-, двн. *dūsunt* «тысяча», др.-прусс. *tūsimtons*, лит. *tūkstantis*, цслав. *tysqšta. tysešta*. Данное слово *pūsundi* является индогерманского происхождения, состоит из индогерманской основы *tūs*-(ср. с др.-инд. *tavāś* «сильный, мощный») и *hund* «сотня»; отсюда *puss-hundī* означает «сильная, мощная сотня» [Feist 1920: 382-383].

Ряд имен имеет мало параллелей в других древнегерманских языках, например, гот. *haiti* «приказ», ср. с свн. *heiȝe*, образовано от *haitan* «называть», «призывать», «велеть, приказывать» [Uhlenbeck 1896: 66]. Поскольку данное имя *haiti* «приказ» связано с глагольной основой настоящего времени, постольку первоначально оно могло обозначать «то, что приказывают, повелевают». К тому же слово со значением «приказ» обладает реляционной семантикой, т. е. имеет отношение к кому-либо (к человеку). Гот. *wrakja* «преследование» образовано от глагола *wrikan* «преследовать», «пытать», «терзать» [Uhlenbeck 1896: 171, 172]; гот. *frastisibja* «усыновление» образовано от *frasts* «дитя, ребенок»; гот. *hwoftuli* «хвала» является отглагольным образованием *hwoþan* «хвалиться», «хвастаться» [Feist 1920: 298]. Гот. *piundangardi* «королевство» образовано от *piundans* и *gards*; первое существительное *piudans* «король» и второе *gards* «дом, строение». Снова в этимологии

þiundangardi прослеживается органическая принадлежность к определенному лицу, т. е. к королю.

Данная группа существительных со сложными основообразующими формантами соотносилась с активными, одушевленными денотатами или имела отношение к кому-либо или чему-либо, принадлежность к какому-либо действию. Консонантные показатели *-j-*, *-w-* представляют собой объемные форманты, включающие и значение одушевленности, и реляционное значение. Первое значение формантов *-j-*, *-w-* со временем теряется, однако за ними закрепляется реляционное значение, что и позволяет относить существительные со сложными основообразующими формантами с консонантными элементами к классу активных имен.

7. Существительные, обозначающие реалии и явления природы, которые относились к активным, действующим силам.

Эта группа включает имена с. р. *ja*-основ, м. р. *wa*-основ. Гот. *anda-nahtī* «сумерки» образовано от *nahts* «ночь», которое имеет родственные имена в других древнегерманских языках: др.-исл. *nātt-*, *nōtt*, др.-англ. *neaht*, *niht*, др.-фриз. *nacht*, др.-сакс. и двн. *naht* «ночь», лат. *nox* [Feist 1920: 34, 278].

Гот. *fairguni* «гора», др.-англ. *firȝin*, *fyrȝen* «гора»; лат., двн. *Fergunna*, *Firgunnea* «рудноносные горы»; *Virgunnia*, *Virgundia waldus* «цепь гор»; свн. *Virgunt*; др.-исл. *Fjǫrgynn* «отец Фригг», *Fjǫrgyn* «мать бога грома Тора»; кельт. *Hercynīa silva*; первоначальное родство с др.-исл. *fura*, др.-англ. *furh* «ель», двн. *foraha* «сосна», лат. *quercus* «дуб», скр. *parkatī* и лит. *Perkūnas* «громовержец» [Feist 1920: 102-103; Uhlenbeck 1896: 37].

Гот. *filigri* «пещера», некоторые лингвисты отмечают, что в большинстве случаев оно образовано от *filhan* «погребать», «зарывать»; другие же считают, что *filigri* образовано от *ligrs* «ночлег», «залежи» при помощи приставки *fi-* [Feist 1920: 112]. Гот. *hauhisti* «холм» образовано,

вероятно, от *hauhs* «высокий», ср. с др.-исл. *hōr*, др.-англ. *heah*, др.-фриз. *hāch*, др.-сакс., двн. *hōh* «высокий»; др.-сакс., двн. *hōhī* «холм» [Feist 1920: 184].

Гот. *hauri* «уголь», др.-исл. *hyrr* «огонь», лит. *kūrti* «топить, отапливать», цслав. *kuriti* «курить», «дымиться», возможно, гот. *hauri* образовано от др.-инд. *kūlayati* «обожженный». Лингвисты рассматривают связь данного готского имени с др.-англ. *heorð*, др.-фриз., др.-сакс. *herth*, двн. *herd* «очаг», др.-англ. *hierstan*, «жарить», «обжигать», лит. *kársztas*, латыш. *karsts* «жаркий, горячий», лат. *carbo* «уголь», греч. *χαίω* «протрава» [Feist 1920: 185-186; Uhlenbeck 1896: 71].

Гот. *fani* «грязь», «тина», является родственным др.-исл. *fen*, др.-англ. *fen(n)* «болото», «топь», др.-фриз. *fenne* «выгон», «пастбище», двн. *fenna*, *fennī* «болото»; возможно, гот. *fani* родственно др.-герм. *funhtja*, др.-англ. *fūht*, двн. *fūht*, *fūhti* «сырой», «влажный» [Feist 1920: 105].

Гот. *snaiws* «снег» имеет параллели в других и.-е. языках: др.-исл. *snæ̃r*, др.-англ. *snāw*, др.-сакс., двн. *snēo* «снег», греч. *σίφα* (Akk.) «снег»; лат. *nix* «снег», *niv-is* (Gen.); др.-болг. *sněgъ*; лит. *snėgas*; латыш. *snēgs*; др.-прус. *snaygis* «снег» [Uhlenbeck 1896: 132; Feist 1920: 332]. Как видно из приведенных параллелей, существительное *snaiws* сохраняет значение «снег» в других древних и.-е. языках.

В эту группу входят существительные женского рода с *jō*-основой: гот. *hulundi* «пещера» первоначально образовано от корня *kel-* «скрывать, утаивать», сравним с именами в других древнегерманских языках: др.-англ., двн. *hol*, др.-исл. *hola*, др.-англ. *hylu*, двн. *holī* «пещера», «дыра, отверстие»; др.-исл. *holr*, др.-фриз., двн. *hol* «углубленный», «пустой» [Feist 1920: 205]; гот. *haiþi* «невозделанное поле», «поле, пашня», «дикая местность» имеет параллели в других древнегерманских языках: др.-исл. *heidr*, др.-англ. *hæþ*, свн. *hēde* «степь, поле», двн. *heida* «вереск», «невозделанная земля» [Uhlenbeck 1896: 66].

С. Файст предполагает, что родственными словами гот. *haiþi* могут быть лат. *cētum*; гал. *caeto-*, *cēto*; кельт. *coit* «лес» [Feist 1920: 174-175].

Гот. *lauhtuni* (*lauhtmoni*) «молния» ср. с др.-исл. *ljōme*., др.-англ. *lōma* др.-сакс. *liomo* «луч», «блеск»; производное от индогерм. корня *leuk-* «светить», «сверкать» как и лат. *lumen*, др.-инд. *rukmas* «золотое украшение», *rukmat* «золото» [Feist 1920: 244].

Сюда же относятся готские существительные женского рода с основой на *-wō*: *ahwa* «река», «вода», др.-исл. *ǫ*; др.-англ. *ēa*; др.-сакс., дивн. *aha* «река»; кельт. *-apa* ; лат. *aqua* «вода» [Feist 1920: 14]. Проведенный анализ показывает, что родственные слова в других древних и.-е. языках обладают тем же значением, что и гот. *ahwa* «река», «вода», к тому же данное имя имеет общий корень во многих языках мира, что позволяет определить его как древнейшее слово [Ruhlen 1994: 107-114]. Скорее всего, существительное со значением «река», «вода» ассоциировалось с активным денотатом у древних германцев, т. е. для них это имя, с одной стороны, активно действующая сила, с другой стороны, священное понятие.

Итак, существительные данной группы – это остаточные явления, сохранившиеся от более древней стадии готского языка, который не был зафиксирован ранее V века, но который сохранил довольно древний состав имен, что и продемонстрировано в рассматриваемой работе.

Семантика существительных и их параллели в древнегерманских языках позволяют говорить об относительной датировке трех групп: 1) первичные имена, т. е. необразованные от других имен или частей речи, но имеющие параллели во многих германских языках примерно с одним и тем же значением – наиболее древние; 2) имена, образованные от других именных основ или частей речи – менее древние, чем первая группа имен; 3) имена с выраженной реляционной семантикой,

возможно, образованные в большинстве своем от прилагательных (в основном абстрактные имена в современном понимании, но не являющиеся таковыми в понимании древних, т. е. вполне определенные имена, имеющие отношение к кому-то или чему-то) – менее древние, чем первая и вторая группы.

Таким образом, сложные основообразующие форманты, содержащие консонантные элементы, могли приобретать не все субстантивы, а только существительные определенной семантики. Этот круг слов постепенно расширялся и дополнялся такими существительными, которые обозначали какие-либо важные предметы в жизни и деятельности человека. Расширение этого круга субстантивов связано с передачей ими реляционной семантики. Поэтому сложные основообразующие форманты *-ja-*, *-wa-*, *-jō-*, *-wō-* маркируют не только одушевленные имена, но и имена с реляционной семантикой. Значение же сложных основообразующих формантов, ярче всего проявляется в тех случаях, когда консонантные показатели сохраняют свою словообразовательную силу.

ГЛАВА 4

Древнегерманские существительные с основами на

-jōn, *-wōn*, *-jan*, *-wan*

Данная глава посвящена выяснению причин отнесенности древнегерманских существительных к *jan-*, *wan-*, *jōn-*, *wōn*-основам. Наиболее полно все эти основы представлены в готском языке. В др.-исл. *jōn*-основы слились с *ōn*-основами [Стеблин-Каменский 1955: 61]. В др.-англ. *jōn*-основы слились с *īn*-основами, которые также не отличались продолжительным существованием [Задорожный 1960: 174]; впоследствии они перешли в *ō*-основы [Бруннер 1956: 54]. Таким образом, в др.-англ. было представлено только два типа консонантных основ: *ōn*- и *īn*-основы

[Задорожный 1960: 174; Бруннер 1956: 45]. В двн. *jōn*-основы слились или с *ōn*-основами или с *īn*-основами, а в большинстве случаев – с *i*-основами [Braune 1955: 227-230].

Отличительной чертой существительных женского рода, объединенных консонантными формантами, является большое количество абстрактных имен (в готском они в основном относятся к *ein*-основам), которые главным образом представляют собой вторичные образования [СГГЯ 1963: 82], т. е. связаны с пополнением словаря и обычно не относятся к общеиндоевропейскому слою германской лексики (см.: Новицкая 2003а, 2003б, 2005).

В древнегерманских языках в парадигме склонения существительных с основами на *-jan*, *-wan*, *-jōn*, *-wōn* можно найти следы проявления и.-е. категории одушевленности (активности), свойственной более раннему и.-е. языковому состоянию. Поскольку лучше всего такие существительные сохранились в готском, то в данном исследовании будем основываться на анализе готских существительных. Для сравнения будем привлекать родственные существительные из других древнегерманских языков.

К основам на *-jan* относятся 45 существительных. Из них 39 существительных обозначают человека, например, гот. *baurgja* «городской житель», *frauja* «господин», *skilja* «мясник», *heiwafrauja* «хозяин (дома), глава семейства». Остальные 6 существительных могут быть отнесены к одушевленным именам в понятии древних: *aiwlaugia* «благословение», *aiwxaristia* «благодарение», *wilja* «воля», *faskja* «повязка», *hlija* «хижина», *unkja* «унция» (мера веса). Эти существительные относятся к именам с реляционной семантикой. Они не могут мыслиться вне связи с человеком, т. е. «благословение» или «благодарение» могло быть только чье-то, определенного лица или лиц, точно так же, как предметы, обозначаемые словами «воля», «повязка», «хижина». Кроме того, реалии, обозначаемые

готскими словами *faskja* «повязка», *hlija* «хижина», *unkja* «унция», имели немаловажное значение в жизни древних германцев.

Как известно, склонение на *-jan* характеризуется большим количеством имен деятеля. Это вполне закономерно, поскольку консонантные основообразующие форманты *-n-*, *-j-* (они же и словообразовательные суффиксы) наделяют данные имена значением активности, одушевленности. Даже если при образовании таких имен использовалась инактивная основа, т. е. глагольная основа претерита или причастия II, например, гот. *baurgja* «городской житель», то от лиц, обозначаемых этими именами, могло исходить действие.

Большое количество существительных со сложным основообразующим формантом *-jan-* является продолжением и.-е. модели действующего лица, широко представленной в готском. Нередко готским именам с суффиксом *-jan-* соответствуют образования с формантом *-an-* в других древнегерманских языках: ср. гот. *arhja* «наследник», дзн. *erbeo*, *erbo*, но др.-исл. *arfi* с тем же значением; гот. *gudja*, но др.-исл. *godi* «священник» [СГГЯ 1963: 81]. Дополним эту группу готскими существительными с суффиксом *-jan-*, который в то же самое время является и основообразующим формантом: *aurtja* «деревенский житель, виноградарь», *baurgja* «городской житель», *bandja* «пленник», *afdrunkja* «пьяница», *af-etja* «обжора», *arbi-numja* «наследник», *bihaitja* «хвостун», *dulgahaitja* «заимодавец, кредитор», *ferja* «надсмотрщик», *frauja* «господин», *gamainja* «участник, соучастник», *ga-sinhja* «спутник», *gauja* «житель (той или иной области)», *gudja* «священник», *haurnja* «горнист», *heiwafrauja* «хозяин (дома), глава семейства», *ingardja* «сожитель по дому», *inkunja* «соплеменник», *kasja* «горшечник», *mana-maurþrja* «убийца», *nehundja* «следующий», *skattja* «меновщик», *skilja* «мясник», *swultawairþja* «умирающий», *undarleija* «наинизший, наименьший»,

waidedja «злодей, преступник», *wardja* «сторож», *waurstwja* и *waurstwa* (последнее с основой на *-wa*) «рабочий».

Готских существительных мужского рода с основами на *-wan* – 7. Все они обозначают одушевленные денотаты в понятии древних: *allawaurstwa* «совершенный», *bidagwa* «нищий», *gawaurstwa* «сотрудник», *skuggwa* «зеркало», *sparwa* «воробей», *waurstwa* «рабочий», *wilwa* «разбойник».

Существительных с основами на *-jōn* – 18. К этой же группе, видимо, можно присоединить два существительных, склонение которых в словаре В. Штрайтберга не обозначено: *kawtsjō* от лат. *cautio* «осторожность, осмотрительность» и *ufjō* «излишняя вещь». Существительное *kawtsjō* употреблено в заимствованной форме, которая как раз и будет соответствовать им. п. ед. ч. основ на *-jōn*.

В тексте существительное *ufjō* также стоит в им. п. ед. ч. и потому может быть соотнесено с основами на *-jōn*: ***ufjō*** *mis ist du meljan izwis* (К. IX, 1). «Для меня, впрочем, излишне писать вам о вспоможении святом». Следовательно, всего в этой группе будет 20 существительных. К существительным, обозначающим активные, одушевленные денотаты в понятии древних, из этой группы относятся 8, например, *arbjō* «наследница», *garunjō* «поток, наводнение», *imjō* «куча, толпа, масса» и др. Отнесение еще 10 неодушевленных существительных к данной группе можно объяснить их реляционной семантикой. Они подразумевают соотнесение, связь с определенным лицом или предметом, чаще всего обозначающим одушевленные денотаты, например: гот. *waihjō* «борьба, битва», во времена древних германцев борьба, битва не могла быть между предметами, во всяком случае, она подразумевала людей или другие живые существа; гот. *sakjō* «схватка, сражение»; гот. *kawtsjō* «осторожность, осмотрительность», качество, обозначаемое этим словом, должно было относиться к живым лицам или существам, т. е. должно быть чье-то; гот. *mitadjō* «мера», подразумевалась мера чего-то: зерна, гороха и

т. д. Таким образом, такие реалии в понятии древних могли мыслиться неотделимыми от одушевленных существ или других предметов.

Принадлежность двух неодушевленных существительных – *waggeljō* «евангелие», которое также представлено и в форме **aiwag-geli* [Lehmann 1986: 21], и *aikklesjō* «церковь» – к основам на *-jōn* можно объяснить чисто внешним фактором. Гот. *aiwaggeljō* заимствовано из греч. *εὐαγγέλιον* [Uhlenbeck 1896: 7], т. е. оно оформляется показателем *-n-*, как и в греческом. Гот. *aikklesjō* заимствовано из греч. *ἐκκλησία* [Uhlenbeck 1896: 5]. Появление у гот. *aikklesjō* в им. п. ед. ч. окончания *-o* объясняется аналогией с **kyrikō* (от греч. *κυρικός*) и *awaggeljō* (от греч. *εὐαγγέλιον*) [Feist 1920: 16]. Кроме того, отнесение готского существительного *aiwaggeljō* к основам на *-jōn* может быть объяснено тем обстоятельством, что при помощи употребления этого слова в склонении существительных с основами на *-jōn* достигалось выражение большей определенности. К такому выводу мы пришли на основании сравнения употребления данного существительного в одних случаях с основой на *-jōn*, в других – с основой на *-ja*. Исследование употребления этого слова в тексте показывает, что выбор той или иной основы не был случайным.

Слова ср. р. с основой на *-ja* могут быть характеризованы как недостаточно определенные с более общим значением, например: *sildaleikja ei swa [swe] sprauto afwandjanda af þamma laþondin izwis in anstai Xristaus du anþamma aiwaggelja* (G. I, 6). «Удивляюсь, что вы от призвавшего вас благодатию Христову так скоро переходите к иному благовествованию (вере, евангелию)». В словах с *jōn*-основами во всех примерах выражена гораздо большая определенность, ср.: *amen, qīþa izwis: þis hwaruh þei merjada so aiwaggeljō and alla manaseþ, jah þatei gatawida so rodjada du gamundai izos* (Mc. XIV, 9). «Истинно говорю вам: где ни будет проповедано евангелие сие в целом мире, сказано будет, в память ея, и о том, что она сделала». Во втором предложении речь идет об определенном,

всем известном евангелии, а его определенность поддерживается указательным местоимением *so*. В первом же предложении под словом «благовествование (евангелие)» подразумевается любое благовествование, в данном случае «иное благовествование (вера, евангелие)».

В следующем примерах гот. *aiwaggeljō* также передает определенность: *apþan jabai ist gahulida aiwaggeljō unsara, in þaint fralusnandam ist gahulida* (K. IV, 3). «Если же закрыто благовествование наше, то закрыто для погибающих». И в другом примере слово *aiwaggeljō* выражает определенность, что вытекает из контекста: *ak þata wiþrawairþo, gasaihwandas þatei gatrauida was mis aiwaggeljō fauraþfilljis, swaswe Þaitrau bimaitis* (G. II, 7) «Напротив того, увидевши, что мне вверено благовестие для необрезанных, как Петру для обрезанных...». Из этих примеров видно, что отнесение гот. *aiwaggeljō* к основам на *-jōn* связано с выражением им определенности, т. е. такое значение *aiwaggeljō* приобретает благодаря соответствующему контексту.

В связи с ранним возникновением основообразующих формантов изменения, протекавшие в течение веков, затрудняют оценку семантического значения этих элементов [Шилдз 1990: 15]. На протяжении развития индоевропейского языка длительная и функциональная независимость дейктических частиц позволяла служить источником самых разнообразных морфосинтаксических функций. Подобную многофункциональную роль общих дейктических частиц в развитии финно-угорских языков отмечает Л.Т. Хейзелькорн: «...дейктические частицы, первоначально обозначавшие участников коммуникации и их местонахождение, впоследствии превратились в маркеры определенности (т.е. в демонстративы и местоимения третьего лица) и стали использоваться для того, чтобы выделять фокус высказывания. В дальнейшем эти же элементы были переосмыслены как показатели лица, с одной стороны, и маркеры падежа, числа и т. д.,

с другой. Однако основной характеристикой всего набора рефлексов указанных элементов ... является определенность» [Hazelkorn 1983: 110].

Готских существительных с основами на *-wōn* – 7. Большинство из них обозначало денотаты, одушевленные (активные) в понятии древних, например: *widuwō* «вдова», *beihwō* «гром», *uhtwō* «рассвет». Часть из них обладали реляционной семантикой: *wahtwō* «бдение, караул», *bandwō* «знак».

Итак, при рассмотрении древнегерманских существительных *jan-*, *wan-*, *jōn-*, *wōn-*основ были обнаружены, во-первых, следы проявления и.-е. категории одушевленности (активности), т. е. существование в данных типах основ более древних формантов *-j-*, *-w-*, *-n-*, которые являются маркерами одушевленности. Во-вторых, осуществлялся переход слов из одних типов основ в другие, и, в-третьих, было определено значение определенности данных формантов, основанное на их дейктической природе.

ГЛАВА 5

Отражение древнего окружающего мира в языке и роль консонантных формантов *-j-*, *-w-*, *-n-* в формировании существительных активного класса

В данной главе постараемся доказать в силу каких обстоятельств можно отнести группы существительных с консонантными формантами *-j-*, *-w-*, *-n-* к классу активных, одушевленных имен.

Рассмотрение лексического материала в древнегерманских языках, в частности готском, позволяет сделать вывод, что слова могли иметь совершенно иные характеристики, будучи засвидетельствованные в древнейших памятниках.

Многие исследователи рассматривали проблему следов язычества в готской лексике [Буслаев 1848; Grimm 1854; Weinhold 1870]. Готские лексемы привлекаются в работах, посвященных лингвистическим основам мировоззрения древних германцев, их языческим верованиям [Helm 1937, 1953; Vries 1956; Топорова 1994]. Труды Н.А. Ганиной и О.А. Осиповой имеют особое значение с точки зрения целостного семасиологического и историко-культурного осмысления готской языческой лексики [Ганина 2001; Осипова 2007].

Материал данного исследования показывает, что большинство из имен со сложными основообразующими формантами групп существительных, обозначающих людей, их род занятия и отношения родства, обозначают имя действующего лица и относятся к одушевленным (активным) именам. Более подробно остановимся на лексических данных последующих групп, соотнесенных с предметной сферой древнегерманского язычества.

Наблюдая смену дня и ночи, времен года, жизнь растений и животных и многое другое, первобытный человек не мог понять эти явления. Ранний этап развития человеческой личности характеризовался «тождеством природы и человека», когда природа и человек еще не воспринимались расчлененно [Десницкая 1984б: 68]. Дальнейшее же развитие человечества связано с выделением человеческой личности, с развитием его сознания, что непосредственно отразилось в языке. Зачастую этапы человеческого прогресса сохраняются дольше в языке из-за консервативности последнего. На языковом материале можно проследить в силу этих причин, каким образом человек воспринимал окружающую среду, что им одушевлялось, и каким образом маркировалась одушевленность.

В быту и культуре любого народа есть много явлений, сложных по своему историческому происхождению, составу входящих в них

элементов и разнообразию выполняемых функций. У разных по происхождению народов, принадлежащих к различным историко-культурным общностям, возникли и закрепились в традициях одинаковые обычаи и обряды. Так, домашние животные занимают видное место в традициях, обычаях и обрядах европейских народов. У словенцев существовала идея принадлежности скота к семье, где ясно проявляется чувство органической семейной связи. «Корова, лошадь, овца – как бы члены семьи, о них надо заботиться также как и о прочих домочадцах» [Токарев 1983: 91, 92]. Ритуальная роль овцы, барана в индоевропейской традиции подробно раскрыта исследователями [Гамкрелидзе, Иванов 1984].

Что же касается третьей группы существительных, обозначающих животных, следует сделать некоторые добавления. Помимо того, что животные относятся к живым существам, немаловажную роль у древних германцев играл факт отождествления некоторых животных с человеком [Diesner 1978: 89] и верой, видимо, в то, что в животных могли воплощаться души различных людей. Интересно, что у таких народностей, как нанайцы, нередко духи «обозначаются названиями животных, в которых они воплощаются или в виде которых изображаются» [Киле 1976: 196].

В истории религий многих древних народов важную роль играло поклонение животным и деревьям. Мир в целом представлялся одушевленным, деревья и животные не составляли исключения из правила. Когда первобытный человек называл себя именем животного, именовал его своим «братом» и воздерживался от его умерщвления, такое животное называлось тотемным.

Слово «тотем» на языке североамериканских индейцев означает «его род». Люди верили, что они неразрывно связаны со своим тотемом. Род людей и виды животных, растений объединяются в единый организм и ведут как бы общую жизнь. По их представлению, тотемное животное,

если оно того захочет, может превратиться в человека. Причину смерти видели в перевоплощении человека в тотем. Известно, что взаимоотношения человека с тотемом обладают некой сложностью. Тотем не может стать предметом охоты, его никогда не употребляют в пищу, ему поклоняются, его побаиваются [Большаков, Новицкая 2000].

Л. Леви-Брюль приводит примеры того, как целый ряд народностей Азии, Африки, Америки, Австралии приписывают себе происхождение от священных животных [Леви-Брюль 1930: 60-65]. Например, у австралийского племени арунта священные предметы называются чурунгами. Арунта считали, что после смерти человека душа его переселяется чурунгу. Каждый арунта имел свою чурунгу,местилище души его предка, свойства которого он унаследовал. К ним они относят тотемы бобра, крокодила, крысы, воды и т. д., с которыми арунта себя отождествляют. Коренные жители Австралии также верили в родство с каким-либо животным, которое считалось тотемом. Если австралиец принадлежал к тотему кенгуру, то он говорил об этом животном: «Это мой брат». Род, принадлежавший к тотему летучей мыши или лягушки, назывался родом Летучей мыши, родом Лягушки. В древнем Египте, например, поклонялись быку, шакалу, козлу, крокодилу и другим животным. С глубокой древности и по сей день в Индии священными животными считают тигров, обезьян, коров.

Происхождение семей и целых групп людей от священных животных, деревьев и сил природы, которых они почитали и считали своими тотемами, отмечалось до недавнего времени у многих наших северных и сибирских народов, например у селькупов. Так, тымские селькупы делились на различные роды: глухаря, ястреба, медведя, глухариного клюва, журавлиного клюва. У тазовских селькупов были роды кедровки, орла, глухаря, журавля [Прокофьева 1952: 90]. К этим животным и птицам у селькупов было особо почтительное отношение, потому что они считали

их своими предками [Прокофьева 1952: 96-97]. У Г.Н. Прокофьева есть свидетельства, относящиеся к 1928 г., о том, что хозяйка одного чума на р. Тyme считала себя происходящей от медвежьего рода, а мужа своего – тазовского селькупа – из рода орла [Прокофьев 1935: 8]. В недалеком прошлом свое происхождение ханты отождествляли с некоторыми животными, такими как медведь, лось, бобр. А чайку и лебедя они называли «... родня остякам, у них человеческая душа». На Вахе и Васюгане к числу животных, понимающих человека, относили птицу скопу, которая по преданию когда-то была сыном Торума, превращенным заслушание в птицу» [Кулемзин 1984: 159].

Кроме того, отнесение многих названий животных и растений к склонению существительных со сложными консонантными основообразующими формантами подтверждается верованиями древних германцев, а также народов, которые в прошлом находились на довольно низком культурном уровне. По мнению Е.А. Томсона, древние германцы во времена Цезаря были гораздо примитивнее [Thompson 1970: 73; 1965: 7]. Они почитали и обожествляли многих животных, растения, силы природы. Они верили, что различные семьи и племена происходят от священных животных, например оленя, кабана, волка или от деревьев и водяных духов [Diesner 1978: 89]. Таким образом, животные, деревья и многие силы природы отождествлялись древними германцами с человеком.

Один из почти обязательных элементов, входящих в состав народных обычаев, – это живая растительность: деревья, ветки, зелень, цветы и т. д. Как солнце, вода, огонь, пища необходимы для человека, так и без зелени человек не может обойтись. Ветки зелени, травы, цветы играли существенную роль во многих обрядах. «Дерево – живое существо, двойник человека», «зелень может заменять цветущее дерево» [Токарев, Филимонова 1983: 157]. До наших дней

растения сохранили значение символа жизни, плодородия [Покровская 1983: 69].

Необходимым средством существования человека являлась пища, которая не отличалась особым разнообразием и изысканностью у древних германцев: «Пища у них простая: дикорастущие плоды, свежая дичина, свернувшееся молоко, и насыщаются они ею безо всяких затей и приправ» [Тацит 1970: 363]. Главную роль в питании германцев играло зерно, а также разные другие злаки. Основными злаками были овес, ячмень, рожь, пшеница, помимо культурных зерновых собирали и ели дикорастущие злаки.

Плодоносящая сила зерна таила в себе секрет произрастания и соответственно тайну круговорота жизни [Покровская 1983: 69]. Магическое значение имели те виды пищи, которые содержат в себе зародыши будущей жизни, что способствовало ее постоянному возрождению. В их число входили бобовые, зерна злаков, плоды и ягоды, рыба, яйца и т. д. «Блюдо из вареных бобовых и зерен всех злаков – главная жертвенная еда, приносимая в древности Аполлону и Деметре» [Богаевский 1916: 194-196; Листова 1983: 163-164]. Среди диких плодов отмечаются яблоки, сливы, груши и, возможно, вишня. Ягоды и орехи встречались в изобилии. Однако овощей германцам явно не хватало, они выращивали горох и бобы. Древние германцы ценили различные травы. Из льна и рыжика получали растительное масло, из льна и конопли выделяли ткани. Как и другие народы древней Европы, германцы высоко ценили соль, особенно за то, что она помогала сохранять мясо [Тодд 2005: 101-102].

Рассказывая о питье германцев, Тацит отмечает необычный для римлян напиток: «Их напиток – ячменный или пшеничный отвар, превращенный посредством брожения в некое подобие вина» [Тацит 1970: 363]. Также есть данные о том, что популярно в германской среде было

употребление напитков, сброженных на диких ягодах нескольких видов [Тодд 2005: 103]. Значительна магическая семантика виноградного сока, вина – символа «крови божества», плодovitости женщины [Фрейденберг 1936: 56, 101; Фрэзер 1980: 429, 553]. У разных народов в соответствии с их хозяйственными занятиями большой интерес представляли такие виды пищи как пшено, апельсины и виноград, которые считались символами богатства.

Все рассмотренные выше данные позволяют сделать вывод о том, что готские слова сложных основ типа *triu* «дерево», *fraiw* «семья», *hwaiteis* «пшеница», *weinabasi* «виноград, виноградная лоза» и другие обозначают живое, растущее, активное, что характерно для активных, одушевленных имен. Кроме того, все эти имена оформлены консонантными формантами *-j-*, *-w-*, которые являются маркерами одушевленности.

Необходимо отметить, что ряд слов, которые в древнегерманских языках не обозначают объекты животного или растительного мира, но относятся к основам со сложными консонантными формантами, на более раннем этапе развития германских языков (возможно, при отделении германской группы языков от индоевропейской общности) обладали одним из значений, характерных для активных имен. Иначе говоря, принадлежность существительных к таким основам была обусловлена существованием родственных слов в других индоевропейских языках, обозначающих что-либо растущее, активное.

Перенос обозначения животного организма на предмет неживого окружения был основан, вероятно, на той же аналогии, о которой Г.А.Климов пишет в отношении отождествления животного и растительного организмов, типичной для языков активного строя: «В качестве структурной фреквенталии активного строя следует назвать широко распространенные в его представителях факты этимологического

тождества целой серии именных и отчасти глагольных лексем, основанного в конечном счете на тех или иных аналогиях, существующих между животным и растительным организмом и их функциями. При этом имеется в виду материальное тождество обозначений таких семантем, как: 'кровь' ~ 'сок', 'рог' ~ 'ветвь, сук', 'ухо' ~ 'лист', 'шкура' ~ 'кора', 'тело' ~ 'ствол', 'мясо' ~ 'мякоть', 'голова' ~ 'крона, вершина', 'убивать' ~ 'срубить'» [Климов 1977: 112, 113]. Подобные же аналогии обнаруживаются в некоторых случаях и в индоевропейских языках, что свидетельствует, по мнению Г.А. Климova, о точках соприкосновения структуры этих языков с активным строем [Климов 1977: 184].

Отдельные готские слова, не обозначающие активные денотаты и относящиеся к сложным основам с консонантными элементами, интересны в том плане, что, устанавливая их этимологию, тем самым «как бы спускаешься к истокам подобного тождества» [Осипова 2007: 56]. В то же время выяснение происхождения кажущихся исключений в склонении существительных с консонантными показателями *-j-*, *-w-*, *-n-* позволяет говорить о первоначальном обозначении такими словами одушевленных денотатов.

Четвертая группа существительных, обозначающих части тела человека или животных, как можно полагать на основании сравнения с жизнью первобытного человека, по всей вероятности, играла значительную роль не только в повседневной жизни древних германцев, но и в культовых обрядах. Плиний Старший, описывая жизнь и обычаи древних германцев, отмечает, что особое значение они придают толкованию прорицателей по внутренностям жертвенных животных [Плиний 1937: 49].

Названия частей тела, а также внутренностей человека и животных в древнегерманских языках относятся к склонению имен с основами на консонанты. Этот факт говорит о том, что древние германцы выделяли их определенными лингвистическими средствами, относя к активному,

одушевленному классу в силу культовых и еще каких-то причин. К одушевленному классу относились не только германские имена с основой на *-n*. Так, А.В. Десницкая обращает внимание на факт отнесения многих слов культовой лексики в древних и.-е. языках к основам на *-r* [Десницкая 1941: 51-52; 1984б: 61-63].

В жизни первобытных людей, действительно, органы человеческого тела играли важную роль, особенно в культовых обрядах. Л. Леви-Брюль пишет следующее: «Каждый орган его [человеческого тела], как об этом свидетельствуют столь распространенные каннибальские обряды, а также церемонии человеческих жертвоприношений (например, в Мексике), имеет свое мистическое значение. Сердцу, печени, почке, глазам, жиру, костному мозгу и т. д. приписывается способность оказывать то или иное действие на тех, которые их едят. Отверстия тела, экскременты всякого рода, волосы, обрезки ногтей, детское место, пуповина, кровь и др. жидкие составные части тела – всему этому приписывается определенное магическое влияние» [Леви-Брюль 1930: 22]. Л. Леви-Брюль отмечает очень важную лингвистическую особенность, которая не является универсальной, но весьма распространенной в языках северо-американских индейцев. Эта особенность заключается в том, что у таких народностей «нет отдельного слова для глаза, руки или для других частей и органов тела: слова, обозначающие эти предметы, встречаются всегда с инкорпорированным (вставленным) или приставленным местоимением, обозначая 'мою руку, твой глаз, его ногу' и т. д.» [Леви-Брюль 1930: 111]. Известно, что колено – одно из древнейших слов более глобального характера. М. Рулен приводит данное имя в своей работе, считая, что оно имеет общий корень во многих языках мира [Ruhlen 1994: 104-105].

Считая слова, обозначающие части тела, активными именами, можно обнаружить несоответствие между назначением среднего рода, к которому относятся готские существительные со сложными

основообразующими формантами типа *faurafilli* «крайняя плоть», *kniu* «колено», другие, и его действительным выражением. Чрезвычайно трудно, да и нет необходимости, проводить грань между активными органами и внутренними органами, которые относились к среднему роду, как это пытался сделать А. Мейе [1938: 345-346]. Во-первых, представление об активности у человека постепенно менялось с расширением его познаний о себе и животном мире, во-вторых, любые части тела (активные и инактивные) чаще всего воспринимались человеком как нечто присущее ему или животному, т. е. когда эти части принадлежали человеку или животному, они были вполне определенными. В этом отношении древнегерманские языки несколько проясняют картину. Употребление существительных ср. р. в склонении существительных со сложными основами свидетельствует о том, что эти слова относились к активным именам, которые характеризовались показателями одушевленности/активности *-n-*, *-j-*, *-w-*. (ср. с языками активного строя, где слова, обозначающие части тела, получают суффиксы органической принадлежности).

Это одно из доказательств того, что существительные среднего рода стали таковыми позже. Готские слова типа *faurafilli* «крайняя плоть», *kniu* «колено» маркировались показателями одушевленности/активности *-j-*, *-w-*, которые сохранились в готском как пережитки более раннего состояния германских языков, что позволяет отнести их к классу активных, одушевленных имен.

При объяснении многих слов, входящих в склонение существительных со сложными основообразующими формантами, большое значение имеют исторические данные о представлениях окружающего мира, о месте в нем человека, о верованиях и обрядах, как древних германцев, так и первобытных народов вообще, что позволяет понять причины отнесения таких имен к активному,

одушевленному классу. В этой связи особый интерес представляет группа существительных, обозначающих реалии, тесно связанные с человеком или животным.

Следует сказать, что в случаях, когда реконструкция касается реалий предметной сферы, лексические данные могут сравниваться с данными истории, археологии и этнографии. Безусловно, в ряде случаев смена культурных условий влечет за собой существенные семантические сдвиги. Очевидным является проследить историю слова и выяснить его этимологию, раскрыть внутреннюю форму и воссоздать соответствующее понятие. Выяснение «привязки» слова (основы) и понятия к конкретной реалии предполагает переход в область частного. Кроме того, отсутствие наименования не означает отсутствие самой реалии. Таким образом, при реконструкции любой картины по данным лексики неизбежны спорные решения. Для готского материала дело существенно усложняется из-за ограниченности дошедшей до нас готской лексики, скудности сведений о готской религиозно-культурной традиции.

Неудивительно, что у древних германцев слова, обозначающие предметы обихода, очень часто относились к группе одушевленных имен. Видимо, первоначально это были предметы, принадлежащие какому-либо определенному лицу или предмету, изготовленные этим лицом. Поэтому обнаруживается большое количество названий бытовых предметов или украшений в склонениях со сложными основообразующими формантами, например, приводимые в данном исследовании готские имена типа *mekeis* «меч», *wipja* «венки», *faskja* «повязка», *hlija* «хижина», *waggari* «подушка», *badi* «кровать», *aqizi* «топор», *nati* «сеть», *salipwa* «обитель», «убежище», *snorjō* «корзина», *tainjō* «корзина» и др.

Погребальные обряды служат доказательством веры в загробную жизнь и культ предков. Вместе с покойником в могилу клали его личные

вещи – украшения, оружие и запасы пищи. По представлению первобытных людей эти вещи должны были служить покойнику в его загробной жизни. Данные археологии свидетельствуют о том, что в захоронениях древних германцев обнаружено мало оружия. Это связано с тем, что древние германцы переняли оружие у тюрков и иранцев, т. е. оно не было исконно германским [Diesner 1978: 93]. Однако в этих захоронениях было найдено много различных брошей, застёжек для пояса, ожерелий, шлемов с орнаментом, выполненных на высоком уровне ювелирного мастерства того времени, а также много различного рода утвари [Diesner 1978: 82, 114].

В склонении готских существительных со сложными основообразующими формантами анализируются слова, обозначающие оружие. Небольшое количество таких имен объясняется тем, что вооружение германцев определялось недостатком у них металла, что можно заключить по характеру их наступательного оружия. Тацит обратил внимание на то, что «... железо, судя по изготовляемому ими оружию, у них не в избытке» [Тацит 1970: 355-356]. Оружие их не отличалось разнообразием: «Редко кто пользуется мечами и пиками большого размера; они имеют при себе копья, или, как сами называют их на своем языке, фрамеи, с узкими и короткими наконечниками... И всадник также довольствуется щитом и фрамеей, тогда как пешие, кроме того, мечут дротики, которых у каждого несколько, и они бросают их поразительно далеко» [Тацит 1970: 355-356]. Кроме того, у пеших воинов на вооружении были ещё и дротики, а в качестве основного оборонительного оружия выступал щит.

Плутарх описывает кимров-воинов следующим образом: «У каждого из них был дротик, с раздвоенным наконечником; в рукопашном бою они пользовались большими и тяжелыми мечами» [Плутарх 1937: 137]. «Можно было видеть и гота, сражающего копьями, и гепида,

безумствующего мечом, и руга, переламавающего дротики в его ране, и свава, отважно действующего дубинкой» [Иордан 1960: 118]. Из данного описания следует, что германские воины обходились незначительным количеством оружия, бывшего у них в большом почете. Германцы, также как и кельты, в могиле рядом с телом покойного погребали его оружие: мечи, охотничьи и остроги, дротики и луки со стрелами [Diesner 1978: 144], и другие вещи, являющиеся личной принадлежностью данного воина [Owen 1966: 178-179].

Интересно отметить, что предметы, которые выполняли активные действия, могли, как и *nomina agentis*, происходить от глагольной основы претерита, хотя в целом относились к активному классу. Например, готское *bandi* (*naudibandi*) «оковы» образовано от глагольной основы претерита **band-* (*bindan* «связывать, привязывать») [Feist 1920: 58; Uhlenbeck 1896: 25]. Первоначальное значение этого слова могло быть «связанный», т. е. в значении данного слова как бы заключен результат действия. Однако функция, выполняемая этим предметом, чаще всего была связана с активным действием: «оковы» – это «тот предмет, который связывает». В результате выполняемой им роли, которую можно сравнить с действиями живых существ, существительное со значением «оковы» попало в это склонение, характеризующееся как склонение активных, одушевленных имен.

Представляется, что анализ контекста будет решающим: *saei bauain habaida in aurahjom: jah ni **naudibandjom** eisarneinaim manna mahta ina gabindan. unte is ufta eisarnam bi fotuns gabuganaim jah **naudibandjom** eisarneinaim gabundans was jah galausida af sis þos **naudibandjos** jah þo ana fotum eisarna gabrak, jah manna ni mahta ina gatamjan* (Mc. V, 3-4). «Он имел жилище в гробах, и никто не мог его связать даже цепями. Потому что многократно был он скован **оковами** и цепями, но разрывал цепи и разбивал **оковы**, и никто не в силах был укротить его». Следует отметить,

что греч. *ἄλυσιζ* «оковы, цепь» передается готским *naudibandi*, ср. др.-фриз. *nēd-bende* «узы», хотя в тексте перевода встречается и слово *bandi*, греч. *δεσμὸς* «оковы».

Таким образом, анализ слов, обозначающих бытовые предметы, названия вещей, хозяйственно важных в жизни древних германцев, убеждает в том, что данные предметы играли большую роль в их жизни. Это явилось главной причиной оформления таких имен сложными основообразующими формантами с консонантными элементами и отнесения их по своей значимости к классу активных, одушевленных имен.

Особого внимания заслуживает реконструкция семантики готских слов *salipwa* «обитель», «убежище», *hlija* «хижина», т. к. убежище для древних германцев имело большое значение. Первоначально приспособляя для жизни пещеры, постепенно человек научился строить жилища (общие дома, вигвамы, чумы и т. д.). [Большаков, Новицкая 2000: 12]. По описанию Тацита, основным материалом для постройки жилых домов служило дерево: «Строят же они, не употребляя ни камня, ни черепицы; всё, что им нужно, они сооружают из дерева, почти не отделявая его и не заботясь о внешнем виде строения и о том, чтобы на него приятно было смотреть»... «Впрочем, кое-какие места на нём [строении] они с большой тщательностью обмазывают землей, такой чистой и блестящей, что создается впечатление, будто оно расписано цветными узорами» [Тацит 1970: 360]. Вероятнее всего, Тацит под чистой и блестящей землёй, которой германцы обмазывали свои дома, подразумевал глину разных оттенков. Германцы выкапывали также помещения в земле и утепляли их сверху. Они несли не только функцию хранения продуктов питания, но и функцию защиты людей от зимних холодов, а также от грабительских набегов неприятелей. О таких «подземных» помещениях и упоминают Плиний и Тацит [Плиний 1937: 49; Тацит 1970: 360].

Г.А. Климов приводит любопытный пример из языка навахо, где именно слово, обозначающее туземную обитель, способно принимать форму органической принадлежности, т. е. относиться к классу активных имен. Для обозначения современного дома имеется другое слово, которое выступает с флексией (посессивной) и без нее [Климов 1977: 150-151]. Можно предположить, что готскими словами *salipwa*, *hlija* обозначался отнюдь не современный дом, а жилье германцев того времени довольно примитивного строения. Готскому *salipwa* «обитель», «убежище» имеются соответствия в др.-болг. *selitva* «жилище», образованное от *selo* «земельный участок», «усадьба» [Feist 1920: 307-308]. Свое происхождение гот. *hlija* ведет от и.-е. корня *klej-* «прислонять к чему-либо, свисать» [Uhlenbeck 1896: 75-76; Feist 1920: 196; Fick 1890: 70], дальнейшее его развитие в древнегерманских языках – др.-сакс. *hleō*, *hleow* «укрытие, убежище» [Skeat 1868: 289].

Таким образом, не только этимология готских слов *salipwa*, *hlija* заставляет нас убедиться в их принадлежности к классу активных, одушевленных субстантивов, но и сопоставление с языками активного строя, где подобные слова принимали форму органической принадлежности, т. е. являлись активными именами.

Об обычаях и нравах древних германцев, об их верованиях сохранились свидетельства античных авторов, многое также нашло отражение в литературных памятниках германских народов, созданных в более поздние эпохи. Тацит пишет о строгости нравов древних германцев, о крепости семейных уз. Германцы гостеприимны, во время пира неумеренны в вине, азартны, вплоть до того, что могут проиграть все, даже свою свободу. Все важнейшие события в жизни – рождение ребенка, посвящение в мужчины, бракосочетание, похороны и другие – сопровождались соответствующими обрядами и пением [Соловьева 1980: 12].

Религия древних германцев уходит своими корнями в общее индоевропейское прошлое, но в ней развиваются и собственно германские черты. Тацит повествует о культе Геркулеса, которого воины прославляли песнями, отправляясь в бой. Этот бог – бог грома и плодородия – назывался у германцев Донар (сканд. Тор); его изображали с мощным молотом, которым он производил гром и сокрушал врагов. Германцы верили, что в сражениях с врагами боги помогают им, и они брали с собой в битвы изображения богов как боевые знамена. Особо почитаемыми божествами были также Водан и Тиу, которых Тацит называет Меркурием и Марсом. Водан (сканд. Один) был верховным божеством, он господствовал как над людьми, так и в Валгалле (сканд. *valhol* от *valr* «трупы убитых в битве» и *hol* «хутор»), где после смерти продолжали жить воины, павшие в бою [Тацит 1937: 71].

Похоронные традиции были одним из священных ритуалов у древних германцев. Поскольку «смерть подразумевает рождение новой жизни» [Серов 1983: 49], то захоронение имеет особое значение. Сон, обморок, смерть первобытные люди объясняли уходом духа (души) из тела. У северных народов тело умершего помещали в лодку или в гроб, напоминавший лодку, и засыпали землей в виде холма [Owen 1966: 178-179]. У германцев в случае погребения воина и вождя могилой служит курган. В Скандинавии захоронения означались песчаной насыпью. П.Глоб в своем исследовании, посвященном археологическим находкам Северной Европы, описывает «гробы... под толщей темно-серого влажного песка» [Glob 1974: 89], а германцы обкладывают могилу дёрном [Тацит 1993: 437].

Для передачи греческих слов *μνημετον* «гробница», *τάφος* «надгробие», обозначающих могилу, гробницу, надгробие, в тексте готской Библии засвидетельствовано исконное слово. Гот. *hlaiw* имеет германские соответствия в виде рун. *hlaiwa*, др.-англ. *hlāw*, *hlǣw*

«могила», «гроб»; др.-сакс. *hlēwe*, днн. *hlêo*; днн. (мн.ч.) *lêwir* «могила, курган», а также рун. *hlaaiwiðo* «я похоронил» и этимологизируется как производное и.-е. **kley-* «наклоняться», «быть искривленным» с формантом -w-, ср. лат. *clīvus* «склон, холм» [Feist 1920: 194]. В.Порциг считает, что сами по себе слова, восходящие к и.-е. **kley-*, не имеют никакого топографического предметного содержания. Глагольные образования, принадлежащие к группе производных этой основы, имеют значение «облокачиваться, прислонять», а субстантивные обозначают сооружения из опирающихся друг на друга шестов. По мнению В. Порцига, только посредством переноса некоторые из этих образований стали выступать как названия «косогора, склона» [Порциг 1964: 163-164]. Данное указание весьма важно при реконструкции семантики гот. *hlaiw*, т. к. дает основание предполагать, что служило обозначением некой деревянной постройки, а не кургана или холма. На основании данных славянских языков У. Леман заключает, что оно обозначает помещение или постройку, частично расположенную под землей и включавшую в себя погребальную камеру [Lehmann 1986: 186].

Таким образом, семантику гот. *hlaiw* можно реконструировать как «подземная срубная гробница». На более раннем этапе развития германских языков готское слово *hlaiw* «могила», «гроб» обладало одним из значений, характерным для активных имен, оформленное консонантным формантом -w-, который первоначально являлся показателем активности, одушевленности.

Удивительно, что Тацит, упоминая о том, что многие германские племена проживают по берегам рек, упускает такой момент их жизни, как рыболовство, хотя в северных областях Германии оно играло ведущую роль [Тацит 1993]. Рассмотрим хозяйственно важную вещь в жизни древних германцев, обозначаемую готским словом *nati* «сеть», которое

является родственным лат. *nassa*, «рыбацкая верша», «вязаная корзина». С. Файст сомневается в отношении данного слова к другим, однако указывает возможные родственные слова в других древнегерманских языках: др.-англ. *netele* «крапива»; лит. *ne-ndre* «камыш»; латыш. *natre*, прус. *noatis* «крапива» [Feist 1920: 279]. На основании такого сопоставления можно предположить, что первоначально древние германцы плели сети из камыша или крапивы. Плиний Старший писал о германцах, что «из тростника и болотного камыша плетут они веревки и сети для рыбной ловли» [Плиний 1937: 50]. Таким образом, сеть стала незаменимым орудием труда при добыче пищи и являлась первостепенной, социально значимой вещью, наряду с одеждой и предметами домашнего обихода.

По мнению Л. Леви-Брюля, «даже предметы, изготовленные человеком и служащие ему для повседневного употребления, имеют свои мистические свойства и становятся, смотря по случаю, благотельными или опасными» [Леви-Брюль 1930: 23]. Вероятно, предмет, обозначаемый готским словом *nati* «сеть» обладал определенными «благотельными» качествами для древних германцев, если учесть, что рыболовство, охота и собирательство пищи все еще оставались у них одним из важных занятий даже во времена Цезаря [Thompson 1965: 7]. В данном слове отражается личная принадлежность, поскольку сеть относили к социально значимым вещам и чаще всего связывали с определенным лицом, «сеть была чья-то». Морфологическое же выражение готского *nati* «сеть» связано с консонантным показателем *-j-*, входящим в состав сложного основообразующего форманта.

Таким образом, собранного нами материала вполне хватает для того, чтобы сделать некоторые выводы о том, что существительные, обозначающие реалии, тесно связанные с человеком или животным,

можно отнести к активным именам. Во-первых, они имели большое значение в жизни древних германцев, во-вторых, все эти имена оформлены сложными формантами с консонантными показателями, которые обладали значениями одушевленности/активности и принадлежности.

В группу существительных, так или иначе относящихся к человеку, как уже отмечалось, входят абстрактные имена, которые можно отнести к классу одушевленных имен в силу определенных причин. Во-первых, этимологический анализ позволил показать более конкретное значение, которое передает активное начало, как, например, в случае готского имени *aiws* «время, вечность», где из др.-инд. можно предположить более раннее значение «продолжительность жизни». Во-вторых, в древнегерманских языках большинство имен нельзя назвать абстрактными, поскольку для древних германцев они имели иной смысл и часто соотносились с человеком, т. е. обладали реляционной семантикой. В этой связи интересно привести замечания Г. Велтена и К. Шилдз о том, что такие понятия как «мир», «воля», «мысль» и другие подобные им «нередко считаются активно действующими силами» и указывают на тесную связь между классом одушевленных существительных и классом существительных, называемых «естественными агенсами» [Velten 1932: 258; Шилдз 1988: 229].

Несколько уточнений требует готское слово *kuni* «род», которое соотносится с другими древнегерманскими именами: др.-англ. *synn*, днн. *kunni*, др.-сакс. *kun*, лат. *genus*, греч. *γένος* «род» [Feist 1920: 237]. Описанное Тацитом общественное устройство германцев основывалось на принципах военной демократии. Общественная власть сосредоточивалась в руках военной и родоплеменной знати. На должность главы племени избирали представителя знатного рода [Тацит 1993]. Во главе германских племен стояли старейшины – кунинги (днн. *kuning* букв.

«родоначальник»). Высшая власть принадлежала народному собранию, на которое являлись все мужчины племени в боевом вооружении. Повседневные дела решались советом старейшим. В военное время избирался военачальник (двн. *herizogo*, др.-англ. *heretoga*, др.-исл. *hertogi*; ср. нем. *Herzog* «герцог»). Ф. Энгельс писал, что «это была наиболее развитая организация управления, какая вообще могла развиваться при родовом устройстве» [Энгельс 1961: 448].

Далее рассмотрим готское имя *frijapwa* «любовь». Интерес представляют два готских отрывка. В первом примере слово со значением «любовь», как и другие абстрактные существительные, не передает определенности: *ni manna þeinau jundai frakunni, ak frisahts sijais þaim galaubjandam in waurda, in usmeta, in **frijapwai**, in galaubeinau, in swiknibai* (Tim. I: IV, 12). «Никто (ни один человек) да не пренебрегает юностью твою; но будь образцом для верных в слове, в жизни, в **любви**, в духе, в вере, в чистоте». Однако из более широкого контекста видно, что данное существительное может выражать определенность. Во втором примере значение определенной любви (Христа) можно уловить из нескольких предложений: 18. *ei in **frijapwai** gawaurhtai jah gasulidai mageiþ gafahan miþ allaim þaim weiham þwa sijai braidei jah laggei jah hauhei jah diupei*, 19. *kunnan þo ufarassau mikilon þis kunþjis **frijapwa** Xristaus, ei fulnaiþ in allai fullon gudis* (E. III, 17-19). 18. «Чтобы вы укоренные и утвержденные в **любви**, могли постигнуть со всеми святыми, что (чем являлось) широта и долгота, и глубина и высота, 19. И уразуметь превосходящую разумение **любовь** Христову, дабы вам исполниться всею полнотою Божьей».

Следует предположить, что абстрактные понятия в древнегерманских языках были связаны с кем-либо или чем-либо, т. е. обладали реляционной семантикой и в то же время передавали определенность. Не случайно готское существительное со значением «любовь» не употребляется вне связи со словом, которое могло бы указывать, к кому данное понятие относится:

frijapwa Xristaus «Христова любовь», т. е. в нем как бы заложена сема релятивности.

Известно, что вселенную древние германцы представляли себе как некое исполинское дерево-ясень, на ярусах которого расположены владения богов и людей. В самой середине обитают люди и все, что их непосредственно окружает доступно их восприятию. Это понятие сохранилось в древнегерманских языках в названии земного мира: двн. *mittilgart*, др.-сакс. *middilgard*, др.-англ. *middanjeard*, гот. *midjungards* (букв. «среднее жилище»). Главные боги – асы – обитают на самом верху, в самом же низу помещается мир духов тьмы и зла – ад. Вокруг мира людей были миры разных сил: на юге – мир огня, на севере – мир холода и туманов, на востоке – мир великанов, на западе – мир ванов [Соловьева 1980: 14].

Реконструкция гот. *halja* «ад» показала, что оно является исконным словом, выступающим в качестве регулярного соответствия греч. ᾍδης «ад» (М. XI, 23; Л. X, 15; XVI, 23; К. XV, 55). Согласно данным контекста образ ада представляется как мрачная область смерти, расположенная где-то внизу, в недрах земли. Гот. *halja* имеет параллели в других германских языках: др.-исл. *hel* «Хель», «ад», др.-англ. *hell*, др.-сакс. *hellia*, двн. *hella* «ад», с чем соотносится др.-англ., двн. *helan* «скрывать, прятать», гот. *huljan* «скрывать, прятать». Таким образом, гот. *halja* и др. возводятся к и.-е. **kel-* «скрывать» [Lehmann 1986: 174; Feist 1909: 127; Güntert 1919: 34-35; Pokorny 1959: 553]. В качестве параллелей других языков можно привести др.-инд. *śaraná* «укрытие», «заслон», «хижина», греч. *καλῖα* «хижина», «сарай», «гнездо», лат. *cella* «погреб», «келья», для которых Ю. Покорный реконструирует исходное и.-е. **kolia*, *keliā*, *kēlā*, **kelos* «укрытие, укывище» [Pokorny 1959: 553]. Интересно, что параллелью является греч. *καλύπτω* «скрываю», производным которого считается имя нимфы *Καλύψω* «Калипсо», букв. «та, кто скрывает». Х. Гюнтерт обосновывает связь образа

Калипсо с миром смерти и указывает на возможную германскую параллель – образ владычицы царства мертвых, великанши Хель [Güntert 1919: 35]. Итак, гот. *halja* обозначает сокрытое от мира живых обиталище мертвых и, возможно, имя владычицы мира мертвых. Учитывая этимологию слова *halja* «ад», его морфологическую структуру, т. е. оформление консонантным формантом *-j-*, можно предположить, что данное имя относится к активному, одушевленному классу.

Представляется целесообразным выяснить этимологию готского слова *daimonareis* «бесноватый, одержимый», которое является регулярным соответствием греч. *δαίμονιζόμενος*, *δαίμονισθεῖς* «бесноватый, одержимый злым духом», лат. *daemonarius* встречается только у блаженного Иеронима [Ганина 2001: 49]. Готский текст гласит: *at andanahtja þan waurþanamma, atberun du imma daimonarjans managans, jah uswarp þans ahmans waurda jah allans þans ubil habandans gahailida* (M. VIII, 16). «Когда же настал вечер, к Нему привели многих **бесноватых**, и Он изгнал духов словом и исцелил всех больных». Учитывая эти факты, можно предположить, что гот. *daimonareis* «бесноватый, одержимый» имеет общее значение и, по всей вероятности, входит в класс активных, одушевленных имен.

Особый интерес представляет группа существительных, обозначающих реалии и явления природы. На основе материалов, раскрывающих жизнь древних германцев и их культовые обряды, а также сравнения с жизнью и культурой других народов, у которых многие обычаи и обряды являлись живыми в недалеком прошлом, попытаемся объяснить отнесение древнегерманских лексем данной группы к классу одушевленных имен.

Понимание природы как одушевленной и единосущностной с человеком задает определенные представления о том, что, как и почему в этом мире происходит. В обыденной жизни всегда значимо понимание

того, что выступает причинным основанием происходящих событий. В особенно острой форме вопрос об этом возникает тогда, когда случается смерть, неурожай, болезни и пр. В такой ситуации естественно возникало напряжение и в первобытной общности людей. Поскольку природный мир мыслился как система личностных взаимоотношений, то и причины событий в мире также имели личный характер. Причина бедствия находилась, но она почти всегда бывала не «что», а «кто».

Развитие мировоззрения в первобытном обществе происходило в конкретной образно-символической форме, поскольку мышление человека, почти неотличимое от эмоциональной, аффективной сферы, не было способно к широким обобщениям или выработке абстрактных понятий. Промысловая территория, ее животные, растительные и минеральные богатства, действующие на ней стихийные силы и живущая здесь человеческая группа – все это составляло единое целое, в котором люди были тождественны природе. Человек не выделял себя из природной и социальной среды [Тейлор 2000].

Религиозные верования были порождены бессилием человека перед природой, обусловленным низким уровнем развития общества и его производительных сил. Из-за ограниченности трудового опыта, в силу своей зависимости от грозных сил природы, первобытный человек не мог возвыситься до правильных представлений об окружающем мире и о самом себе. «Уже верное отражение природы – дело трудное, продукт длительной истории опыта. Силы природы представляются первобытному человеку чем-то чуждым, таинственным, подавляющим. На известной ступени, через которую проходят все культурные народы, он осваивается с ними путем олицетворения. Именно это стремление к олицетворению создало повсюду богов...» [Энгельс 1961: 326].

Германцы наделяли богов человеческими качествами и считали, что люди уступают им в силе, мудрости, знаниях, но боги смертны, и, как

всему на земле, им суждено погибнуть в последней мировой катастрофе, в последнем столкновении всех противоборствующих сил природы.

У древних германцев одним из наиболее почитаемых богов был Водан (Wadan) или Один (на севере), для готов культ Водана имеет актуальное значение. Исследователи в деталях изучили образ Водана (Одина) [Vries 1956; Höfler 1934; Дюмезиль 1986]. Направления исследования столь же многочисленны, как имена самого Одина. О. Хёфлер указывает, что общегерманское **wōða-* служило обозначением понятия, связывающего воедино такие проявления одной стихии, как воинский гнев, поэтическое вдохновение и провидчество. Эта стихия может быть обозначена как экстаз – исступление, «выхождение из себя» благодаря «вхождению» в человека силы **wōða* [Höfler 1934: 134]. По мнению исследователя, весьма важной оказывается такая параллель, как др.-инд. *Vāta* «бог ветров и бурь», могущая оказаться не только этимологической. Недаром у Тацита Водан именуется «Меркурием», легким богом воздуха [Höfler 1934: 140]. Х. Дизнер отмечает, что он олицетворял собой не только персонификацию сил природы, в особенности бурь, но выступал в образе душ умерших и выполнял другие функции, например хозяина небес и земли [Diesner 1978: 89-90]. Однако у бедноты Один и другие высшие божества не были слишком популярны. Они предпочитали чтить божества растительности и плодородия, которые населяли дом и двор, поля и леса, источники и горы [Diesner 1978: 90; Токарев, Филимонова 1983: 146-147; Owen 1966: 186].

Весь мир запредельного существования – уходил вверх и вниз. Боги располагались в небесном мире. Само Небо оказывалось божественным, или, что чаще всего, – главное божество отождествлялось с Солнцем, которое давало людям все. От Неба и от Солнца зависели урожаи, солнце давало свет и тепло, но оно же могло и сжечь посевы. Для земледелия чрезвычайно важными являлись небо и солнце, но столь же важна и земля. Зерно сеется в землю и прорастает из земли. Человек после смерти уходит

в землю. И если Боги – наверху, то предки (и некоторые Боги) – существуют в подземном мире, или проходят через него, прежде чем попасть на небо. Земля занимает совершенно особое место в жизни древнего человека. Связь ее с человеком обрабатывающим неразрывна. К земле питают особые чувства, ибо она кормилица. Даже родина во многих языках в дословном переводе звучит, как земля рождения. Кроме того, что земля еще и рождает урожай, она всегда мать, которая терпеливо делает свою тяжкую работу. Потому земля для древнейшего человека – почти интимная ценность. Она настолько близка и понятна, человек настолько чувствует себя единым с нею, что он в ряде довольно живописных обрядов, протекающих по большей части в начале и в конце земледельческих работ, как бы помогает ей совершить те дела, которые она должна сделать. Так, весенние празднества, обычно приуроченные ко времени окончания сева, связаны со стремлением понудить землю принять в себя семя, брошенное в нее человеком [Большаков, Новицкая 2000: 47, 53].

Наблюдения людей над природой значительно расширились с началом земледелия. Развитие земледелия вызвало потребность в более глубоком осознании сезонных изменений в природе. Урожай оказался в прямой зависимости от капризов природы, от воздействия природных стихий. Представления о возможности земли плодоносить, о силах, вызывающих регулярное появление злаков и плодов, сочетались с целой системой магических действий [Путилов 1980: 303-308; Покровская 1983: 68]. Поскольку все живое заимствует свою силу из почвы, то превыше всего готы и другие германские племена почитали землю, Нерте (Nerthus – богиня-Мать, Мать-Земля, одним из проявлений которой считалось миролюбие) [Diesner 1978: 92; Owen 1966: 185-186], поэтому для древних германцев земля была священной. Тацит подробно описал культ богини плодородия Нертус [Тацит 1937: 78].

Одной из важных древнегерманских «мифологем» является поле, луг. Существенен тот факт, что святилище богов зовется *Vingolf* «обитель блаженства». Н.А. Ганина замечает, что др.-англ. *wong* «устойчиво аллитерирует с *wynn* ‘радость, блаженство’» [Ганина 2001: 27]. Древнеанглийская поэма «Феникс» представляет собой оригинальное произведение при описании блаженной земли: *wl̥tig is se wong eall, wynnūm geblissad* (Phoenix: 7) «прекрасен тот луг весь, блаженствами увеселен»; *þæt is wynsum wong* (Phoenix: 13) «то луг блаженный».

Гот. *winja* «луг» соответствует др.-исл. *vin*, двн., свн. *winne* «луг», греч. *νομή* «луг, пажить». В готском контексте *winja* передает значение греческого слова: *ik im þata daur. þairh mik jabai huas inngaggip, ganisip, jah inngaggip jah utgaggip jah winja bigitip* (J. X, 9). «Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется, и войдет и выйдет, и пажить найдет». У. Леман считает, что гот. *winja* «луг, пажить» как обозначение приятного, удобного места, ср. рус. *пажить* < *жить*, восходит к и.-е. корню **ǵen-* «любить, желать» и полагает, что возможными параллелями являются гот. *wens* «надежда», др.-англ. *wynn*, др.-сакс. *winnia*, двн. *winna*, *winni* «радость», а также д.-исл. *una* «обитать, наслаждаться», др.-англ. *wunian* «обитать», что весьма важно при реконструкции семантики гот. *winja*. По мнению У. Лемана, индоевропейскими параллелями гот. *winja* считаются др.-инд. *vānati*, *vanót* «любить, желать», авест. *vanaiti*, *vanaoiti* «завоевывать», лат. *venus* «желание, любовь», *Venus* «Венера, богиня любви» [Lehmann 1986: 404]. Обратимся к др.-исл. *Val(hǫll)* и *(Íða)ǰllr*, которые этимологически родственны друг другу и восходят к и.-е. **ǵel-* первоначально в значении «пастбище», «луг, пажить», а затем «обиталище мертвых», «божество мертвых» и «смерть» – ср. хетт. *ǵellu* «луг», «пастбище мертвых», греч. *Ἠλύσιοζ λειμών*, гомер. *Ἠλύσιον*

πεδίων «Елисейские поля», «поля мертвых». Итак, используя исследования готской лексики, следует отметить, гот. *winja* можно соотнести с комплексом мифологем «загробная обитель – блаженный луг – богиня – повелительница мертвых». Учитывая вышесказанное, можно предположить, что гот. *winja* «луг» относится к активным именам.

Представления первобытных людей о природе очень близки представлениям наших северных народностей, которые приписывают магические свойства многим силам природы. По их мнению, даже «скалы и утесы, положение и форма которых поражает воображение первобытных людей, легко принимают священный характер в силу мистических свойств, которые им приписываются. Такая же мистическая способность признается за реками, облаками, ветрами. Части пространства и страны света также имеют свое мистическое значение» [Леви-Брюль 1930: 22-23].

Поскольку душа есть у человека, то она есть и у природных предметов: деревьев, рек, ручьев, камней, гор, пещер и пр., в силу нашего с ними единства. Представление об одушевленности мира природы создает довольно серьезные трудности в бытии первобытного человека. Кроме действительных практических дел, он должен в своей деятельности постоянно учитывать присутствие некоторых невидимых душ, а посему ему следует совершать некоторые церемонии, направленные на улучшение этих душ. Во всяком случае, действуя, – никак не обижать и не «задевать» эти души. Так, прежде чем срубить дерево, стараются выманить дух этого дерева, для чего наливают недалеко от него на землю пальмовое масло. Дух выскочит полакомиться, и за это время дерево срубят. Если же, по верованиям дикарей, этого не сделать, то дух дерева может разорвать порубщиков на куски. Первобытный человек очень боится воды. И тонущего человека никогда даже и не пытаются спасти, т. к. по их воззрениям человек тонет не потому, что стал тяжелее воды,

нахлебавшись ее, а потому что его утягивает к себе дух данного водоема. Приписав природе душу и постулировав единосущность со зверем, человек говорит: «Мы одно» [Большаков, Новицкая 2000: 22-24].

Непонятные и грозные явления природы вселяли тревогу и ужас в сознание наших далеких предков. Постепенно у людей начали зарождаться представления о сверхъестественных силах, якобы способных вызывать эти явления. Первобытный человек мог объяснить явления природы, их упорядоченность, закономерную последовательность лишь по образцу и подобию собственного сознательного поведения. Суеверный страх человека перед грозной природой вызывали желание как-то умиловить ее. Человек стал поклоняться солнцу, земле, воде, огню. Всю природу человек в своем воображении населил духами. Солнце, звезды, скалы, реки, животные, растения мыслились одухотворенными существами, наделялись сознанием и волей. Так, облака, закрывающие луну, могли восприниматься в виде злых небесных собак, терзающих ее плоть [Тейлор 2000: 43].

Активность природы получала характер преднамеренных действий, которые стали приписываться духам, духовным существам. «Душа» подчиняет себе тело, а «духи», сверхъестественные существа – животные или люди – господствуют в природе. Например, у нганасан многие силы природы (земля, солнце, огонь, вода, дерево) назывались «нго», т. е. считались священными и приближались к русскому «дух», «бог». «У деревьев, у тальников (лянсы), у травы, у воды, у всего, что есть на земле, есть свой нго, которого нельзя сердить» [Грачева 1983: 21-30]. По мнению А.С. Токарева, архаичный облик имела вера в многочисленные духи природы: духи земли эльфы, горные тролли, водяные никсы, подземные гномы и др., нередко любители подшутить и посмеяться над человеком [Токарев 1976: 218].

Э. Бенвенист считает, что «...в культурах, которые мы изучаем, все пронизано религией, все является знаком, или игрой, или отражением божественных сил» [Бенвенист 1995: 396]. Предметом его внимания была индоевропейская языковая и историко-культурная ретроспектива, и потому понятие «религия», спроецированное на древность, обретает иной смысл и иные очертания, определение которых и является задачей исследователей. При этом языковые данные открывают уникальную возможность наиболее достоверной реконструкции существенных черт мировоззрения и менталитета человека ушедших лет.

В лингвистической литературе указывалось на то, что у древних германцев вода играла значительную роль, ибо жизнь без воды просто невозможна [Diesner 1978; Осипова 2007 и др.]. Действительно, «вода – всему господин: воды и огонь боится» [Даль 1955: 218]. Т.Д. Филимонова отмечает, что вода является значительной составной частью живых организмов, растений, животных и самого человека [Филимонова 1983: 130]. Обряды и обычаи, связанные с водой, уходят своими корнями в глубокую древность. У европейских народов, в том числе у древних германцев был распространен культ источников, рек, озер, морей и других водоемов, которым часто приносились в жертву животные и даже люди [Филимонова 1983: 131-134].

Уместно сопоставить верования древних германцев в силы природы с верованиями наших северных и сибирских народов в недалеком прошлом [Diesner 1978: 126]. Так, нганасаны считали Землю-Мать прародительницей всего, что есть на земле. Кроме нее они выделяли еще три важных рождающих начала – Огонь-Мать, Воду-Мать и Дерево, а производными земли нганасаны считали реки (вены Земли), а также камни и железо [Грачева 1983: 21-23].

Учитывая рассмотренные выше данные и реконструированные значения консонантных элементов *-j-*, *-w-*, *-n-*, можно предположить,

что готские имена *ahua* «река», «вода», *haiṛi* «невозделанное поле», *garinjō* «поток, наводнение» и другие, оформленные сложными основообразующими формантами, относятся к одушевленным, активным именам.

Для первобытного сознания нет чисто физического факта в том смысле, какой мы придаем этому слову. Текучая вода, дующий ветер, падающий дождь, любое явление природы, звук, цвет никогда не воспринимаются так, как они воспринимаются нами, т. е. как более или менее сложные движения, находящиеся в определенном отношении с другими системами предшествующих и последующих движений. Перемещение материальных масс улавливается их органами чувств, как и нашими, знакомые предметы распознаются по предшествующему опыту. Первобытные люди смотрят теми же глазами, что и мы, но воспринимают они не тем же сознанием, что и мы.

Обратимся к методу сопоставительного анализа, к которому мы не раз прибегали в данной работе. В представлениях чукчей о природе можно найти общие черты с нганасанами. Так, М.С. Вдовин пишет: «живыми существами, обладающими человеческими (чукотскими) свойствами, были земля (нутэнут), солнце, месяц, вершина неба (зенит), Полярная звезда, рассвет, полдень, тьма (запад), наружное пространство (наргынэн) и вообще все, что способно обнаруживать видимое движение, изменение качественных и количественных состояний. Олицетворение светил и явлений природы носило настолько реалистические черты, что все они представлялись существами, обладающими человеческими потребностями, желаниями» [Вдовин 1976: 233].

В.М. Кулемзин внес существенное уточнение в описании представлений хантов о живых и неживых предметах. Для хантов живыми являются предметы, наделенные совокупностью или одним из следующих признаков: способностью двигаться, дышать, расти, видоизменяться, а

также способностью воздействовать на другие предметы, в частности на человека. В число живых предметов у хантов входит «человек, животное, деревья, вода (в реке), снег (падающий), огонь, ветер, гром. К таковым относятся и сверхъестественные существа, хотя они и невидимы» [Кулемзин 1984: 74]. Простой камень в одних случаях рассматривается неживым, а в других – живым (если скатился с горы, т. е. проявил признак движения). К неживым предметам ханты относят упавший снег, воду в посуде, лежащий камень, сухое дерево, пень, кусок земли и т. д., «но неживые предметы могут рассматриваться как живые и тем самым переходить в разряд живых. Для этого нужно, чтобы данный предмет проявил способность оказать воздействие в каком бы то ни было виде, хотя бы обратить внимание на себя» [Кулемзин 1984: 75].

Итак, отнесение готских лексем *snaiws* «снег», *fairguni* «гора» к классу активных имен выглядит убедительно, учитывая их морфологическую структуру и историко-культурное осмысление.

Большую роль при обработке природных продуктов для употребления их в пищу сыграло добывание и использование огня. У древних германцев культу огня наряду с культом солнца, луны, леса придавалось первостепенное значение [Цезарь 1937: 28; Тацит 1937: 77; Polomé 1982: 166; Vries 1956: 360-361, 462]. Ритуальное употребление огня выводили из древнего культа молнии [Kuhn 1859]. А.Н. Афанасьев писал: «В земном огне древнейшие арийские племена видели стихию, родственную с небесным пламенем грозы; огонь, разведенный на домашнем очаге, точно так же прогоняет нечистую силу тьмы и холода и устанавливает насущную пищу, как и молнии, разбивающие темные тучи, дарующие земле теплые и ясные весенние дни и урожай» [Афанасьев 1868: 1]. Тор (Донар) был одним из самых популярных богов. Его имя значит «гром», его оружие – молот Мьёлльнир («дробящий»), мифический образ молнии, аналог ваджры – оружия Индры. Повелитель

грозы, Тор пользовался популярностью среди крестьян, хотя и не был богом земледелия. Тем не менее, он обеспечивал урожай и защищал деревню от демонов [Элиаде 2002: 80].

Готское слово *lauhtuni* «молния», обозначающее активную силу, можно отнести к активному классу на том основании, что реалия, обозначаемая гот. *lauhtuni* (*lauhtuni*) «молния», имеющая параллели в др.-исл. *ljōte*., др.-англ. *lōta* др.-сакс. *lioto* «луч», «блеск» [Feist 1920: 244], непосредственно связана с культом огня и относится к склонению имен с основой на *-jō*, где консонантный показатель *-j-* является признаком прежней «одушевлённости».

У индоевропейцев обряды, связанные с огнем, сочетались с другими ритуальными символами, среди которых были головни, пепел, угли [Иванова 1983: 116]. Как головни, так и уголь, и пепел «считались чудодейственными предметами, разносили их по пашням, садам и огородам, на золе настаивали воду, которую употребляли в качестве лекарства» [Иванова 1983: 119]. Обряды и верования, связанные с золой и углями ритуальных костров, соблюдаемые по сей день в Западной Европе, являются яркой иллюстрацией этой значимости золы. Готское слово *hauri* «уголь» с основой на *-ja*, др.-исл. *hyrr* «огонь», др.-англ. *heorð*, др.-фриз., др.-сакс. *herth*, двн. *herd* «очаг» [Feist 1920: 185-186; Uhlenbeck 1896: 71] имело отношение к культу огня, которому придавалось первостепенное значение у древних германцев.

Анализ древнегерманских существительных со сложными основообразующими формантами позволяет заключить, что наиболее древние, большинство из которых составляют конкретные имена, могут быть отнесены к классу активных, одушевленных имен. Существительных женского рода гораздо меньше, чем существительных мужского рода, что вполне объяснимо, если принять во внимание их более позднее происхождение, как в древнегерманских, так и вообще в древних

индоевропейских языках. Эти существительные являются отражением такого языкового состояния, когда одушевленные имена стали лингвистически отделяться от неодушевленных при помощи формальных признаков.

Реконструкция имен со сложными основообразующими формантами *-ja-*, *-jō-*, *-wa-*, *-wō-*, *-jan-*, *-jōn-*, *-wan-*, *-wōn-* показывает, что не все субстантивы могли приобретать данные форманты, лишь существительные определенной семантики. Этот круг слов постепенно расширялся и дополнялся такими существительными, которые обозначали какие-либо важные предметы в жизни и деятельности человека. Расширение этого круга субстантивов связано с передачей ими реляционной семантики, а также значения определенности. Последнее качество находится в тесной связи с передачей именами реляционной семантики, т. е. реалии, обозначаемые такими существительными, не мыслились существующими сами по себе, абстрактно; они обычно относились к кому-либо или к чему-либо. Вполне возможно, данные качества имен (способность обозначать одушевленные/активные денотаты, а также выражать принадлежность и определенность) были связаны с происхождением консонантных формантов *-j-*, *-w-*, *-n-*. Далее на конкретном материале постараемся показать их первоначальное значение.

ГЛАВА 6

Функционирование сложных основообразующих формантов в склонении индоевропейских существительных

Исследования древних индоевропейских языков наглядно показали, что основообразующие форманты сохранились во всех ветвях индоевропейского и широко представлены в древнегерманских языках.

Анализ лингвистической литературы, посвященной изучению основообразующих суффиксов, выявил различные мнения о статусе данных морфологических элементов, а также различные подходы к их изучению. С одной стороны, некоторые ученые полагали, что основообразующие суффиксы, способствуя оформлению лексемы, обладали лишь структурной значимостью и собственного значения не имели [Макаев, Кубрякова 1971: 204-210]. С другой стороны, высказывалось мнение, что основообразующие форманты в имени, как и в глаголе, играли классифицирующую роль [Макаев, Кубрякова 1971: 204-210; Fodor 1959: 186-189]. Последнее направление привлекло особенно много сторонников, которые полагали, что и.-е. именные основы представляли собой пережиток древней классификационной системы [Wundt 1900: 16-17], и пытались связать деление существительных по основам с общностью их семантики.

Некоторые лингвисты высказывали предположение о том, что следы былых строений могли сохраниться в виде основообразующих суффиксов, как наиболее древних элементов морфологической структуры, появление которых предшествовало появлению падежных флексий [Шилдз 1990: 12]. Их древность подтверждается тем, что они предшествовали появлению грамматического рода [ИТМГЯ 1977: 146; Hirt 1925: 29-30]. Многообразие основообразующих суффиксов объясняется их происхождением от указательных местоимений различных основ [Specht 1947: 299, 303, 307, 310, 315, 353] и еще глубже – от дейктических частиц [Шилдз 1990: 13], которые были первоначально ориентированы на передачу пространственных отношений, прежде всего, «далеко-близко» [Мейе 1938: 333].

Ученые попытались проследить путь развития основообразующих формантов в ретроспективе, который привел их к полнозначным словам [Майтинская 1969: 50; Андреев 1986: 287]. Такие лексемы первоначально

были безразличны к частям речи, которые могли к тому времени еще и не выделиться [Андреев 1986: 288], и присоединялись к корню, сообщая дополнительное значение о пространственном расположении объекта по отношению к участникам акта общения.

Подобное употребление дейктических частиц в дальнейшем вело к развитию указательных и посессивных отношений, на основе которых в языке сформировались указательные местоимения и притяжательные аффиксы [Серебренников 1971: 279]. Дейктическая природа основообразующих суффиксов могла послужить основой для формирования первичных падежей [Майтинская 1969: 139; Осипова 1981: 67-76; 1984: 37-46], а также категории артикля [Иванов 1979: 53-59; Осипова 1980а: 19].

Вопрос о происхождении консонантных основообразующих формантов в древнегерманских языках представляет собой тему специального большого исследования и его нельзя рассматривать изолированно, вне связи с другими индоевропейскими языками. В своих работах О.А. Осипова считает, что основообразующие форманты являются реликтами очень древнего и.-е. состояния, возможно, именно в них отразились следы классного и активного строения имени [Осипова 1980б, 1984, 2007]. Древность возникновения консонантных основообразующих формантов бесспорна, т.к. они предшествовали появлению грамматического рода [ИТМГЯ 1977: 146; Якубинский 1953: 167-168].

Приведем некоторые данные, раскрывающие возможное происхождение и первоначальную семантику основообразующих формантов. В готском языке консонантный показатель *-n-* содержится в составе сложных основообразующих формантов *-jan-*, *-wan-*, *-jōn-*, *-wōn-*. Наиболее древними из вышеперечисленных основ можно считать *jan-* и *wan-*основы. Существительные ж. р. *jōn-* и *wōn-*основ – более молодого происхождения [СГГЯ 1963: 95]. Подтверждение сложного характера

основообразующих формантов *-ja-*, *-jō-*, *-wa-*, *-wō-* можно найти в более ранних работах [Казанцева 2000, 2000а, 2006]. Исходя из того, что набор и последовательность формантов в суффиксе не являются случайными, а складываются исторически, то можно заметить, что элементы *-j-* и *-w-* располагаются ближе всего к корню, а, следовательно, считаются более древними [Серебренников 1962: 311, 312; Décsy 1990: 70, 77].

Как показали исследования, в общеиндоевропейском существовали местоименные основы **-w-*, **-n-*, **-l-*, указывающие на отдаленный предмет [Мейе 1938: 332-334; Красухин 2004: 156]. Подтверждая тезис о местоименной природе основообразующих суффиксов [Brugmann 1892: 769; Климов 1977: 149-150], считается возможным связать основообразующий формант *-n-* с и.-е. указательным местоимением с основой на **enō-* (*enā-*, *ono-*, *onā-*) [Brugmann 1892: 769; 1922: 401; Иванов 1979: 20]. К.Е. Майтинская отмечает типологически сходное явление в финно-угорских языках, где формант *-n-* в составе личных и вопросительных местоимений происходит от корня указательного местоимения [Майтинская 1962: 70].

Известно, что именная основа в и.-е. языках образуется от корня с помощью присоединения к нему суффикса. Суффиксы эти весьма многочисленны, и в каждом отдельном случае их можно разложить на составные части, т. е. на согласные или полугласные, из которых они состоят. Т. Барроу считает, что первичные составляющие суффиксов могут быть представлены любыми фонемами, но чаще всего используются *r*, *n*, *s*, *t*, *y* / *i*, *v* / *u*, *m*, *h*, *k* [Барроу 1976: 112]. Наличие сравнительно небольшого количества первичных элементов, способных составлять различные комбинации, объясняет появление значительного числа сложных формантов во всех и.-е. языках.

В сложных основообразующих формантах *-ja-*, *-jō-*, *-wa-*, *-wō-*, *-jan-*, *-jōn-*, *-wan-*, *-wōn-* элементы *-j-* и *-w-* выполняют роль первичных

показателей и определяют тип основ в связи с тем, что «означающее и.-е. корня определяется только консонантными элементами» [Одри 1988: 39].

Согласно некоторым исследованиям, возможно связать консонантный элемент сложных основообразующих формантов *-ja-*, *-jō-*, *-jan-*, *-jōn-* с и.-е. местоимением **jo-*, указывающим на близкий предмет и представленном в др.-инд. относительном местоимении *ya-s*, *ya-d*, *yā*; греч. *ος*; гот. *jabai* «когда»; латыш. относительном местоимении *ja*; хет. постпозитивной частице *-ja* «и», восходящей к и.-е. относительному местоимению **jo-* [Brugmann 1922: 402; Мейе 1938: 333; Иванов 1979: 37, 59-60].

Кроме того, А. Мейе выделяет в и.-е. указательное местоимение **w*, указывающее на отдаленный предмет [Мейе 1938: 333], которое представлено в авест. *ava-* «тот», иранской основе *ava-* и соответствует др.-слав. *овъ... овъ* «один...другой», в скр. *asau* «тот» [Brugmann 1922: 401].

Древнегерманские консонантные основообразующие форманты были способны служить не только формативами определенных склонений (склонений на консонантные основы), а также выполнять функции маркеров одушевленности/активности, древнего активного падежа, принадлежности и определенности [Осипова 2007: 200].

На основе семантического анализа древнегерманских существительных со сложными основообразующими формантами было выявлено, что для выражения одушевленности/активности наиболее подходящими оказались консонантные показатели, более устойчивый способ маркировки имен деятеля.

Вполне возможно, что основообразующие показатели группировали имена по какому-либо семантическому признаку. Однако очень трудно установить связь основообразующих показателей с отдельными семантическими группами в древних и.-е. языках из-за смешения классов, перехода имени из одного класса в другой, неравномерного развития

основообразующих показателей в разных языках и языковых группах и в силу других обстоятельств.

В настоящее время почти невозможно восстановить семантические основы деления существительных на мелкие группы, соответствующие количеству основообразующих формантов. Однако можно выявить общую направленность в подразделении существительных на два больших класса – одушевленных (активных) и неодушевленных (инактивных) имен, что показывает в своих работах О.А. Осипова [1980б, 1990, 1999, 2007 и др.]. Класс одушевленных (активных) имен в основном маркирован консонантными показателями, а неодушевленные (инактивные) имена исторически восходят к нулевому показателю. Первоначально инактивные (неодушевленные) существительные, видимо, не имели склонения, а значит, не имели первичного (древнего) падежного показателя, который имели существительные консонантных основ (консонантный основообразующий формант).

Бесполезность поисков и восстановления семантических подгрупп имен, связанных с определенными основообразующими формантами, на данном этапе очевидна. Нетрудно показать, что в одних языках по каким-либо причинам предпочтение отдается одним показателям, в других языках – иным. Наблюдается тенденция к унификации одного форманта и закрепление за ним более обобщенного значения, например, как это происходило в древнегерманских языках, где показатель *-n-* взял на себя функцию выражения одушевленности (активности). Многие родственные существительные, которые принадлежали в различных и.-е. языках к другим консонантным основам, в германских языках переходят в *n*-основы [Осипова 2007: 208]. Следовательно, находя реликты классного типа, нельзя дать им полной расшифровки, даже если обратимся к таким древним языкам, как санскрит, хеттский и греческий.

Былую картину функционирования и.-е. основообразующих показателей помогает восстановить в одних случаях этимологический анализ имен, в других – история и этнография данного народа, а также типологические параллели. Необходимо напомнить мнение Г.А. Климова о том, что в языках активного строя, к каковым, по всей вероятности, ранее принадлежали и и.-е. языки [Климов 1977: 206-209], классы слов, обозначающие одушевленные, активные денотаты, менялись, т. е. пополнялись, обновлялись в зависимости от того, что приобретало у людей социальную значимость [Климов 1977: 211-212]. Типологически идентичное явление можно наблюдать в кетском языке, о чем уже говорилось ранее, где к классу одушевленных имен относятся реалии, тесно связанные с человеком, необходимые ему [Вернер Г.К. 1974: 36; Вернер И.Г. 1969: 178; Крейнович 1961: 114-116; 1968: 185-192].

Подобное же явление отмечается в ряде самодийских языков, например в селькупском [Ким 1981: 74-82], где такие реалии, как бы наделены жизнью, о чем свидетельствует порча этих вещей при захоронении человека, чтобы они не смогли продолжать свое существование [Прокофьева 1967: 125].

В далеком прошлом и.-е. языки могли относиться к языкам активного типа, о чем свидетельствует первоначальная роль основообразующих формантов в склонении, ибо как классифицирующие показатели они в известный нам древний и.-е. период уже перестали выполнять свою семантическую функцию. Однако их «долгожительство» связано с тем, что они взяли на себя новую функцию, маркера одушевленности/активности.

Известно, что полифункциональность древнегерманских консонантных основообразующих формантов связана с их происхождением. Все значения, по мнению О.А. Осиповой, «могли сочетаться в одном и том же форманте в том случае, если этот формант связать с дейктической местоименной основой» [Осипова 2007: 261].

Именно при таком условии можно перекинуть мост от пространственных значений к посессивности, от одушевленности (активности) к обозначению деятеля и далее падежа субъекта и, наконец, к выражению определенности. Если сопоставить и.-е. консонантные основообразующие форманты с указательными местоимениями, то становится очевидным, что многие консонантные показатели употребляются и в качестве основообразующих формантов и входят в состав местоимений.

Употребление же большого количества консонантных формантов свидетельствует о том, что для маркировки классов слов, а затем активного падежа использовались дейктические местоимения нескольких основ, ориентированные, видимо, первоначально на передачу различных пространственных отношений.

Согласно теории, сформулированной Б.А. Серебренниковым, отношения посессивности возникли в результате переосмысления первоначальных пространственных отношений: «...понятие 'мой' развилось из понятия 'ближе всего ко мне лежащий', понятие 'твой' – из понятия 'лежащий немного подальше от меня и понятие 'его' – из понятия 'наиболее от меня удаленный'» [Серебренников 1971: 279]. Это доказывается содержанием одних и тех же элементов в некоторых притяжательных суффиксах и указательных местоимениях. Б.А.Серебренников считает, что для выражения посессивных отношений «к именам существительным присоединялись не личные, а указательные местоимения, способные обозначать различную пространственную градацию, например: 'мясо, лежащее ближе ко мне', позднее 'мое мясо' и т. д.» [Серебренников 1971: 279].

Кроме выражения значений указательности и посессивности О.А. Осипова рассматривает дейктические частицы, которые могли послужить основой для формирования первичных падежных показателей и, таким образом, приобрести разные падежные значения [Осипова 2007:

262]. По мнению К.Е. Майтинской, «обладая способностью выражать пространственные и другие адвербиальные отношения, первичные указательные частицы, подобно наречиям, имели необходимые данные для перехода в падежные форманты и могли положить начало возникновению склонения» [Майтинская 1969: 139].

Примеры индуцирующего влияния одних основообразующих формантов и исчезновение других в истории многих древних и.-е. языков являются свидетельством того, что существовала тенденция к более обобщенному выражению раздробленных понятий в этих языках [Berkum 1996: 19]. Как было убедительно доказано О.А. Осиповой, одним из выражений такой группировки могло быть деление существительных по признаку одушевленности/неодушевленности (активности/инактивности) [Осипова 1980б, 1999]. Однако этот процесс не достиг окончательного развития в и.-е. языках в связи со становлением категории грамматического рода.

О.А. Осипова внесла существенные уточнения в распределение лексического состава древних языков. В делении существительных на одушевленные/активные и неодушевленные/инактивные первоначально участвовали лишь консонантные основообразующие суффиксы, которые маркировали одушевленные/активные имена [Осипова 1980б]. Согласно определению, под активными именами в древних и.-е. языках понимались такие существительные, денотаты которых характеризовались наличием у них жизненной активности [Мейе 1938: 345; Гамкрелидзе, Иванов 1984: 274; Климов 1977: 83]. Гласные основообразующие суффиксы позднее были также вовлечены в оппозицию одушевленность/неодушевленность в функции маркеров имен неодушевленного класса, но их действие практически сразу было переориентировано на выражение родовых отношений [Якубинский 1953: 168; Савченко 1974: 175, 198].

Таким образом, имея более древнее происхождение [Барроу 1976: 227-228; Шантрэн 1953: 22-23 и др.], а, следовательно, и более длительную историю своего развития, консонантные основообразующие форманты могли с течением времени терять одну из своих функций, приобретать новые и в связи с потребностями языка развивать дополнительные значения, вследствие чего «...в системе одного языка, являющейся результатом развития в течение ряда эпох, отлагались явления, относящиеся к разным периодам» [Гухман 1956: 212].

Исследования О.А. Осиповой показывают, что консонантные основообразующие форманты характеризовались полифункциональностью. Они служили не только показателями склонений, но и выполняли функцию маркеров одушевленности/активности, древнего активного падежа, принадлежности и определенности [Осипова 1980б, 1981, 1990, 2007 и др.]. В засвидетельствованных древних германских языках все вышеупомянутые функции проявляются только в остаточном виде, которые обнаруживаются благодаря семантическому анализу лексики, косвенным данным и типологическим параллелям с языками других семей.

Рассмотренный в работе материал дает возможность установить происхождение и первоначальное значение консонантных формантов *-j-*, *-w-*, расположенных ближе к корню, а также их роль в склонении существительных. Сложные основообразующие форманты *-ja-*, *-jō-*, *-wa-*, *-wō-*, по всей вероятности, постепенно теряли первоначальное активное значение и сближались с гласными основами, показывая принадлежность к роду: *-a-* отношение к мужскому и среднему, *-ō-* к женскому роду. Эти родовые отношения появились на более позднем этапе развития именной классификации. В сложных основообразующих формантах *-jan-*, *-jōn-*, *-wan-*, *-wōn-* значение одушевленности/активности переходит на более поздний формант *-n-*, расположенный дальше от корня.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. В склонении древнегерманских существительных с основами на *-ja*, *-jō*, *-wa*, *-wō*, *-jan*, *-jōn*, *-wan*, *-wōn* сохраняются древние показатели в виде консонантных элементов *-j-*, *-w-*, *-n-*. Данные форманты представляют собой реликты индоевропейского состояния, в которых отразились следы классного и активного строения имени.

2. Консонантные показатели *-j-*, *-w-*, *-n-* сложных основообразующих формантов можно отнести к исторически самостоятельным элементам. Их происхождение прослеживается до дейктических частиц, и они сопоставляются с суффиксами органической принадлежности. Известно, что большинство таких суффиксов восходят к указательным местоимениям.

3. С расширением кругозора древних германцев абстрактные существительные стали преобладать в склонениях на гласные основы (в особенности основы со сложными формантами). Поэтому такие основы как *-ja*, *-jō*, *-wa*, *-wō* слились с *a-*, *ō-*основами. Однако морфологическая значимость старых основообразующих формантов тесно связана с их позицией в слове. Поскольку следование формантов (суффиксов) сложилось исторически, а форманты *-j-*, *-w-* ближе расположены к корню (основе), то они более ранние. Гласные элементы *-a-*, *-ō-* сложных основообразующих формантов служат «внутриморфемной» маркировкой более поздних родовых отношений: *-a-* отношение к мужскому и среднему, *-ō-* к женскому роду.

4. В системе склонения древнегерманских существительных с основами на *-ja*, *-jō*, *-wa*, *-wō*, *-jan*, *-jōn*, *-wan*, *-wōn* можно обнаружить следы отражения древней категории одушевленности/неодушевленности. Это проявляется в том, что показатели *-j-*, *-w-*, *-n-* могли приобретать не все субстантивы, а только существительные определенной семантики. Этот круг слов постепенно расширялся и дополнялся такими

существительными, которые обозначали какие-либо важные предметы в жизни и деятельности человека. Расширение этого круга субстантивов связано с передачей ими реляционной семантики. Поэтому данные консонантные элементы представляют собой объемные форманты, включающие и значение одушевленности, и реляционное значение.

5. Основообразующие форманты *-jan-*, *-jōn-*, *-wan-*, *-wōn-*, являясь сложными по своей структуре, несут в себе историческое прошлое. Первые элементы *-j-*, *-w-*, расположенные ближе к корню, реконструируются как более древние, которые первоначально маркировали одушевленные денотаты. С изменением окружающего мира они перестали выражать значение одушевленности/ активности. Однако последний элемент *-n-*, расположенный дальше всего от корня, несет значение одушевленности/ активности, он как бы подтверждает активное прошлое и активное настоящее, т. е. благодаря *-n-* древнегерманские существительные с основами на *-jan*, *-jōn*, *-wan*, *-wōn* относятся к активным денотатам.

6. Учитывая семантику существительных *ja-*, *jō-*, *wa-*, *wō-*основ и их параллели в древнегерманских языках, можно реконструировать три группы имен относительной датировки: 1) наиболее древние – первичные имена, т. е. необразованные от других имен или частей речи, но имеющие параллели во многих германских языках примерно с одним и тем же значением; 2) древние – имена, образованные от других именных основ или частей речи; 3) менее древние – имена с выраженной реляционной семантикой, в большинстве своем образованные от прилагательных.

7. В рамках работы был проведен анализ 236 готских слов. Однако реконструкция семантического объема данных слов показывает, что такое сравнительно малое число обретает совершенно иной вес, если речь идет о передаче основных мировоззренческих понятий. Проведенное исследование выявило качественную весомость количественно

немногочисленных лексем, которые кодируют основные понятия, образы и реалии древнегерманской традиции. На языковом материале удалось проследить каким образом человек воспринимал окружающую среду, что им одушевлялось, и как маркировалась одушевленность.

8. Существительные со сложными консонантными основообразующими формантами в древнегерманских языках характеризуются семантической общностью – в основном они обозначают активные, одушевленные объекты реального мира или предметы, игравшие важную роль в хозяйственной жизни древних германцев, в их культовых обрядах и верованиях. К этой группе принадлежат существительные реляционной семантики, т. е. имена, соотносимые с каким-либо другим именем, зависимые от него, являющиеся как бы его частью. Типологически они соответствуют именам, характеризующимся неотторжимой принадлежностью, которая свойственна именам активного класса. Их особенностью является возможность присоединения посессивного суффикса. В древнегерманских языках эти имена имеют формальный показатель в виде консонантного основообразующего форманта, который в связанном виде обнаруживает принадлежностное значение.

9. Проведенное исследование показывает, что довольно большая группа древнегерманских существительных со сложными основообразующими формантами *-ja-*, *-jō-*, *-wa-*, *-wō-* укладывается в схему, представленную А. Мейе, и позволяет реконструировать 7 групп:

- 1) существительные, обозначающие отношения родства;
- 2) существительные, обозначающие людей, их род занятия;
- 3) существительные, обозначающие животных, растения или их части;
- 4) существительные, обозначающие части тела человека или животных;
- 5) существительные, обозначающие реалии, тесно связанные с человеком или животным;

- 6) существительные, так или иначе относящиеся к человеку;
- 7) существительные, обозначающие реалии и явления природы, которые относились к активным, действующим силам.

10. Абстрактные имена, входящие в группу существительных *ja-*, *jō-*, *wa-*, *wō-*основ, можно отнести к классу активных, одушевленных имен в силу определенных причин. Во-первых, с помощью этимологического анализа возможным является показать более конкретное значение, которое передает активное начало, (например, готское *aiws* «время, вечность», ср. др.-инд. *āyus* «продолжительность жизни»). Во-вторых, в древнегерманских языках большинство имен нельзя назвать абстрактными, поскольку не обладали таким смыслом для древних германцев и часто соотносились с человеком, т. е. обладали реляционной семантикой.

11. Консонантные основообразующие показатели *-j-*, *-w-*, *-n-* отражают очень древнюю структуру индоевропейского имени, свидетельствующую об ином строе индоевропейских языков. На основании лексико-семантического, сравнительно-исторического, культурно-религиозного анализов общеиндоевропейского пласта древнегерманских существительных с основами на *-ja*, *-jō*, *-wa*, *-wō*, *-jan*, *-jōn*, *-wan*, *-wōn* реконструируется значение одушевленности/активности консонантных элементов.

12. Этимологический анализ древнегерманских имен, типологические параллели, а также исторические и этнографические данные позволяют восстановить функционирование сложных основообразующих формантов в склонении индоевропейских языков. Первоначальная роль данных формантов свидетельствует о том, что в далеком прошлом индоевропейские языки могли относиться к языкам активного типа. Это связано с тем, что консонантные показатели, которые входят в состав сложных основообразующих формантов, отличаются более древним

происхождением и длительной историей своего развития. Однако с течением времени они могли терять одну из своих функций, приобретать новые и в связи с потребностями языка развивать дополнительные значения.

ЛИТЕРАТУРА

- Аксенов А.Т.* К проблеме экстралингвистической мотивации грамматической категории рода [Текст] / *А.Т. Аксенов* // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1984. – № 1. – С. 14-25.
- Анацкий И.Н.* Модели имени действующего лица в германских языках [Текст] / *И.Н. Анацкий* // Проблемы морфологического строя германских языков. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 135-145.
- Анацкий И.Н.* Родовая дифференциация и политематизм основ в германском именном склонении [Текст] / *И.Н. Анацкий* // Проблемы сравнительной филологии: Сб. статей к 70-летию члена-корреспондента АН СССР В.М. Жирмунского. – М., 1964. – С. 74-81.
- Андреев Н.Д.* Раннеиндоевропейский праязык [Текст] / *Н.Д. Андреев*. – Л.: Наука, 1986. – 328с.
- Антропова В.В.* Представления коряков о рождении, болезни и смерти [Текст] / *В.В. Антропова* // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (Вторая половина XIX—начало XX в.). / Отв. ред. И.С. Вдовин. – Л.: Наука, 1976. – С. 254-267.
- Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу [Текст] / *А.Н. Афанасьев*. – М., 1868. – Т. 2. – 370 с.
- Ахманова О.С.* Очерки по общей и русской лексикологии [Текст] / *О.С. Ахманова*. – М: Учпедгиз, 1957. – 295 с.
- Барроу Т.* Санскрит [Текст] / *Т. Барроу*. – М.: Прогресс, 1976. – 411 с.
- Бах А.* История немецкого языка [Текст] / *А. Бах*. Пер. с нем. Н.Н. Семенюк. – М.: Изд-во иностр. лит., 1956. – 343 с.
- Бенвенист Э.* Индоевропейское именное словообразование [Текст] / *Э. Бенвенист*. – М., 1955. – 260 с.
- Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. I. Хозяйство, семья, общество. II. Власть, право, религия [Текст] / *Э. Бенвенист*. – М.: Прогресс, 1995. – 453 с.
- Богаевский Б.Л.* Земледельческая религия Афин [Текст] / *Б.Л. Богаевский*. – Пг., 1916. – 413 с.
- Большаков В.П., Новицкая Л.Ф.* Особенности культуры в ее историческом развитии: от зарождения до эпохи Возрождения [Текст] / *В.П. Большаков, Л.Ф. Новицкая* – Великий Новгород: НовГУ, 2000. – 160 с.
- Бруннер К.* История английского языка [Текст] / *К. Бруннер*. Пер. с нем. С. Х. Васильевой. – М.: Изд-во иностр. лит., 1956. – Т. 2. – 391 с.

Буслаев В.И. О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову Евангелию [Текст] / *В.И. Буслаев*: Магистр. дисс. – М.: Унив. тип., 1848. – 211 с.

Вдовин М.С. Природа и человек в религиозных представлениях чукчей [Текст] / *М.С. Вдовин* // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (Вторая половина XIX—начало XX в.). / Отв. ред. И.С. Вдовин. – Л.: Наука, 1976. – С. 217-253.

Вернер Г.К. Реликтовые признаки активного строя в кетском языке. [Текст] / *Г.К. Вернер* // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1974. – № 1. – С. 34-45.

Вернер И.Г. Вопросы именной классификации в енисейских диалектах [Текст] / *И.Г. Вернер* // Вопросы филологии. – Омск, 1969. – С. 170-179.

Вернер И.Г. Категория рода в кетском языке [Текст] / *И.Г. Вернер* // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 1972. – 18 с.

Вернер И.Г., Вернер Г.К. Об одной енисейско-индоевропейской языковой параллели [Текст] / *И.Г. Вернер, Г.К. Вернер* // Труды кафедр гуманитарных наук. – Омск, 1968. – С. 157-163.

Виноградов В.А. Варьирование именных классификаций [Текст] / *В.А. Виноградов* // Языки мира: проблемы языковой вариативности. – М.: Наука, 1990. – С. 171 – 209.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы [Текст] / *Т.В. Гамкрелидзе, Вяч.Вс. Иванов*. – Тбилиси: Изд. Тбилис. ун-та, 1984. – Ч. 1. – 428 с.; Ч. 2. – С. 439-1328.

Ганина Н.А. Готская языческая лексика [Текст] / *Н.А. Ганина*. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – 176 с.

Герценберг Л.Г. Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках [Текст] / *Л.Г. Герценберг*. – Л.: Наука, 1972. – 274 с.

Грачева Г.Н. Традиционное мировоззрение охотников Таймыра (на материалах нганасан XIX – начала XX в.) [Текст] / *Г.Н. Грачева*. – Л.: Наука, 1983 – 173 с.

Гухман М.М. Готский язык [Текст]/*М.М. Гухман*. – М.: Иностр. лит., 1958. – 288с.

Гухман М.М. Историческая типология и проблема диахронических констант [Текст] / *М.М. Гухман*. – М.: Наука, 1981. – 248 с.

Гухман М.М. Приемы сравнительно-исторического изучения словоизменения [Текст] / *М.М. Гухман* // Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков. – М.: Изд. АН СССР, 1956. – С. 209-285.

Гухман М.М. Происхождение строя готского глагола [Текст] / *М.М. Гухман*. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – 154 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] / *В.И. Даль*. – М.: Изд-во иностр. и нац. словарей, 1955. – Т. 1. – 700 с.

Десницкая А.В. Именные классификации и проблема индоевропейского склонения [Текст] / *А.В. Десницкая* // Известия АН СССР. – ОЯЛ., 1941. – № 3. – С. 49-55.

Десницкая А.В. Именные классификации и проблема индоевропейского склонения [Текст] / *А.В. Десницкая* // Сравнительное языкознание и история языков. – Л.: Наука, 1984б. – С. 57-70.

Десницкая А.В. К вопросу о развитии номинативной типологии предложения из активной [Текст] / *А.В. Десницкая* // Сравнительное языкознание и история языков. – Л.: Наука, 1984а. – С. 153-162.

Дульзон А.П. Кетский язык [Текст] / *А.П. Дульзон*. – Томск: Изд-во ТГУ, 1968. – 636 с.

Дульзон А.П. Прасамодийские форманты глагольного лица [Текст] / *А.П. Дульзон* // Сов. финноугроведение, 1972. – № 2. – С. 139-144.

Дыбо В.А. Язык – Этнос – Археологическая культура (несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы) [Текст] / *В.А. Дыбо* // Язык. Культура. Этнос: Сб. ст. М., 1994. – С. 39-51.

Дыбо В.А. Язык – Этнос – Археологическая культура (несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы) [Текст] / *В.А. Дыбо* // Встречи этнических культур в зеркале языка в сопоставит. лингвокульт. аспекте. – М, 2002. – С. 453-476.

Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев [Текст] / *Ж. Дюмезиль*. – М.: Наука, 1986. – 236 с.

Жирмунский В.М. Существовал ли «прагерманский» язык? [Текст] / *В.М. Жирмунский* // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1971. – № 3. – С. 3-6.

Журина М.А. Именные посессивные конструкции и проблема неотторжимой принадлежности [Текст] / *М.А. Журина* // Категория бытия и обладания в языке. – М.: Наука, 1977. – С. 194-258.

Задорожний Б.М. Порівняльна фонетика і морфологія готської мови [Текст] / *Б.М. Задорожний*. – Львів, 1960. – 297 с.

Иванов Вяч.Вс. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы [Текст] / *Вяч.Вс. Иванов*. – М.: Наука, 1965. – 298 с.

Иванов Вяч.Вс. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка [Текст] / *Вяч.Вс. Иванов* // Известия АН СССР. Сер. лит-ры и яз. – М.: Наука, 1975. – Т. 34. – № 5. – С. 399-408.

Иванов Вяч.Вс. Сравнительно-исторический анализ категории определенности – неопределенности в славянских, балтийских и древнебалканских языках в свете индоевропеистики и ностратики [Текст] / *Вяч.Вс. Иванов* // Категория определенности – неопределенности в славянских и балканских языках. – М.: Наука, 1979. – С. 11-64.

Иванов Вяч.Вс. Хеттский язык [Текст] / *Вяч.Вс. Иванов*. – М.: Изд-во вост. лит-ры., 1963. – 222 с.

Иванова Ю.В. Обрядовый огонь [Текст] / *Ю.В. Иванова* // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. – М.: Наука, 1983. – С. 116-130.

Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков: сравнительный словарь: в 3 т. [Текст] / *В.М. Иллич-Свитыч*. – М.: Наука, 1971-1984. – 3 т.

Ильиш Б.А. История английского языка [Текст] / *Б.А. Ильиш*. – Л.: Просвещение, 1973. – 351 с.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica) [Текст] / *Иордан*: пер. и комм. Е.Ч. Скржинской. – М.: Изд-во Вост. лит., 1960. – 318 с.

Иоффе В.В. Происхождение и развитие категории рода в праиндоевропейском языке [Текст] / *В.В. Иоффе* // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 1973. – 23 с.

Историко-типологическая морфология германских языков. Фономорфология. Парадигматика. Категория имени [Текст] / отв. ред. *М. М. Гухман и др.* – М.: Наука, 1977. – 360 с.

Казанцева Т.Ю. Об основных группах готских существительных со сложными формантами и их параллелях в индоевропейских языках [Текст] / *Т.Ю. Казанцева* // Вестник ТГПУ. – Томск, 2006. – Выпуск 4 (55). Серия: Гуманитарные науки (Филология). – С. 17-25.

Казанцева Т.Ю. Сложные основообразующие форманты в готском языке [Текст] / *Т.Ю. Казанцева* // Вестник ИГЛУ. Проблемы историко-типологических исследований германских языков. К 75-летию М. Я. Блоха. – Иркутск, 2000. – С. 23-29.

Казанцева Т.Ю. Сложные основообразующие форманты, их роль в формировании готских склонений существительных [Текст] / *Т.Ю. Казанцева* // Автореф. дис... канд. филол. наук. – Томск, 2000а. – 23 с.

Кацнельсон С.Д. Историко-грамматические исследования [Текст] / *С.Д. Кацнельсон*. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 384 с.

Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление [Текст] / *С.Д. Кацнельсон*. – Л.: Наука, 1972. – 216 с.

Киле Н.Б. Лексика, связанная с религиозными представлениями нанайцев [Текст] / *Н.Б. Киле* // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (Вторая половина XIX—начало XX в.). / Отв. ред. И.С. Вдовин. – Л.: Наука, 1976. – С. 189-202.

Ким А.А. Семантические основы сочетаемости лично-притяжательных суффиксов с именами существительными в селькупском языке [Текст] / *А.А. Ким* // Теоретические вопросы фонетики и грамматики языков народов СССР. – Новосибирск, 1981. – С. 74-83.

Климов Г.А. Типология языков активного строя [Текст] / *Г.А. Климов*. – М.: Наука, 1977. – 320 с.

Красухин К.Г. Введение в индоевропейское языкознание [Текст] / *К.Г. Красухин*. – М.: Академия, 2004. – 320 с.

Красухин К.Г. Некоторые проблемы реконструкции индоевропейского синтаксиса (В связи с выходом книги Ю.С. Степанова «Индоевропейское предложение») [Текст] / *К.Г. Красухин* // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1990. – № 6. – С. 71-84.

Красухин К.Г. Очерки по реконструкции индоевропейского синтаксиса [Текст] / *К.Г. Красухин*. – Ин-т языкознания РАН. М.: Наука, 2005. – 239 с.

Крейнович Е.А. Именные классы и грамматические средства их выражения в кетском языке [Текст] / *Е.А. Крейнович* // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1961. – № 2. – С. 106-116.

Крейнович Е.А. О грамматическом выражении именных классов в глаголе кетского языка [Текст] / *Е.А. Крейнович* // Кетский сборник. – М.: Наука, 1968. – С. 139-195.

Кубрякова Е.С. Именное словообразование в древних германских языках [Текст] / *Е.С. Кубрякова* // Проблемы морфологического строя германских языков. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 122-134.

Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. Морфология [Текст] / *П.С. Кузнецов*. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1953. – 306 с.

Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов [Текст] / *В.М. Кулемзин*. – Томск: Изд-во ТГУ, 1984. – 191 с.

Курилович Е. Очерки по лингвистике [Текст] / *Е. Курилович*. – М.: Иностр. лит., 1962. – 456 с.

Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов. Женщины, огонь и опасность [Текст] / *Дж. Лакофф* // Новое в зарубежной лингвистике, под ред. Звегинцева В.А. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. 23. – С. 12-51.

Леви-Брюль Л. Выражение принадлежности в меланезийских языках [Текст] / *Л. Леви-Брюль* // Эргативная конструкция предложения. – М., 1950. – С. 208-217.

Леви-Брюль Л. Первобытное мышление [Текст] / *Л. Леви-Брюль*: пер. с фр. В.К. Никольского, А.В. Киссина. – М.: Аметист, 1930. – XXVIII. – 338 с.

Леви-Стросс К. Структурная антропология [Текст] / *К. Леви-Стросс*. – М.: Эксмо-Пресс, 2001. – 512 с.

Левковская К.А. Проблемы словообразования в сравнительно-историческом исследовании и методика их изучения (на материале древних германских языков) [Текст] / *К.А. Левковская* // Научные доклады высшей школы, филологические науки. – М., 1960. – С. 65-79.

Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 683 с.

Листова Н.М. Пища в обрядах и обычаях [Текст] / *Н.М. Листова* // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. – М.: Наука, 1983. – С. 161-173.

Майтинская К.Е. К происхождению местоименных слов в языках различных систем [Текст] / *К.Е. Майтинская* // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1966. – № 1. – С. 15-25.

Майтинская К.Е. К типологии генетической связи личных и указательных местоимений разных систем [Текст] / *К.Е. Майтинская* // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1968. – № 3. – С. 31-40.

Майтинская К.Е. Местоимения в языках разных систем [Текст] / *К.Е. Майтинская*. – М.: Наука, 1969. – 308 с.

Майтинская К.Е. Функция местоименного суффикса -n- в личных и вопросительных местоимениях финно-угорских языков [Текст] / *К.Е. Майтинская* // Вопросы финно-угорского языкознания. – М.-Л., 1962. – С. 65-80.

Макаев Э.А. Вопросы именного склонения в древних германских языках [Текст] / *Э.А. Макаев* // Тр. ин-та языкознания АН СССР. Вопросы германистики. – М., 1959. – Т. 9 – С. 5-51.

Макаев Э.А. Понятие общегерманского языка [Текст] / *Э.А. Макаев* // Материалы второй научной сессии по вопросам германского языкознания. – М., 1961. – С. 44-67.

Макаев Э.А. Проблема детерминативов в индоевропейском и общегерманском [Текст] / *Э.А. Макаев* // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1969. – № 1. – С. 3-21.

Макаев Э.А. Сравнительная, сопоставительная и типологическая грамматика [Текст] / *Э.А. Макаев* // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1964. – №1. – С. 3-13.

Макаев Э.А. Структура слова в индоевропейских и германских языках [Текст] / *Э.А. Макаев*. – М.: Наука, 1970. – 287 с.

Макаев Э.А., Кубрякова Е.С. О морфологическом статусе основообразующих элементов в готском языке [Текст] / *Э.А. Макаев, Е.С. Кубрякова* // Фонетика. Фонология. Грамматика. К 70-летию А.А. Реформатского. – М.: Наука, 1971. – С. 204-210.

Маньков А.Е. Происхождение категории рода в индоевропейских языках [Текст] / *А.Е. Маньков* // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 2004. – № 5. – С. 79-92.

Мейе А. Общеславянский язык [Текст] / *А. Мейе*. – М.: Иностр. лит., 1951. – 491 с.

Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков [Текст] / *А. Мейе*. – М., Л.: Соцэкгиз, 1938. – 510 с.

Мурясов Р.З. Слабое склонение имен существительных как морфологическое средство выражения одушевленности [Текст] / *Р.З. Мурясов* // Уч. зап. 1-ый Моск. пед. инст. ин. яз. им. Мореса Тореза, 1969. – Т. 52. – С. 353-368.

Новицкая И.В. Готские *ni*-abstracta и их место в системе склонения [Текст] / *И.В. Новицкая* // Вестник Новосиб. гос. ун-та, 2005. – Т. 3. – Вып. 1. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – С. 6-10.

Новицкая И.В. Исторический анализ некоторых основообразующих формантов в готском языке [Текст] / *И.В. Новицкая* // *Lingua Gotica: Новые исследования* / отв. ред. Н.С. Бабенко, А.Л. Зеленецкий. – Институт языкознания РАН. – Калуга: Изд-во «Эйдос», 2007. – С. 192-201.

Новицкая И.В. О некоторых особенностях группы абстрактных существительных *i*-основ в готском языке [Текст] / *И.В. Новицкая* // Теория, история, типология языков: Материалы чтений памяти В.Н. Ярцевой. – М., 2003а. – Вып. 1. – С. 115-122.

Новицкая И.В. Образование абстрактных существительных в готском языке [Текст] / *И.В. Новицкая* // *Сибирский филологический журнал*. – Барнаул-Кемерово-Новосибирск-Томск, 2003б. – № 3. – С. 98-105.

Одри Ж. Индоевропейский язык [Текст] / *Ж. Одри* // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – С. 24-121.

Осипова О.А. О связи категорий одушевленности с категорией принадлежности и категорией падежа в древнегерманских языках [Текст] / *О.А. Осипова* // Вопросы социолингвистической вариативности языковой нормы (на материале романо-германских языков). – Ярославль, 1981. – С. 67-76.

Осипова О.А. Отражение категории одушевленности (неодушевленности) в склонении готских существительных с основами на *-ōn*, *-jōn*, *-wōn*, *-ein* [Текст] / *О.А. Осипова* // Сопоставительный анализ лингвистических категорий. – Томск: Изд-во ТГУ, 1980а. – С. 14-21.

Осипова О.А. Отражение категории одушевленности/неодушевленности в парадигме склонения в древнегерманских языках (на материале готского языка) [Текст] / *О.А. Осипова*. – Томск: Изд. Томского ун-та, 1980б. – 130 с.

Осипова О.А. Следы классного и активного строения имени в древних индоевропейских языках [Текст] / *О.А. Осипова* // Теоретические аспекты лингвистических исследований. – Новосибирск, 1984. – С. 37-46.

Осипова О.А. Типичные черты проявления категории одушевленности/неодушевленности в склонении древних индоевропейских существительных с основами на *-g* [Текст] / *О.А. Осипова* // Типология лингвистических категорий. – Томск, 1987. – С. 4-12.

Осипова О.А. Типология древнегерманских именных склонений в свете индоевропейских и уральских языков [Текст] / *О.А. Осипова*. – Томск: Изд. ТГПУ, 2007. – 312 с.

Осипова О.А. Функциональная вариативность древнегерманских консонантных основообразующих формантов [Текст] / *О.А. Осипова* // Языки мира. Проблемы языковой вариативности. – М.: Наука, 1990. – С. 153-171.

Основы финно-угорского языкознания: (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков) [Текст] / редкол.: В. И. Лыткин и др. Акад. наук СССР. Ин-т языкознания; – М.: Наука, 1974. – 483 с.

- Охотина Н.В.* Статус конструктус в языке суахили [Текст] / *Н.В. Охотина* // Вопросы африканской филологии. – М.: Наука, 1974. – С. 3-14.
- Охотина Н.В.* Согласовательные классы в восточных и южных языках банту. Коммуникативный статус и грамматическая структура [Текст] / *Н.В. Охотина* – М.: Наука, 1985. – 184 с.
- Плиний Старший.* Естественная история [Текст] / *Старший Плиний* // Древние германцы: Сб. документов / Под ред. А.Д.Удальцовой. – М., 1937. – С. 47-54.
- Плутарх.* Биография Гая Мария [Текст] / *Плутарх* // Древние германцы: Сб. документов / Под ред. А.Д.Удальцовой. – М., 1937. – С. 127-138.
- Покровская Л.П.* Земледельческая обрядность [Текст] / *Л.П. Покровская* // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. – М.: Наука, 1983. – С. 67-90.
- Порциг В.* Членение индоевропейской языковой области [Текст] / *В. Порциг* Пер. с нем. – М., 1964. – 332 с.
- Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике [Текст] / *А.А. Потебня.* – М.: Просвещение, 1968. – Т. 3. – 550 с.
- Прокофьев Г.Н.* Селькупская (остяко-самоедская) грамматика [Текст] / *Г.Н. Прокофьев.* – Л.: Изд-во ин-та народов Севера, 1935. – 131 с.
- Прокофьева Е.Д.* К вопросу о социальной организации селькупов [Текст] / *Е.Д. Прокофьева* // Сибирский этнографический сборник / Л. П. Потапов, М. Г. Левин; Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, АН СССР. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 88-107.
- Прокофьева Е.Д.* Старые представления селькупов о мире [Текст] / *Е.Д. Прокофьева* // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. (Вторая половина XIX—начало XX в.). / Отв. ред. И.С. Вдовин. – Л.: Наука, 1967. – С. 106-128.
- Прокош Э.* Сравнительная грамматика германских языков [Текст] / *Э. Прокош*: пер. с англ. – М.: Иностр. лит-ра, 1954. – 379 с.
- Путилов Б.Н.* Миф – обряд – песня Новой Гвинеи [Текст] / *Б.Н. Путилов.* – М.: Наука, 1980. – 515 с.
- Рифтин А.П.* Категория видимого и невидимого мира в языке [Текст] / *А.П. Рифтин* // Уч. зап. Ленингр. ун-т. Сер. филол. наук. – Л., 1946. – Вып. 10. – С. 136-152.
- Рулен М.* Происхождение языка: ретроспектива и перспектива [Текст] / *М. Рулен* // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1991. – № 1. – С. 5-19.
- Савченко А.Н.* Сравнительная грамматика индоевропейских языков [Текст] / *А.Н. Савченко.* – М.: Высш. шк., 1974. – 410 с.
- Савченко А.Н.* Эргативная конструкция предложения в праиндоевропейском языке [Текст] / *А.Н. Савченко* // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов [отв. ред. В. М. Жирмунский]. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1967. – С. 74-90.
- Серебренников Б.А.* Вероятностные обоснования в компаративистике [Текст] / *Б.А. Серебренников.* – М.: Наука, 1979. – 352 с.

Серебренников Б.А. К проблеме происхождения притяжательных суффиксов в тюркских и уральских языках [Текст] / *Б.А. Серебренников* // Фонетика. Фонология. Грамматика. К 70-летию А. А. Реформатского. – М.: Наука, 1971. – С. 277-282.

Серебренников Б.А. О причинах неодинакового порядка расположения притяжательных суффиксов в уральских и алтайских языках [Текст] / *Б.А. Серебренников* // *Acta Orientalia, Acad. Hung.*, 1962. – Vol. 15. – P. 311-313.

Серов С.Я. Календарный праздник и его место в европейской народной культуре [Текст] / *С.Я. Серов* // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. – М., 1983. – С. 39-54.

Смирницкий А.И. Лексическое и грамматическое в слове [Текст] / *А.И. Смирницкий* // Вопросы грамматического строя. – М.: АН СССР, 1955. – С. 3-53.

Соловьева Л.Н. Древние германцы и их языки [Текст] / *Л.Н. Соловьева* // Введение в германскую филологию. – М.: Высшая школа, 1980. – С. 7-27.

Сравнительная грамматика германских языков [Текст] / отв. ред. *М.М. Гухман и др.* – М.: Наука, 1963. – Т. 1. – 204 с.; Т. 3. – 455 с.

Стеблин-Каменский М.И. Древнеисландский язык [Текст] / *М.И. Стеблин-Каменский*. – М.: Иностр. лит., 1955. – 286 с.

Стеблин-Каменский М.И. Снорри Стурлусон и его «Эдда» [Текст] / *М.И. Стеблин-Каменский* // Младшая Эдда. – Л., 1970. – С. 183-219.

Степанов Ю.С. Индоевропейское предложение [Текст] / *Ю.С. Степанов*. – М.: Наука, 1989. – 248 с.

Суханова В.С. О семантике притяжательного суффикса 3 лица единственного числа в пермских языках [Текст] / *В.С. Суханова* // Лингвистический сборник. – Петрозаводск, 1962. – Вып. 1. – С. 80-89.

Тацит Публий Корнелий. Анналы [Текст] / *Публий Корнелий Тацит.* Сочинения в двух томах. – Санкт-Петербург: Наука, 1993. – Т 1.

Тацит Публий Корнелий. Германия [Текст] / *Публий Корнелий Тацит* // Древние германцы: Сб. документов. – М., 1937. – С. 55-82.

Тацит Публий Корнелий. О происхождении германцев и местоположении Германии [Текст] / *Публий Корнелий Тацит.* Сочинения в двух томах. – Л., 1970. – Т. I.

Тейлор Э. Миф и обряд в первобытной культуре [Текст] / *Э. Тейлор* – Смоленск: Русич, 2000. – 624 с.

Тодд Малькольм. Варвары. Древние германцы. Быт, религия, культура [Текст] / *Малькольм Тодд* – М.: [Центрполиграф](#), 2005. – 223 с.

Токарев С.А. Обычаи, обряды и поверья, связанные с животноводством [Текст] / *С.А. Токарев* // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. – М.: Наука, 1983. – С. 90-97.

Токарев С.А. Религия в истории народов мира [Текст] / *С.А. Токарев*. Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Политиздат, 1976. – 575 с.

Токарев С.А., Филимонова Т.Д. Обряды и обычаи, связанные с растительностью [Текст] / *С.А. Токарев, Т.Д. Филимонова* // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. – М.: Наука, 1983. – С. 145-160.

Топорова И.Н. Система именных классов в языке лингала [Текст] / *И.Н. Топорова* // Вопросы африканской филологии. – М.: Наука, 1974. – С. 15-35.

Топорова Т.В. Семантическая структура древнегерманской модели мира [Текст] / *Т.В. Топорова* – М.: Радикс, 1994. – 190 с.

Тронский И.М. О доминативном прошлом индоевропейских языков [Текст] / *И.М. Тронский* // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. – Л., 1967б. – С. 91-94.

Тронский И.М. Общеиндоевропейское языковое состояние [Текст] / *И.М. Тронский*. – Л.: Наука, 1967а. – 103 с.

Туманян Э.Г. Структура индоевропейских имен в армянском языке [Текст] / *Э.Г. Туманян*. – М.: Наука, 1978. – 366 с.

Уленбек Х.К. Идентифицирующий характер посессивной флексии в языках Северной Америки [Текст] / *Х.К. Уленбек* // Эргативная конструкция предложения. – М., 1950. – С. 186-207.

Филимонова Т.Д. Вода в календарных обрядах [Текст] / *Т.Д. Филимонова* // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. – М.: Наука, 1983. – С. 130-145.

Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра [Текст] / *О.М. Фрейденберг*. – Л., 1936. – 385 с.

Фрэзер Дж. Золотая ветвь [Текст] / *Дж. Фрэзер*. – М.: Политиздат, 1980. – 831 с.

Хомич Л. В. Представления ненцев о природе и человеке [Текст] / *Л. В. Хомич* // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. – Л.: Наука, 1976. – С. 16-30.

Цезарь К.Ю. Записки о галльской войне [Текст] / *К.Ю. Цезарь* // Древние германцы: Сб. документов. – М., 1937. – С. 10-33.

Чемоданов Н.С. Германские языки [Текст] / *Н.С. Чемоданов* // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. – М., 1982. – С. 91-115.

Шантрэн П. Историческая морфология греческого языка [Текст] / *П. Шантрэн*. – М.: Ин. лит., 1953. – 337 с.

Шилдз К. Заметки о происхождении основообразующих формантов в индоевропейском [Текст] / *К. Шилдз* // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1990. – № 5. – С. 12-17.

Шилдз К. Некоторые замечания о раннеиндоевропейской именной флексии [Текст] / *К. Шилдз* // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1988. – С. 224-250.

Шухардт Г. Посессивность и пассивность [Текст] / *Г. Шухардт* // Эргативная конструкция предложения. – М., 1950. – С. 143-151.

Элиаде М. История веры и религиозных идей [Текст] / *М. Элиаде*. В 3 Т. Том второй: от Гаутамы Будды до триумфа христианства. – М.: Критерион, 2002. – 512 с.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг [Текст] / *Ф. Энгельс, К. Маркс* // Соч. 2-е изд. – М., 1961. – Т. 20. – С. 267-338.

Энгельс Ф. К истории древних германцев [Текст] / *Ф. Энгельс, К. Маркс* // Соч. 2-е изд. – М., 1961. – Т. 19. – С. 442-494.

Якобсон Р.О. К характеристике Евразийского языкового союза [Текст] / *Р.О. Якобсон*. – Б. М., 1931. – 59 с.

Якубинский Л.П. История древнерусского языка [Текст] / *Л.П. Якубинский*. – М.: Гос. учебно-пед. изд-во М-ва просвещения РСФСР, 1953. – 368 с.

Ярцева В.Н. Историческая морфология английского языка [Текст] / *В.Н. Ярцева*. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 194 с.

Ahlsson L.-E. Die Altfriesischen Abstraktbildungen [Text] / *L.-E. Ahlsson* – Uppsala, 1960. – 330s.

Bahder K. von. Die Verbalabstracta in den Germanischen Sprachen [Text] / *K. von. Bahder*. – Halle, 1880. – 327 s.

Benveniste E. Les substantives -nt du Hittite [Text] / *E. Benveniste* // Bulletin de la société de linguistique de Paris, 1962. – V. 57.

Berkum J. The Psycholinguistics of grammatical Gender [Text] / *J. Berkum* – Nijmegen: Nijmegen University Press, 1996. – P. 14-23.

Bosworth J., Toller T. N. An Anglo-Saxon Dictionary [Text] / *J. Bosworth, T. N. Toller*. / Based on the Manuscript Collections: vol. 1. – Oxford, 1954-1955. XII, 1302 p.

Bosworth J., Toller T. N. An Anglo-Saxon Dictionary [Text] / *J. Bosworth, T. N. Toller*. – London: Oxford University Press, Amen House, 1973.

Braune W. Althochdeutsche Grammatic [Text] / *W. Braune*. – Halle, 1955. – XII. – 362 s.

Brugmann K. Grundriss der Vergleichenden Grammatik der Indogermanischen Sprachen [Text] / *K. Brugmann*. – Strassburg: Karl J. Trübner, 1892. – Bd.2. – XIV. – 1438 s.

Brugmann K. Kürze Vergleichende Grammatik der Indogermanischen Sprachen. – Berlin und Leipzig, 1922. – 774 s.

Burrow T. The Sanskrit Language [Text] / *T. Burrow*. – London, 1955. – 311 p.

Comrie B. Language Universals and Linguistic Typology [Text] / *B. Comrie*. – Chicago, Illinois, 1989. – 264 p.

Corbett G.G. Gender [Text] / *G.G. Corbett*. – Cambridge, 1991. – 325 p.

- Décsy G.* The Uralic Protolanguage: A Comprehensive Reconstruction [Text] / *G. Décsy.* – Bloomington, Indiana: Eurolingua, 1990. – Vol. 9. – 148 p.
- Décsy G.* The Indo-European Protolanguage: A Computational Reconstruction. [Text] / *G. Décsy.* – Bloomington, Indiana, 1991. – 240 p.
- Diesner H.J.* The Great Migration [Text] / *H.J. Diesner*: translated from the German by C.S. Salt, B.A. Hons. – Great Britain, Leipzig, 1978. – 255 p.
- Dokulil M.* Tvoření Slov v Češtině [Text] / *M. Dokulil.* – Praha, 1962.
- Feist S.* Etymologisches Wörterbuch der Gotischen Sprache [Text] / *S. Feist.* – Halle: Max Niemeyer, 1920. – 448 p.
- Feist S.* Vergleichendes Wörterbuch der Gotischen Sprache [Text] / *S. Feist.* – 1. Aufl. Halle/Salle, 1909.
- Fick A., Stokes W.* Vergleichendes Wörterbuch der Indogermanischen Sprachen [Text] / *A. Fick, W. Stokes.* – Göttingen, 1890. – XXIVIIIX. – 560 s.
- Fodor I.* The Origin of grammatical Gender [Text] / *I. Fodor* // *Lingua*, 1959. – 8.1. – P. 1-41. – 8.2. – P. 186-214.
- Frisk Hj.* Griechisches Etymologisches Wörterbuch [Text] / *Hj. Frisk.* – Heidelberg, 1954-1985. – Lief. 1-16.
- Glob P. V.* The mound people. Danish bronze-age man preserved [Text] / *P. V. Glob.* – Ithaka; New York, 1974.
- Grimm J.* Deutsche Mythologie [Text] / *J. Grimm* – Göttingen, 1854. – Bd. I-II.
- Goodloe J.F.* Nomina Agentis auf -el im Neuhochdeutschen. Hesperia. Schriften zur germanischen Philologie. [Text] / *J.F. Goodloe.* – Göttingen, 1929. – 231 s.
- Güntert H.* Kalipso. Bedeutungsgeschichtliche Untersuchungen auf dem Gebiet der Indogermanischen Sprachen [Text] / *H. Güntert* . – Halle/Salle, 1919.
- Curme G.O.* A Grammar of the English Language: Syntax [Text] / *G.O. Curme.* – N. Y., 1931. – Vol. III. – XV. – 616 p.
- Halphen L.* Germanic Society of the Early Sixth Century [Text] / *L. Halphen* // *The Barbarian Invasion: Catalyst of a New Order* / Edited by Katherine Fischer Drew. – N.Y., 1970. – P. 27-41.
- Haudry J.* L'emploi du cas en védique: Introduction à l'emploi du cas en indo-européen [Text] / *J. Haudry.* – Paris, 1977.
- Hazelkorn L.* The Role of Deixis in the Development of Finno-Ugric Grammatical Morphemes [Text] / *L. Hazelkorn* // *Working Papers in Linguistics.* – 1983. – P. 90-117.
- Helm K.* Altgermanische Religionsgeschichte [Text] / *K. Helm.* – Heidelberg, 1937. – Bd. II. – T. 1; 1953. – Bd. II. – T. 2.
- Hirt H.* Geschichte der Deutschen Sprache [Text] / *H. Hirt.* – München, 1925. – 299 s.
- Hirt H.* Handbuch des Urgermanischen [Text] / *H. Hirt.* – Heidelberg, 1932. – T. II – VII. – 200 s.

- Höfler O.* Kultische Geheimbünde der Germanen [Text] / *O. Höfler.* – Frankfurt a M., 1934. – Bd. I.
- Jellinek M. H.* Geschichte der Gotischen Sprache [Text] / *M. H. Jellinek.* – Berlin und Leipzig, 1926. – IX. – 209 s.
- Kieckers E.* Handbuch der Vergleichenden Gotischen Grammatik [Text] / *E. Kieckers.* – München, 1928. – XVI. – 288 s.
- Kluge F.* Urgermanisch. Vorgeschichte der Altgermanischen Dialekte [Text] / *F. Kluge.* – Dritte Verbesserte und Vermehrte Aufl. – Strassburg, 1913. – 306 s.
- Kluge F.* Nominale Stammbildungslehre der Altgermanischen Dialekte [Text] / *F. Kluge* – Max Niemeyer Verlag. – Dritte Auflage. – Halle: Max Niemeyer, 1926. – 155 s.
- Krahe H.* Historische Laut- und Formenlehre des Gotischen [Text] / *H. Krahe.* – Heidelberg, 1948. – 143 s.
- Krahe H.* Germanische Sprachwissenschaft [Text] / *H. Krahe.* – 3-te Aufl. Formenlehre. – Berlin, 1957. – Bd. II. – 251 s.
- Krause W.* Handbuch des Gotischen [Text] / *W. Krause.* – München: Beck, 1953. – 200 s.
- Kuhn Ad.* Die Herabkunt des Feuers und des Göttertrankes [Text] / *Ad. Kuhn .* – Berlin, 1859. – 262 s.
- Kurylowicz J.* The Inflectional Categories of Indoeuropean [Text] / *J. Kurylowicz.* – Heidelberg: Winter, 1964. – 246 p.
- Laroche E.* Un ‘ergatif’ en indo-européen [Text] / *E. Laroche* // Bulletin de la société de linguistique de Paris, 1962. – V. 57.
- Lass R.* Old English. A historical linguistic Companion [Text] / *R. Lass.* – Cambridge: University Press, 1997. – 300 p.
- Lehmann W.P.* On Earlier Stages of the Indo-European Inflection [Text] / *W.P. Lehmann* // Language. – 1958. – Vol. 34. – № 2. – P. 179-202.
- Lehmann W.P.* From phonetic facts to syntactic paradigms: The noun in Early PIE [Text] / *W.P. Lehmann* // The Indo-Europeans in the fourth and third millennia / Ed. by Edgar C. Polome. – Karoma publishers, INC, 1982. – P. 140-155.
- Lehmann W.P.* A Gothic Etymological Dictionary [Text] / *W.P. Lehmann* // Based on the third edition of Vergleichendes Wörterbuch der Gotischen Sprache by Sigmund Feist. – Leiden – E.J. Brill, 1986. – 413 p.
- Lilie E.* Studier över Nomina Agentis i Nutida Svenska [Text] / *E. Lilie.* – Göteborg, 1921. – 149 s.
- Lohmann J.* Genus und Sexus [Text] / *J. Lohmann.* – Göttingen, 1932. – 270 s.
- Lommel H.* Studien über die Indogermanische Femininbildungen [Text] / *H. Lommel.* – Göttingen, 1912. – 235 s.
- Meillet A.* Linguistique Historique et Linguistique Générale [Text] / *A. Meillet.* – Deuxieme edition, II. – Paris, 1926. – 351 p.

Meillet A. Essai de Chronologie des Langues Indo-Européennes [Text] / *A. Meillet* // Bulletin de la société de linguistique de Paris, 1931. – Vol. 32. – P. 1-28.

Meyer L. Die Gotische Sprache [Text] / *L. Meyer* – Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1869. – XVI. – 780 s.

Ossipova O.A. Common Traces of Active Structure in Nouns in the Uralic and Indo-European Languages [Text] / *O.A. Ossipova* // Congressus Sextus Internationalis Firmo-Ugristarum: Abstracts. – Syktyvkar, 1985. – Vol. 2. – P. 44.

Ossipova O.A. The mystery of consonantal nominal stem-building markers in ancient Germanic [Text] / *O.A. Ossipova* // Language and Parole in Synchronic and Diachronic Perspective / Ed. by: Beedham. – University of St. Andrews, UK, 1999. – P. 411-418.

Ossipova O. A. Ancient Germanic declensions approached from a cognitive, historical and cultural perspective [Text] / *O.A. Ossipova* // De lingua et litteris: Studia in honorem Casimiri Andreae Sroka / Ed. by Danuta Stanulewicz, Roman Kalisz etc. – Gdansk, 2005. – P. 121-125.

Osthoff H. Kleine Beitrage zur Declinationslehre der Indogermanischen Sprachen [Text] / *H. Osthoff* // Morphologische Untersuchungen. – Leipzig, 1878. – T. I. – S. 207-290.

Owen F. The Germanic People: Their Origin, Expansion and Culture [Text] / *F. Owen*. – New Haven: College and University Press, 1966. – 317 p.

Paul H. Deutsches Wörterbuch [Text] / *H. Paul* – Fünfte Auflage bearbeitet von Alfred Schirmer. – Halle, 1956-1957. – Lief. 1-10. – 782 s.

Pokorny J. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch [Text] / *J. Pokorny*. Berlin; München, 1959. – Bd. I-II.

Polomé E.C. Germanic and the other Indo-European languages [Text] / *E.C. Polomé* // Coetsem & Kufner, eds. Towards a Grammar of Proto-Germanic. – Halle, 1972. – P. 43-59.

Polomé E.C. Indo-European Culture, with Special Attention to Religion [Text] / *E.C. Polomé* // The Indo-Europeans in the Fourth and Third Millennia. – Karoma Publishers, Inc. Ann Arbor, 1982. – P. 156-172.

Ruhlen M. The Origin of Language: Tracing the Evolution of the Mother Tongue [Text] / *M. Ruhlen*. – USA, 1994. – 239 p.

Schade O. Altdeutsches Wörterbuch [Text] / *O. Schade*. – Halle: Verlag von Buchhandlung des Waisenhauses, 1882. – Bd. 1-2. – CXV. – 1446 s.

Skeat W.W. A Mæso- Gothic Glossary / With an Introduction, an Out-line of Mæso-Gothic Grammar and a List of Anglo-Saxon and Old and Modern English Words Etymologically Connected with Mæso-Gothic [Text] / *Skeat W.W.* – London: Clarendon Press, 1868. – XXII. – 340 p.

Skeat W.W. A Concise Etymological Dictionary of the English Language [Text] / *W.W. Skeat*. – Oxford, 1909. – 778 p.

Solta G.R. Gedanken über den -nt- Suffix [Text] / *G.R. Solta* – Wien, 1958.

Specht F. Der Ursprung der Indogermanischen Deklination [Text] / *F. Specht* – Göttingen: Vadenhock and Ruprecht, 1947. – 423 s.

Streitberg W. Urgermanische Grammatik [Text] / *W. Streitberg* / Einführung in das Vergleichende Studium der Altgermanischen Dialekte. – Heidelberg, 1896. – 470 s.

Streitberg W. Die Gotische Bibel [Text] / *W. Streitberg*. – Heidelberg, 1910. – Bd. 3. XLVI, – 484 s.; Gotisch-griechisch-deutsches Wörterbuch – Heidelberg, 1910. – Teil 2. – XVI. – 180 s.

Sütterlin L. Geschichte der Nomina Agentis im Germanischen [Text] / *L. Sütterlin*. – Strassburg, 1887. – 319 s.

Tchekhoff C. Le double cas-sujet des inanimés: un arhaïsme de la syntaxe Hittite [Text] / *C. Tchekhoff* // Bulletin de la société de linguistique de Paris, 1978. – V. 73.

The Phoenix (Verse Indeterminate Saxon) // The Labyrinth Library [Electronic Resource]. – 2002. – Mode of access: <http://www.georgetown.edu/labyrinth/oe/texts/a3.4.html>.

Thiele O. Die Konsonantischen Suffixe der Abstrakta des Altenglischen [Text] / *O. Thiele*. – Darmstadt, 1902. – 154 s.

Thompson E.A. The Early Germans [Text] / *E.A. Thompson*. – Oxford: Clarendon Press, 1965. – XII. – 162 p.

Thompson E.A. The Germans in the Time of Ceasar [Text] / *E.A. Thompson* // The Barbarian Invasion: Catalyst of a New Order / ed. by K. Fischer Drew. – N.Y., 1970. – P. 70-76.

Uhlenbeck C.C. Kurzgefasstes Etymologisches Wörterbuch der Gotischen Sprache [Text] / *C.C. Uhlenbeck*. – Amsterdam: Verlag Von Joh. Müller, 1896. – 173 s.

Velten H.V. The Accusative Case and its Substitutes in Various Types of Languages [Text] / *H.V. Velten* // Language. – 1932. – № 8. – P. 255-270.

Vigfusson G., Cleasly R. An Icelandic-English Dictionary [Text] / *G. Vigfusson, R. Cleasly* / Subsequently revised, enlarged and completed by Gudbrund Vigfusson. – Oxford, 1957. – XXXXV.

Vries J.de. Altgermanische Religionsgeschichte [Text] / *J.de. Vries*. – Berlin, 1956. – Vol. 1. – 585 s.

Wackernagel J., Debrunner A. Altindische Grammatik [Text] / *J. Wackernagel, A. Debrunner*. – Göttingen, 1930. – Bd. III. – 233 s.

Walde A. Lateinisches Etymologisches Wörterbuch [Text] / *A. Walde*. – Heidelberg, 1938-1954. – Bd. 1-2.

Weinhold K. Die Gotische Sprache im Dienste des Christenthums [Text] / *K. Weinhold*. – Halle/Salle, 1870.

Wilmanns W. Deutsche Grammatic. Gotisch, Alt-, Mittel- und Neuhochdeutsch [Text] / *W. Wilmanns*. Zweite Abteilung: Wörtbildung. – Strassburg, 1899. – 687 s.

Wright J., Wright E.M. Old English Grammar [Text] / *J. Wright, E.M. Wright* – Third edition. – London: Oxford University Press, 1950. – XVI. – 372 p.

Wundt W. Volkerpsychologie [Text] / *W. Wundt*. – Leipzig, 1900. – 195 p.

Zimmer H. Die Nominalsuffixe A und Â in den Germanischen Sprachen. Quellen und Forschungen zur Sprach- und Kulturgeschichte der Germanischen Völker [Text] / *H. Zimmer.* – Strassburg, 1876. – Bd. XIII. – 293 s.

Zoëga G.T. A Concise Dictionary of the Old Icelandic [Text] / *G.T. Zoëga.* – Oxford, 1910. – 551 p.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Названия источников

ИТМГЯ	– Историко-типологическая морфология германских языков
ЛЭС	– Лингвистический энциклопедический словарь
ОФУЯ	– Основы финно-угорского языкознания
СГГЯ	– Сравнительная грамматика германских языков

Тексты Ветхого и Нового Завета

Е.	– Послание к Ефесянам
Г.	– Послание к Галатам
И.	– Евангелие от Иоанна
К.	– Послание к Колоссянам
Л.	– Евангелие от Луки
М.	– Евангелие от Матфея
Мс.	– Евангелие от Марка
Тим. I	– Первое послание к Тимофею

Названия языков и диалектов

авест.	– авестийский
алб.	– албанский
англ.	– английский
англо-сакс.	– англо-саксонский
ар.	– арийский
арм.	– армянский
болг.	– болгарский
вал.	– валлийский
гал.	– галльский
герм.	– германские (языки)

гол.	— голландский
гомер.	— гомеровский
гот.	— готский
греч.	— греческий
дат.	— датский
двн.	— древневерхненемецкий
др. болг.	— древнеболгарский
др.-англ.	— древнеанглийский
др.-герм.	— древнегерманские (языки)
др.-инд.	— древнеиндийский
др.-ирл.	— древнеирландский
др.-исл.	— древнеисландский
др.-лат.	— древнелатинский
др.-нид.	— древненидерландский
др.-прус.	— древнепруссский
др.-рус.	— древнерусский
др.-сакс.	— древнесаксонский
др.-сканд.	— древнескандинавский (древнесеверный)
др.-фриз.	— древнефризский
и.-е.	— индоевропейский
индогерм.	— индогерманский
ирл.	— ирландский
исл.	— исландский
кельт.	— кельтский
кет.	— кетский
кимр.	— кимрский
лат.	— латинский
латыш.	— латышский
лит.	— литовский
лув.	— лувийский
нвн.	— нововверхненемецкий
нем.	— немецкий
нид.	— нидерландский
рун.	— рунический
свн.	— средневерхненемецкий
сканд.	— скандинавский
скр.	— санскрит
ст.-слав.	— старославянский
хетт.	— хеттский
цслав.	— церковнославянский
чеш.	— чешский
шв.	— шведский

Грамматические термины

вин. п.	– винительный падеж
глагол.	– глагол
дат. п.	– дательный падеж
др.	– другие
ед. ч.	– единственное число
ж. р.	– женский род
зват. п.	– звательный падеж
им. п.	– именительный падеж
м. р.	– мужской род
местн. п.	– местный падеж
мн. ч.	– множественное число
наст. вр.	– настоящее время
осн.	– основа
прил.	– прилагательное
притяж. п.	– притяжательный падеж
род.п.	– родительный падеж
ср.	– сравните
ср.р.	– средний род
суф.	– суффикс
сущ.	– существительное
Akk.	– аккузатив
Gen.	– генетив

Татьяна Юрьевна Казанцева

СКЛОНЕНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ СО СЛОЖНЫМИ
ОСНОВООБРАЗУЮЩИМИ ФОРМАНТАМИ
В ДРЕВНЕГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Монография

Технический редактор Ю.А. Акулова

Печатается в соответствии с авторской рукописью.

Подписано к печати _____ Формат 60х84/32.
Гарнитура Times New Roman. Бумага писчая №2
Плоская печать. Усл. печ. л. 8,5 Уч. изд. л. _____
Тираж 50 экз. Заказ _____

Отпечатано в ИИО СТИ НИЯУ МИФИ
636036 Томская обл., г. Северск,
пр. Коммунистический, 65